

ИНДИЙСКАЯ И ИРАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

*Вопросы
диалектологии*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИНДИЙСКАЯ И ИРАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1971

Ответственный редактор
Н. А. ДВОРЯНКОВ

Книга является вторым тематическим сборником по вопросам диалектологии индо-иранских языков (см. «Индийская и иранская филология», М., 1964), содержит новые исследования и материалы по индийским, иранским и дардским диалектам. Даются описания конкретных диалектов, а также рассматриваются вопросы взаимодействия между литературными языками и диалектами.

А. Л. Грюнберг

К ДИАЛЕКТОЛОГИИ ДАРДСКИХ ЯЗЫКОВ (ГЛАНГАЛИ И ЗЕМИАКИ)

Упоминание об особом языке, существующем в селении Глангал в среднем течении р. Пич (к северу от р. Кунар), впервые встречается у Г. Моргенстьерне: «... по расспросным сведениям, в селении Глангал говорят на особом языке, так называемом *Žimakē žiba*, вероятно, представляющем собой диалект пашаи»¹.

В. Ленц, участвовавший в 1935 г. в немецкой ботанической экспедиции в Нуристан, собрал некоторые дополнительные сведения о глангали и *Žimakē žiba*. В отчете об указанной экспедиции² Ленц сообщает, что *Žimakē žiba* и язык Глангала представляют собой два разных языка. На первом из них говорит население дер. Джумиаки (*Dschumiaki*) в долине Чапа-дара. Жители этой деревни — переселенцы из дер. Нишей в долине Вайгал. О Глангале и его языке Ленц там же сообщает следующие сведения: «Глангал находится... в долине Дигал... выше сел. Утала. Язык этого селения, по-видимому, идентичен языку насчитывающего 100 домов сел. Нингалам, у впадения р. Вайгал в р. Пич, и языку сел. Верхний Шумашт, насчитывающего 20 домов. Мой информант знал несколько фраз на глангали, так как он провел там в обучении у муллы 2 года. Судя по этим фразам (фразы не приведены. — А. Г.), глангали еще ближе стоит к языку гавар, чем его западный изолированный диалект»³.

Этими двумя упоминаниями и ограничиваются в настоящее время имеющиеся в научной литературе сведения о языках Глангала и Земиаки. Каких-либо материалов по ним до

¹ G. Morgenstierne, *Report on a Linguistic Mission to North-Western India*, Oslo, 1932, p. 24

² W. Lentz, *Deutsche im Hindukusch*, Berlin, 1937, S. 273.

³ Ibid. Под последним, очевидно, имеется в виду упомянутый выше изолированный диалект сел. Верхний Шумашт в дол. р. Мазар, правого притока р. Кунар.

сих пор не было опубликовано и, более того, нет сведений о том, чтобы кто-либо из исследователей посещал указанные селения или же пытался записать образцы этих языков у выходцев из соответствующих селений в каком-либо другом географическом пункте. Что же касается языков гавар, нингалами, шумашти, о которых Ленц упоминает как о близких или идентичных языку Глангала, то они описаны Моргенстьерне в двух работах. Первая из них, «Notes on Shumashti»⁴, основана на небольшом количестве материала, собранного в 1929 г. у некоего Достмаммада в Пешаваре, т. е. за пределами Афганистана. Как отмечает и сам автор, собранный им материал очень неполон и имеет фрагментарный характер. Вторая, более обстоятельная работа, «Notes on Gawar Bati»⁵, содержит значительно больше материала; в небольшом приложении к ней, озаглавленном «Note on Ningalami», автор приводит небольшое количество слов и фраз, которые ему удалось записать в Нингаламе у 75-летнего старосты этого селения. Этот человек был одним из немногих, кто еще помнил что-то из своего родного языка; в целом Нингалам сейчас говорит на пушту.

В этой заметке Г. Моргенстьерне вновь делает предположение, что на диалекте, близком к нингалами, говорят как в Глангале, так и в «Джумиаки» (кавычки Г. Моргенстьерне, стр. 58). Однако, добавляет автор, лишь исследование, проведенное на месте, может разрешить этот вопрос.

Автору настоящего сообщения довелось неоднократно посещать сел. Глангал и пройти всю долину р. Дигал, на берегу которой расположено указанное селение, от устья до истоков, во время полевого сезона 1963 г., а также работать со специально для этой цели приглашенным выходцем из Глангала во время путешествий в Центральный Нуристан (долины р. Парун и Кантива) в октябре 1963 г. и в Центральный и Западный Нуристан (р. Кантива и р. Кулам) в сентябре 1964 г.

Второй из языков, о которых идет речь, изучался автором в июле—августе 1963 г. во время путешествия к верховьям р. Чапа-дара и непосредственно в соответствующем селении.

ГЛАНГАЛИ

Сел. Глангал расположено в среднем течении р. Дигал, правого притока р. Дарай-Пич, в 8—10 км от устья, и является третьим по счету и последним селением в этой долине, начиная от устья. Ниже расположены сел. Утала и

⁴ G. Morgenstierne, *Notes on Shumashti*,— «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», Oslo, XIII, 1945.

⁵ G. Morgenstierne, *Notes on Gawar Bati*,— «Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo», Hist.-Fil. Klasse, II, 1950, № 1.

непосредственно у впадения р. Дигал в р. Пич — сел. Гусалак.

Жители этих двух селений, как и почти всей основной долины р. Пич вниз от сел. Гусалак, в настоящее время говорят целиком на пушту, хотя название первого из них позволяет предполагать, что ранее и это селение входило в ареал глангальского языка (*utalə, utala* — гланг. 'верхний')⁶. Само сел. Глангал (*Grangal, Grungal*) расположено на правом берегу р. Дигал, недалеко от устья р. Саратгал, ее левого притока. Несколько домов, где говорят по-глангальски (в частности, дом нашего информатора), образующие нечто вроде выселков, расположены в устье упомянутого притока.

Р. Дигал образует долину, типичную для всей области предгорьев Гиндукуша к югу от собственно Нуристана. Основным занятием населения является земледелие. Естественных угодий, пригодных для орошения, здесь почти нет; посевы расположены на искусственных террасах, поднимающихся ступеньками от русла реки. Земледелие только поливное, полив осуществляется с помощью довольно сложной оросительной системы. В год снимается два урожая: первый — обычно пшеницы, второй — кукурузы и в низовьях долины — риса. Огородных и бахчевых культур почти нет, садов сравнительно мало и состоят они преимущественно из граната и грецкого ореха.

Скотоводство носит отгонный характер. Удобных пастбищ вблизи селения нет. Пастухи вместе со скотом откочевывают на все теплое время года в верховья притока Учнау, где живут все это время в сложенных из камня хижинах.

Количество семей, живущих в Глангале, в настоящее время едва ли превышает пятьдесят; из них некоторая часть благодаря смешанным бракам уже не говорит по-глангальски. Все носители глангальского языка, по крайней мере все мужчины, владеют также местным диалектом пушту. Только

⁶ Вообще топонимика долины р. Пич и некоторых ее притоков с ныне пуштуязычным населением, вниз от устья р. Дигал, является частично дардской, ср., например, такие топонимы, как *Ričalam* — крупный правый приток р. Пич между с. Гусалак и устьем р. Вайгал, *Lindalam* — местность в верховьях р. Чапа-дара, правого притока р. Пич, ныне заселенная афганцами-сафи, *Gušalam* — афганское селение в долине р. Чапа-дара, *Kalaigal, Darmangal, Talaigal* — притоки р. Чапа-дара, *Sigal, Awlagal, Saratgal* — притоки р. Дигал. В состав перечисленных названий входят дардские элементы *lam* 'деревня', 'селение' (ср. *Barelam* — название пашайской деревни в правом истоке р. Дарай-Нур) и *gal* (с фонетическими вариантами) 'река', 'ущелье' (ср., например, кафирск. *Waigal* букв. 'река [племени] Вай'). Отметим, что топонимика р. Дарай-Пич и ее притоков, выше сел. Гусалак, представляющей южную границу собственно Нуристана, как это в свое время было справедливо отмечено Н. И. Вавиловым в кн. «Земледельческий Афганистан», является почти сплошь кафирской или же смешанной (как, например, *Safedgal* — название левого притока р. Пич, непосредственно выше устья р. Дигал, также населенного афганцами-сафи).

благодаря изолированности до недавнего прошлого долины. Дигал (ныне до сел. Гусалак существует автомобильная дорога с регулярным сообщением) в Глангале мог сохраниться особый язык, исчезновение которого является делом недалекого будущего, как это уже произошло в сел. Нингалам, расположенном непосредственно на дороге.

Нашим основным информантом был житель сел. Глангал. Джаббархан, неграмотный крестьянин лет 40. Кроме родного языка и местного диалекта пушту он владел также слабо персидским языком, которому обучился во время службы в армии. От него записана большая часть собранных текстов. В изучении языка, когда оно проводилось непосредственно в сел. Глангал, помогал также его брат — местный мулла, в возрасте 50—55 лет.

Глангальцам хорошо известно о близости их языка к вымершему языку сел. Нингалам и в меньшей степени — к языку шумашти. О языке гавар они, однако, имеют весьма отдаленное представление. Самих себя глангальцы причисляют к этнической группе *kustiani* (искаженное перс. *kuhestani* 'горец'), понимая под этим термином все непустуязычное население области правых притоков р. Кунар, включая собственно Нуристан; внутри этой группы они различают, однако, кафиров, или, как их повсеместно называют, *jādidi* (т. е. прозелиты), и пашай и не смешивают себя ни с одной из этих групп.

Сколько-нибудь удовлетворительного истолкования топонима *Grangal* мне слышать не пришлось; возможно, однако, что в его второй части мы имеем тот же элемент *-gal*, что и в перечисленных выше (см. прим. 6) топонимах.

Собранный нами материал свидетельствует, насколько можно судить по сделанным Моргенстьерне записям, о большой близости исчезнувшего ныне нингалами и глангали, которые находились между собой, по-видимому, в отношении близких говоров, если и не были полностью идентичны. В этом можно видеть косвенное подтверждение полученных Е. Моргенстьерне у своего информатора сведений о том, что население Нингалама переселилось из Глангала пять поколений тому назад. Что касается близости глангальского и нингалами к языку шумашти и через него к языку гавар, то наши материалы не противоречат этому выводу, поскольку речь идет о близости генетической. В настоящее время, как будет показано ниже, это — весьма далеко разошедшиеся диалекты, причем близость их проявляется в большей степени в области лексики, чем в области грамматики и фонетики⁷. Ни о какой идентичности здесь не может быть и речи.

⁷ Термин «диалекты» употреблен здесь в историческом смысле; сегодня ничто не мешает нам считать глангали и шумашти обособленными языками.

Ниже мы остановимся вкратце на основных чертах фонетической и грамматической структуры глангали, приводя там, где это возможно, для сравнения формы шумасти (ш.) по материалам Г. Моргенштерне. Автор отдает себе отчет в том, что собранный им материал (часть которого будет приведена ниже) далек от того, чтобы дать исчерпывающее представление о глангали. Однако, поскольку представляется маловероятным, чтобы изучение этого языка было продолжено в ближайшем будущем, мы решились представить собранный материал в его настоящем виде.

1. **Фонетика.** По качеству выделяются следующие неназализованные гласные фонемы: *i, e, a, o, u, ʉ, ə* (ш. *i, e, a, o, u*). Вопрос о фонологической значимости долготы весьма сложен, как это отмечается и Г. Моргенштерне для шумасти. Несомненно фонологическое значение противоположения *a—ə* (ш. *ā—a*) и *i—i*. Прочие противоположения нами не установлены, как, впрочем, не во всех словах определено количество гласного *i*; в записях долгота этого гласного отмечается лишь в несомненных случаях. Возможно, что имеет место противоположение *ā—a—ə*, однако этот вопрос остался не до конца выясненным. Так же как в случае с фонемой *i*, долгота гласного *ā* (возможно, позиционная) указана лишь в бесспорных случаях.

Г. Моргенштерне, по-видимому, не рассматривает назализованные гласные в шумасти как самостоятельные фонемы. Он считает в одних случаях назализацию результатом влияния этимологического *n* в исходе слога; в ряде случаев имеет место вторичная (т. е. необъяснимая влиянием *n*) назализация. Каково бы ни было происхождение назализованных гласных, в современном глангали они, как видно из следующих примеров, являются фонемами: *tō* 'рис', ср. *pon* 'пять'; *tē* эргат. ф. личн. мест. 2-го л. ед. ч., ср. *itén* буд. вр. 3-го л. мн. ч. гл. *i-* 'становиться'; *āč* 'глаз', ср. *andə* 'мясо'; *sūl* 'иголка', ср. *ahin* 3-го л. мн. ч. глагола-связки.

Выделены следующие дифтонги: *ei* (ш. *ai*), имеющий в качестве первого элемента гласный широкого диапазона (от *ε* до *ə*); *ʉə* — восходящий дифтонг; *au* и *eu*.

В целом различия в вокализме глангали и шумасти не кажутся значительными. Более заметны различия в консонантизме, который представлен для глангали в следующей схеме:

<i>k</i>	<i>g</i>	<i>ŋ</i>	<i>x</i>	
<i>č</i>	<i>j</i>		<i>š</i>	<i>ž</i>
<i>c</i>	<i>ʒ</i>		<i>s</i>	<i>z</i>
<i>t</i>	<i>d</i>	<i>n</i>		
<i>ʈ</i>	<i>ɖ</i>	<i>ɳ</i>		<i>r ɾ l λ y w</i>
<i>p</i>	<i>b</i>	<i>m</i>		<i>h</i>

Наиболее резкой особенностью глангали является отсутствие придыхательного ряда *ch, ʈh, th, ph*, характерного для языков шумашти и гавар. Не зарегистрировано нами также церебральных *ç, çh, ş, ʒ*.

Противоположение *ʒ — z* в глангали не устойчиво, ср. параллельные произношения *ʒim: zīm, ʒan: zan* и т. д. Фонема *x* представляет собой заднеязычный спирант, так же как в шумашти; увулярного *x* в глангали нет. *λ* глухой латеральный, ср. ш. *ʎ*, например: *ʎe* 'три', *ʎam* 'работа'.

Фонемы *j* и *ɣ* встречены преимущественно в заимствованных словах, например: *baʃa* 'час', *kāɣaz* 'бумага'.

2. **Имя.** Категория рода сохранилась лишь частично. Несомненно к женскому роду могут быть причислены лишь имена на *-i*, образуемые от имен мужского рода на *a, ə*, так же, как это имеет место в шумашти⁸, ср.: *alə məsə pičalā-as, acə ištəli pičalt-s* 'Этот мужчина старый, та женщина старая'.

Формы множественного числа существительных употребляются довольно редко, т. е. форма единственного числа может в зависимости от контекста пониматься и как форма множественного числа.

В зафиксированных примерах множественное число имеет окончание *-etə: atərə ʒangāl-a yei guletə asi* 'В том саду много деревьев' (*gulə* 'дерево').

Именной показатель *-a (-ə)* может обозначать местонахождение или направление: *ā-m bāg-ə mewə yei -as* 'У него в саду много фруктов', *abə lām-a ceim* 'Я иду на работу'⁹. Тот же показатель, а также показатель *-o* может оформлять и прямое дополнение: *tu acə dār-a pasihis-a?* 'Ты видишь эту гору?'; *acə inč-o me lām-əs* 'Я убил этого медведя'. В большинстве исследуемых примеров, однако, прямое дополнение не оформлено.

Показатель *-əm(-m)* образует притяжательно-определяющую форму имени: *dekān-əm ast* 'рука крестьянина'; *acə šu-pani šungali-m-asi* 'Этот посох — из тутового дерева'; *bāg-əm guletə paləsā-as* 'Деревья сада — зеленые'.

Эргативная форма имени имеет окончание *-e*, причем конечный гласный *-ə (-a)* существительного замещается этим показателем: *mesə* 'мужчина' — *mese*; *ištəli* 'женщина' — *ištəli-e*.

3. **Личные местоимения** имеют прямую, объектную, притяжательную и эргативную формы. Эти местоимения приведены в табл. 1 в сравнении с формами шумашти (по Моргенстьерне).

⁸ G. Morgenstierne, *Notes on Shumashti*, p. 249.

⁹ Cp. G. Morgenstierne, *Notes on Shumashti*, p. 250.

Форма	Единственное число		Множественное число	
	1-е лицо	2-е лицо	1-е лицо	2-е лицо
Прямая	<i>abə</i> , ш. <i>ā</i>	<i>tu</i> , ш. <i>tu</i>	<i>abə</i> [<i>šukə</i>], ш. <i>abə</i>	<i>mī</i> , ш. <i>wī</i>
Объектная	<i>mei</i> , ш. <i>mo</i>	<i>tei</i> , ш. <i>to</i>	<i>aba</i> , ш. <i>ama</i>	<i>me</i> , ш. <i>ima</i>
Эргативная	<i>me</i> , ш. <i>mui</i> , <i>me</i>	<i>tē</i> , ш. <i>tui</i>	<i>abe</i> , ш. <i>amai</i>	<i>mi</i> , ш. <i>imai</i>
Притяжательная	<i>tam</i> , ш. <i>tono</i>	<i>tam</i> , ш. <i>tono</i>	<i>abə-m</i> , ш. <i>amana</i>	<i>me-m</i> , ш. <i>imāna</i>

Как видно из табл. 1, формы личных местоимений глагали и шумашти в целом весьма различны. Отметим, что в глагали формы личных местоимений 1-го лица обоих чисел совпадают, поэтому во множественном числе личное местоимение нередко употребляется в сочетании с местоимением *šukə* 'все': *abə šukə* 'мы', 'мы все'. Местоимение *šukə* в свою очередь имеет следующие формы: прям. *šukə*, объектн. *šū-o* (?), эрг. *šui*, притяж. *šū-əm*.

4. **Указательные местоимения** представлены многочисленными формами, первичными и осложненными дополнительными показателями (табл. 2)

Таблица 2

Форма	Ближняя степень	Дальняя степень	Мн. ч.
Прямая	<i>wi alə</i>	<i>atə acə</i>	
Объектная			<i>aci, aci-o</i>
Эргативная	<i>anə, enə alə</i>	<i>atənə acə</i>	<i>aci</i>
Притяжательная	<i>ā-m alə-m</i>	<i>at-əm(?) acə-m</i>	<i>aci-m</i>

Вторичные формы: *aləmə*, *almi*, *atəmə*; последняя, по-видимому, представляет собой множественное число; их косвенные формы не зарегистрированы.

Для сравнения приводим таблицу указательных местоимений шумашти из работы Моргенштерне¹⁰ (табл. 3).

¹⁰ В работе Моргенштерне («Notes on Shumashti») эта таблица дана со ссылкой на систему, принятую Грипсоном для языка ховар в «Linguistic Survey of India», vol. VIII, pt II, Calcutta, 1919.

Таблица 3

Формы Падеж и число	Очные		Заочные
	ближняя степень	средняя степень	дальняя степень
Nom. Sg.	<i>uoi</i>	<i>aloi</i>	<i>ase</i>
Obl. »	<i>ame</i>	<i>aləmə</i>	<i>atəse</i>
Ag. »			<i>aten</i>
Nom. Pl.			<i>ate, te</i>

Как видно из табл. 3, форма *aləmə* отнесена Моргенштерне к косвенным, хотя в глангали это несомненно прямая или неизменяемая форма, как явствует, в частности, из такого примера: *aləmə xálək yei warəg xálək əsin* 'Этот народ — очень плохой народ'.

Вопрос о наличии трехстепенной системы в указательных местоимениях глангали не вполне ясен, хотя по аналогии с шумашти и по ряду других соображений можно предполагать трехстепенную или даже четырехстепенную систему (в соответствии с тем, как местоимения расположены в табл. 2).

Большая часть перечисленных указательных местоимений употребляется как в атрибутивной, так и в субстантивной функции. Исключением являются указанные в табл. 2 формы множественного числа (объектная *aci-o* и эргативная), встреченные только в независимом употреблении.

5. Местоименные суффиксы 2-го л. ед. ч. *-u*, 3-го л. ед. ч. *-əs*, *-as*, мн. ч. *-ən* могут употребляться как с именами, в частности, в определительной конструкции¹¹, так и с глаголами: *le-u* 'твой брат', *me tei mātum-u* 'Я тебя убил', *te acio pásdau-ən* 'Ты их видел', *me atə pasim-əs* 'Я его видел' (см. также ниже, стр. 12).

6. **Послелог.** Часть послелогов сочетается с прямой формой имен и личных местоимений, часть — с притяжательной.

К числу первых принадлежат послелог направления *-də* || *-da*, послелог *-pa* 'по', *-guru* 'под', *-məzdé* 'до', 'вплоть до' и ряд других, преимущественно пространственного значения: *abə tei gé-də šamau* 'Я пошлю тебя домой', *tu kūārég pónt-pa ceis?* 'По какой дороге ты пойдешь?', *gulə-guru* 'под деревом', *mazigár-məzde* 'до полудня' и т. п. С притяжательной формой сочетаются послелог *-lei* 'с', 'вместе с', *-gaṇa* 'для', *-dam* — послелог исхода:

¹¹ Моргенштерне отмечает в шумашти местоименные суффиксы для обоих чисел во всех лицах («Notes on Shumashti», p. 254).

te acə mesá-m-lei yei bek kariu 'Ты очень хорошо поступил с этим человеком';

tam baké-m-dam alás imé 'Я избавлюсь от твоего долга';

mé-m-gaŋa zánla tan bég-asi 'Для вас хорошо уединенное место'.

7. Прочие местоимения и неизменяемые наречия: *kituk* 'что', *kē* 'кто', *kənáməs* 'сколько', *anáməs* 'столько', *anər* 'сейчас', *ac*, *acbasu* 'сегодня', *desa* 'завтра', *tasəmdesa* 'завтра', *yei* 'очень', 'много', *timla*, *timlá-gə* 'там', *ala*, *alá-gə* 'здесь', *andrə* 'вверху', *iri* 'другой', *aplék* 'мало' и т. п.

8. Числительные: 1—*yek*, 2—*du*, 3—*le*, 4—*cur*, 5—*pon*, 6—*šu*, 7—*sat*, 8—*ašt*, 9—*nu*, 10—*das*, 11—*zas*, 12—*bas*, 13—*lewəs*, 14—*cudás*, 15—*panžás*, 16—*šurás*, 17—*satás*, 18—*aštás*, 19—*usi*, 20—*isi*, 21—*isirek*, 22—*isiredu*, ... 37—*isiresatás*, ... 40—*dúisi*.

9. Глагол-связка имеет следующие формы (для сравнения приводятся формы шумашти):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>asīm//ahīm</i> , ш. <i>inam</i> , <i>inim</i>	<i>asīk</i> , <i>ahīk</i> , ш. <i>inamas</i>
2-е л.	<i>asīs//ahīs</i> , ш. <i>inas</i>	<i>asīu</i> , <i>ahīu</i> , ш. <i>inou</i>
3-е л.	<i>as//asi//ahi</i> , ш. <i>ine</i> , <i>ini</i>	<i>asīn</i> , <i>ahīn</i> , ш. <i>inat</i>

10. Глагол. Существенно различается спряжение переходного и непереходного глаголов. Все финитные формы образуются от основы при помощи двух типов личных окончаний:

Первый тип

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>-im</i>	<i>-ik</i>
2-е л.	<i>-is</i>	<i>-iu</i>
3-е л.	<i>-i</i>	<i>-in</i>

Эти личные окончания имеются во всех временах непереходных глаголов, а также в части временных форм прошедшего времени переходных глаголов.

Второй тип

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>-m</i>	<i>-ei</i>
2-е л.	<i>-u</i>	<i>-ēi</i>
3-е л.	<i>-s</i>	<i>-n</i>

Посредством окончаний второго типа образуется часть форм прошедшего времени переходного глагола. При присоединении личных окончаний к основе на стыке происходят различные фонетические изменения, что затрудняет ее выделение из парадигмы финитных форм; чистую основу некото-

рых глаголов представляет собой императив 2-го л. ед. ч., во 2-м л. мн. ч. — с окончанием *-u*: *li* 'умри', *liu* 'умрите'. Спряжение глаголов в изъявительном наклонении представлено в следующих парадигмах. Глагольные формы приводятся с соответствующими личными местоимениями (для 3-го л. с наиболее часто встречающимися указательными местоимениями).

Переходный глагол

gi- 'брать', *la-* 'бить', *da-* 'давать'

Настоящее время

Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>abə gīm, leim, deim</i>	<i>abə (šúkə) gīk, leik, deik</i>
2-е л. <i>tu gīs, leis, deis</i>	<i>mi gīu, leu, deu</i>
3-е л. <i>acə gī, lei, dei</i>	<i>acə (šúkə) gīn, lein, dein</i>

Прошедшее I

Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>me gim, lam, dam</i>	<i>abe (šúi) gī, lei, dei</i>
2-е л. <i>tē giu, lau, dau</i>	<i>mi gī, lei, dei</i>
3-е л. <i>atəné gis, las, das</i>	<i>aci gīn, lan, dan</i>

Прошедшее II

Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>mē gitəm, látəm, dátəm</i>	<i>abe gitei, látei, dátei</i>
2-е л. <i>tē ditu, látu, dátu</i>	<i>mi " " "</i>
3-е л. <i>atəné gitəs, látəs, dátəs</i>	<i>aci gitən, látən, dátən</i>

Прошедшее III (несовершенный вид?)

Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>abə gītim, léitim, déitim</i>	<i>abə (šúkə) gītik, léitik, déitik</i>
2-е л. <i>tu gītis, léitis, déitis</i>	<i>mi gītiu, léitieu, déitieu</i>
3-е л. <i>acə gīti, léiti, déiti</i>	<i>acə (šúkə) gītin, léitin, déitin</i>

Преждепрошедшее время

Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>me gidam, ládam, dádam</i>	<i>abe gidei, ládei, dádei</i>
2-е л. <i>tē gidau, ládau, dádau</i>	<i>mi gidei, ládei, dádei</i>
3-е л. <i>atəne gidas, ládas, dádas</i>	<i>aci gidan, ládan, dádan</i>

Будущее I

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>abə gimé, lamé, damé</i>	<i>abə šúkə giké, laké, daké</i>
2-е л.	<i>tu gisé, lasé, dasé</i>	<i>mi giwé, lawé, dawé</i>
3-е л.	<i>acə gié, laé, daé</i>	<i>acə (šúkə) giné, lané, dané</i>

Будущее II (несовершенный вид?)

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>abə gītimé, leitimé, deitimé</i>	<i>abə gītiké, leitiké, deitiké</i>
2-е л.	<i>tu //gitise, gice leitisé// leice, deitisé//deice</i>	<i>mi gītiwé, leitiwé, deitiwé</i>
3-е л.	<i>acə gīté, leité, deité</i>	<i>acə (šúkə) gītiné, leitiné, deitiné</i>

Императив

de, deu, deiti, deitiu
le, lau, leiti, leitiu
gī, gīu, gīti, gītiu

Непереходный глагол

dari- 'оставаться', *za*- 'приходить'

Настоящее время

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>darim, žim</i>	<i>darik, žik</i>
2-е л.	<i>daris, žis</i>	<i>dariu, žiu</i>
3-е л.	<i>dari, ži</i>	<i>darin, žin</i>

Прошедшее I

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>darisúm, aim</i>	<i>darisúk, ai</i>
2-е л.	<i>darisús, ais</i>	<i>darisú, aiu</i>
3-е л.	<i>darús, ai</i>	<i>darisún, ain</i>

Прошедшее II

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>darésim, zésim</i>	<i>darésik, zésik</i>
2-е л.	<i>darésis, zésis</i>	<i>darésiū, zésiū</i>
3-е л.	<i>darés, zes</i>	<i>darésin, zésin</i>

Прошедшее III

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>daréitim, zéitim</i>	<i>daréitik, zéitik</i>
2-е л.	<i>daréitis, zéitis</i>	<i>daréitiu, zéitiu</i>
3-е л.	<i>daréiti, zéiti</i>	<i>daréitin, zéitin</i>

Преждепрошедшее время

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>daricum, zicum</i>	<i>daricum, zicuk</i>
2-е л.	<i>daricus, zicus</i>	<i>daricu, zicu</i>
3-е л.	<i>daricu, zicu</i>	<i>daricun, zicun</i>

Будущее I

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>darimé, zimé</i>	<i>dariké, ziké</i>
2-е л.	<i>darisé, zisé</i>	<i>dariwé, ziwé</i>
3-е л.	<i>darié, zié</i>	<i>dariné, ziné</i>

Будущее II (несовершенный вид?)

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>dareitimé, zeitimé</i>	<i>dareitiké, zeitiké</i>
2-е л.	<i>dareicé, zeicé</i>	<i>dareitiwé, zeitiwé</i>
3-е л.	<i>dareité, zeité</i>	<i>dareitiné, zeitiné</i>

Императив: *dar, daru, ze, zu; zéiti, zéitiu.*

Глангали не проводит различия между транзитивным и интранзитивным презенсом с разными системами личных окончаний, что является характерным для шумашти и гавар («Notes on Shumashti», p. 256). В двух типах претерита шумашти, приводимых Моргенштерне, можно видеть соответствие прошедшему I и II глангали. Параллелей глангальским формам прошедшего III, будущего I и II в материалах Моргенштерне нет.

Неизъявительное наклонение представлено двумя формами. Они образуются соответственно от основы I и II будущего при помощи тех же личных окончаний без конечного гласного *-e*, но с наращением *-an*, по следующему образцу:

Глагол *ša-* 'посылать'

I	II
<i>šamán</i>	<i>šatimán</i>
<i>šasán</i>	<i>šacán</i>
<i>šayán</i>	<i>šatán</i>
<i>šakán</i>	<i>šatikán</i>
<i>šawán</i>	<i>šatiwán</i>
<i>šayán</i>	<i>šatinán</i>

Различие между двумя формами, по-видимому, видовое: *aci-a kutwalián-a šakán-galək beg-əs* 'Хорошо если отошлют этих охранников';

to anitinán-galək... pucéi-pucéi xǎitiwán 'Если бы приносили рис, вы бы его варили и ели'.

В качестве прямого дополнения при глаголах как настоящего и будущего, так и прошедшего времени употребляются объектные формы местоимений; однако при переходных глаголах в прошедшем времени (кроме прошедшего III) местоимение в функции подлежащего всегда стоит в эргативной форме, причем глагол согласуется в лице и числе с подлежащим. Во 2-м и 3-м лице единственного числа глагол почти всегда в этих случаях имеет при себе соответствующий местоименный суффикс: *me tei pasim-u* 'Я тебя видел'; *me atá pasim-əs* 'Он его видел'; *me aci-o šu-o pasim-ən* 'Я их (всех) видел' и т. п.

Таким образом, здесь имеет место своеобразная активно-эргативная, в большинстве случаев плеонастическая конструкция без объектного спряжения, что резко отличает глагали¹² от кафирских языков вамаи, вайгали, земиаки (о котором будет сказано ниже), где налицо эргативная конструкция ложно-пассивного типа с согласованием глагола по лицу и числу объекта.

ЗЕМИАКИ

Сел. Земиаки расположено приблизительно в 15 км от устья р. Чапа-дара (правого притока р. Пич, ниже устья р. Дигал), на небольшом холме, являющемся частью водораздела между ее левым большим притоком Сулейманша и левым же притоком Заме, в окружении деревень, населенных афганцами-сафи. Селение насчитывает около 50 дворов. Область верховьев р. Чапа-дара, включая ее приток Сулейманша и сел. Земиаки, носит у местного населения название Линдалам. Название самого селения у афганцев — Земиаки, или Заме, у его жителей — Джамлам.

Нашим главным информантом здесь был малек (староста) сел. Земиаки *Muhammad Azam*, крестьянин лет 40, неграмотный. По его словам, население Земиаки — вайгальцы, чьи предки переселились сюда несколько сот лет назад после какой-то ссоры; сейчас же между их селением и Вайгалом существуют довольно тесные связи. Сами жители считают свой язык близким вайгальскому. Неясно, однако, какой именно из весьма различных вайгальских диалектов имеется при этом в виду. Так или иначе, сравнение приведенных ни-

¹² Аналогичные конструкции имеют место и в шумашти, см. G. Morgenstierne, *Notes on Shumashti*, p. 257.

же форм числительных, личных и указательных местоимений и глагола с вайгальскими¹³ свидетельствует о несомненной близости (но никак не идентичности) вайгали и земиаки.

Вопрос же о том, является ли последний диалектом первого, или их следует считать обособленными языками, требует специального рассмотрения.

1. **Числительные:** 1—*yok*, 2—*du*, 3—*tre*, 4—*čatá*, 5—*punč*, 6—*šu*, 7—*sut*, 8—*ušt*, 9—*nu*, 10—*doš*, 11—*yaš*, 12—*baš*, 13—*turunš*, 14—*čadēs*, 15—*pačēš*, 16—*sēš*, 17—*satás*, 18—*štaš*, 19—*iši*, 20—*wiši*, 21—*wiši aw yok*... 40—*du wiši*.

2. **Личные местоимения** (табл. 4).

Таблица 4

Форма	Единственное число		Множественное число	
	1-е лицо	2-е лицо	1-е лицо	2-е лицо
Прямая	<i>ake</i>	<i>tu</i>	<i>ami</i>	<i>mé</i>
Косвенная	<i>ū</i>	<i>tu</i>	<i>amī</i>	<i>emé</i>
Притяжательная	<i>ū-ba, im-ba</i>	<i>tū-ba</i>	<i>ám-ba</i>	<i>emém-ba</i>

3. Указательные местоимения.

ближн. ст. *i*, косв. *yū*, *yō*, притяж. *yū-ba*, *yō-ba*;
дальн. ст. *ali*, косв. *aliū*(?), притяж. *aliū-ba*.

4. Глагол.

Спряжение глагола *matra-* 'говорить':

Настоящее время

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>matrásam</i>	<i>matrásmiš</i>
2-е л.	<i>matraš</i>	<i>matráso</i>
3-е л.	<i>matrásai</i>	<i>matrást</i>

Прошедшее время

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>matrīm</i>	<i>matribiš</i>
2-е л.	<i>mātriš</i>	<i>matriu</i>
3-е л.	<i>matri</i>	<i>matrit</i>

¹³ См. G. Morgenstjerne, *The Waigali Language*, — «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», Oslo, XVII, 1954.

Имперфект

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>matrásim</i>	<i>matrētē</i>
2-е л.	<i>matrásiš</i>	<i>matrásiu</i>
3-е л.	<i>matrásī</i>	<i>matrásit</i>

Преждепрошедшее время

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>matriṭim</i>	<i>matriṭibiš</i>
2-е л.	<i>matriṭiš</i>	<i>matriṭiu</i>
3-е л.	<i>matriṭi</i>	<i>matriṭit</i>

Сослагательное наклонение

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>matrálam</i>	<i>matrálabiš</i>
2-е л.	<i>matrálaš</i>	<i>matrálau</i>
3-е л.	<i>matrálai</i>	<i>matrálat</i>

Императив: 2-е л. ед. ч. *matra*, 2-е л. мн. ч. *matru*.

Примеры эргативной конструкции: *ū tu wētu-š*, *ū i wētu* 'Я тебя видел', 'Я его видел'; *tu ake wētu-m* 'Ты меня видел'; *tu ami wētu-biš* 'Ты нас видел'; *manáš-a gaṛawá mayi* 'Человек убил барана' (*manáš* 'человек') и т. п.

ТЕКСТЫ

Глангали

1. *Alə wu yei selá-as* 'Эта вода — очень холодная'.
2. *Alə gewāl¹⁴ mām-əsīn* 'Этот дом — мой'.
3. *Alə būy tám-əs* 'Этот козел — ваш'.
4. *Alə ge mām-əs* 'Этот дом — мой'.
5. *Alə lá-mam-əs* 'Это мой брат'.
6. *Abə au naxṣāyūm* 'Я не буду есть'.
7. *Abə augun āsim // ahīm* 'Я афганец'.
8. *Abə acə mesá-am-lei Kabəl-da ceim* 'Я с этим человеком поеду в Кабул'.
9. *Atné duš andə gidəs* 'Вчера он купил мясо'.
10. *Mam xūāh-asi abə ceim, tam xūāh-eu ceis-a?* 'Я хочу пойти, [а] ты хочешь пойти?'.
11. *Mam la-mam xūāh asi Kabəl-da cei* 'Мой брат хочет поехать в Кабул'.
12. *Me tei duš Gusalák-a pásdam-u* 'Вчера я видел тебя в Гусалаке'.

¹⁴ Дом с усадьбой и имуществом.

13. *Tē tam la nápasu-s?* — *Me tam la nápasim-əs* 'Ты моего брата не видел? — Я твоего брата не видел'.

14. *Mam la iri mesé Kurdár-a pásdah-əs* 'Моего брата другой человек видел в Курдаре'.

15. *Yek mesé tam la Kurdár-a pas-əs* 'Один человек видел моего брата в Курдаре'.

16. *Acé kezán-o alá me pásimən* 'Этих трех людей я здесь видел'.

17. *Duś yé gitik eṛá me marim-əs* 'Я зарезал вчера одного барана'.

18. *Mi alá aṭw kəzə naxūāyi — abe alá aṭw naxūāyi — wur pasū cūi* 'Почему вы здесь не поели? — Мы здесь не поели, [потому что] были сыты'.

19. *Mei tu Parún-da aré! — Abə tei Parún-da ari nabéim-u. Abə tei ari nabéim-u, tam gurə ná-asi* 'Отвези меня в Парун. Я тебя не смогу отвезти, у меня нет лошади'.

20. *Wakil klei po-is?* — *Kabəl-da po-is* 'Куда поехал вакиль? — В Кабул'.

21. *Bati abə-m yei grān-əsi — me-m bati grān-əs kə āsān-əs?* 'Наш язык очень трудный, [а] ваш язык трудный или легкий?'

22. *Gí tam klág-as?* — *Gí tam Digál-darā-as* 'Где твой дом? — Мой дом в Дигал-дара'.

23. *Tē naanī béidau?* — *Í-a, me naanī béidəm* 'Ты не мог принести? — Да, я не мог принести'.

24. *Kancə cūi kə artə cūi?* '[Медведь] был черный или бурый?'

25. *Iri kiṭúk-o napastu-ən?* — *Ha, pásim-ən, du gitik saráu pásim-ən* 'Больше ты ничего не видел? — Видел, две газели видел'.

26. *Zə, du-m-lei ceik, juwār lixik* 'Пойдем вдвоем жать кукурузу'.

27. *Abə náceim, wuzgār nāhim, lam tam yei isī* 'Я не пойду, я занят, у меня много дела'.

28. *Desá alə juwār lixis kə nālixis?* — *Desá abə lixim* 'Завтра ты будешь жать кукурузу или нет? — Завтра я буду жать'.

29. *Tē ki pasīu-ən, kezə naléidau-wən?* — *Me ki léidam-ən, tēnap- tarisun* 'Если ты их (газелей) видел, почему не убил? — Когда я выстрелил, они уже убежали'.

30. *Malá céicus, me tei ligdam-u* 'Ты упал, я тебя вытащил'.

31. *Me xurim ki malá nácei, tabəse me tei ligdam-u* 'Я хотел, чтобы ты не падал, потому я тебя и вытащил'

32. *Ac klei pácus?* 'Куда ты сегодня ходил?'

33. *Kũāreg gũāl-pa pācus?* 'В какое ущелье ты ходил?'.
 34. *Ki lam kaidau?* 'Что за работу ты делал?'.
 35. *Seu candidei kə nācandidei?* 'Ты мыл песок или нет?'.
 36. *Kənāməs artā xari?* — *Ye pau artā xari?* 'Сколько красного [песка] вышло? — Один фунт красного [песка] вышел'.
 37. *Anār kituk kais?* 'Что ты сейчас делаешь?'.
 38. *Namulām, anār-məzdə nalgidātəm, čistalā-as kə rasilā* 'Не знаю, крепкий [табак] или слабый, я еще не курил'.
 39. *Alā tamākū čistalā-as ya nā-asi?* 'Этот табак крепкий или нет?'.
 40. *Ismail-am tamākū rasilā-as, mei nadei* 'У Исмаила слабый (букв. сладкий) табак, он нам не дает'.
 41. *Kəzə nadei?* 'Почему он вам не дает [табака]?'.
 42. *Alə tanām zitā-tə aintəm, tei nadēimu* 'Я привез его (табак) для себя, тебе не дам'.
 43. *Alə tamākū arzān-əs ka grān-asi?* 'Этот табак дешевый или дорогой?'.
 44. *Abə ceim, bāzār-əm gim, tam tamākū nāpim* 'Я пойду [и] куплю [табак] на базаре, твоего табака курить не буду'.
 45. *Alā-gə arzān barén, Kabul-ə grān barén* 'Здесь [табак] дешево продают, в Кабуле дорого продают'.
 46. *Yei xasiri-sum, āsbašū (/āsbašū) yei lam karim* 'Я очень устал сегодня, много работал'.
 47. *Alə tanā kitūn-gaṇā antu?* — *Čumri tanā sazēim* 'Для чего ты принес эту палку? — Я буду делать топориче'.
 48. *Tu alə sazēi nabéis, abə bek sazēim* 'Ты не сможешь это сделать, я хорошо сделаю'.
 49. *Iri gitik tanā anā, alə taplā-asi. Čumli tanā-gaṇā kandə bég-asi* 'Приноси другую палку, эта сырая. Для топорича хороша древесина миндаля'.
 50. *Angār nāgītəs* '[Дерево] не воспламенилось'.
 51. *Abə Kabāl-da céicum, yek patlūn zitəm-gaṇā antdəm* 'Я ездил в Кабул, привез себе брюки'.
 52. *Abə Kabāl-da ceim, yek šul kəim, yé ktik digrā kəim* 'Я поеду в Кабул, сошью себе штаны и рубашку'.
 53. *Yak mesə tulgulā-də wusəsi, tulú paxlēi* 'Один человек влез на орех, трясет орехи'.
 54. *Ācbaşū yei tupə cūi, tūp-am yei xaciri-sum* 'Сегодня было очень жарко, я очень устал от жары'.
 55. *Gũāl anār suhé-si, peškāl yei ti* 'Сейчас ущелье сухое, а весной [воды] становится много'.
 56. *Atə guāl-a baš nangi-galāk balou yéi isi* 'Когда в этом ущелье идет дождь, часто бывает сель'.
 57. *Amrelām-a lau yei i, Digāl-am gũāl-a juwār yei i,*

lau nai, nápusi 'В Чапа-дара рису много, в ущелье Дигал много кукурузы, рису нет, [он] не вызревает'.

58. *Abə-re tu Digál-da ceik, tərə lač xǎdyk, lač yei rasilá-as* 'Мы с тобой пойдем в Дигал, поедим винограду, [там] виноград очень сладкий'.

59. *Abə tám-lei na məsulim, na čay xǎaim* 'Я с тобой не буду ни проводить время, ни пить чай'.

60. *Təmlá-gə dǔm-lei če xǎaké, bek saat mušxuli ké* 'Там мы оба попьем чаю, хорошо проведем время'.

61. *Alá lam kəim* 'Я здесь работаю'.

62. *Abə tám-lei náceim. — Kəzə náceis?* 'Я с тобой не пойду. — Почему не пойдешь?'

63. *Zə ta dǔm-lei caké, təmlá-ga saat tarəké, paté zisé* 'Пойдем-ка вдвоем, немного времени там проведем, [потом] ты придешь обратно'.

64. *Kancá-as kə kašrá-as? — Artə bi as, kašrá bi as, kancá bi as* '[Виноград] черный или белый? — Есть и красный, и белый, и черный'.

65. *Dakə-mam yei suléi, pičalə wahtm* 'Спина у меня очень болит, старым я стал'.

66. *Guleť bi yei-isi lác-əm* 'Много [там] виноградной лозы'.

67. *Kəzə tu tám-lei čay naXuáis?* 'Почему ты со мной не будешь пить чай?'

68. *Tám-dam abə taméhim* 'Я на тебя обиделся'.

69. *Kəzə taméhis? — Duš me xuridamu, mam-lei wu puro, tē nápuridau, tapəse taméhim* 'Почему ты обиделся? — Вчера я тебе говорил, чтобы ты вместе со мной поливал [кукурузу], а ты не поливал, поэтому я и обиделся'.

70. *Zə anər dǔmlei sazík, abə tēi-ta yei ziyari kaim, anər dǔmlei sazíké!* 'Давай помиримся, я прошу у тебя прощения, теперь давай помиримся'.

71. *Alə darim yei custalá-asi, abə nambát-əm-lei xǎaim* 'Этот гранат очень кислый, я буду [его] есть с сахаром'.

72. *Abə-m bák-a darim gulə yei-isi, rasələ bi as, custalə bi as; mam custalə xǎax naasi, rasələ mam xǎax asi* 'В нашем саду много гранатовых деревьев, есть и сладкие, есть и кислые. Мне кислые не нравятся, мне сладкие нравятся'.

73. *Ácbasù yé gitik wunc peidá karim; tərəm wu pīm, yei seli cūi. Alə wu kǔ-m zi, kəzə kǐ kǔ yim yei-i, lai, tərəm wu zi* 'Сегодня я нашел источник, попил из него воды. Эта вода идет с гор. На горах много снега, он падает, оттуда идет вода'.

74. *Alá-gə du gitik wunc-isi; tu rahéitu, kǎărég beg isi,*

kũárég warég-isi 'Там есть два источника, ты посмотри, какой [из них] хороший, какой плохой'.

75. *Abé nacéi bet, xarí nabem* 'Я не могу идти, не могу тащить'.

76. *Dui mám-dam lam dari* 'Опять дела мои остаются [несделанными]'.

77. *Imón alá im yei lai* 'Зимой здесь выпадает много снега'.

78. *Hawá yei seltyi* 'Воздух очень холодным становится'.

79. *Akibasú lá-mam Čařasaráy-da pó-isi, desá ze* 'Вчера мой брат поехал в Чагасарай, завтра придет'.

80. *Abé-m dár-ə saráu yei-hin, abé léim-ən. Gũ-gũ léim-ən, šingetá anim* 'В нашем ущелье много горных коз, я их стреляю. Стреляю больших-больших, рога приношу'.

81. *Tu ceis kə náceis? — Abé ceim, nádarim, xálək šú-kəni gũân* 'Ты пойдешь или нет? — Я пойду, не останусь, люди все услыш'.

82. *Mam rupáy ná-asi, tam rupáy ahi?* 'У меня нет денег, у тебя есть деньги?'.

83. *Tu klei ceis?* 'Куда ты идешь?'.

84. *Le giik lá -mam asin* 'У меня есть три брата'.

85. *Tě alə juwār xũu-a? — Me alə juwār náxuātəm, tam lay alə juwār xũds* 'Ты съел эту кукурузу? — Я не ел этой кукурузы, эту кукурузу съел мой брат'.

86. *Tu klei pácus? — Abé Digál-da pácum, dár-pa jingicim* 'Куда ты ходил? — Я ходил в Дигал, гулял по горам'.

87. *Alə sungali tám-gaṇə ainteĩ* '[Я] принес тебе этот тут'.

88. *Mi alə wu tám-gaṇə aniu? — Alə wu mĩm-gaṇə anim* 'Вы эту воду для нас принесли? — Эту воду мы для вас принесли'.

89. *Kəzə náaniu? — Me náanim, yei gandələ cũi* 'Почему ты не принес [тушу медведя]? — Не принес, [потому что] она была очень тяжелая'.

90. *Alə mesá yek taṇá ari* 'Этот человек несет бревно'.

91. *Dár-a kiúk pastu? — Me dúisiredás kitik šadugán-o pastmən, iri sei bi pastm* 'Что ты видел в горах? — Я видел [стадо в] пятьдесят обезьян и другие вещи видел'.

92. *Ané mesé šuṇá las-əs* 'Этот человек убил собаку'.

93. *Acə wu me pĩm* 'Я эту воду выпил'.

94. *Kiúk-o pastu-s? — Inč-o pasim-əs* 'Кого ты видел? — Я видел медведя'.

95. *Inč mityán cũi kə gũ cũi?* 'Медведь был большой или маленький?'.

96. *Mi yei zahmát tarit?* 'Много вы работали?'.

97. *Paṭə kũd̥ətəm, zə, ceik! dum-lei ceik, tam yerə yei atá-así* 'Я собрал листья, пойдём! Пойдём оба, мои овцы очень голодные'.

98. *Tu bi tam-lei ze!* 'Ты тоже иди со мной!'

99. *Abə náceim, tu náceis-galək* 'Я не пойду, если ты не пойдёшь'.

100. *Tu gulá-də usáhəs* 'Ты забрался на дерево'.

101. *Abə ár basù Digál-da ceim* 'Я каждый день хожу в Дигал'.

102. *Alə ištəli acə mesá-m pás-əs-as* 'Эта женщина — сестра этого человека'.

103. *Paṭə kiṭúk-te kəis? — Erá-m-gaṇà kəim* 'Для чего ты собираешь листья? — Для овец'.

104. *Paṭə kiṭuk-a kəis? — Paṭə cadár-da kəim* 'Во что ты собираешь листья? — Я в покрывало собираю листья'.

105. *Paṭə yei kəis, aplək kəis?* 'Ты много рвешь листьев или мало?'

106. *Gulá-də usís, kiṭuk kəis? — Paṭə kəim* 'Ты забрался на дерево, что делаешь? — Рву листья'.

107. *Acə gulá-da usús, paṭə kaí* 'Он забрался на дерево, рвет листья'.

108. *Cam xaṛūs-a? — Cam xaṛəm-əs* 'Ты освеживал его (медведя)? — Я освеживал его'.

109. *Tə yei b̥di zant̥u kə b̥di nəzant̥u?* 'Ты очень испугался или нет?'

110. *Acə inč-o me lám-əs* 'Я убил этого медведя'.

111. *Birə cūi kə ixki cūi — Ixki cūi* '[Этот медведь] был самец или самка? — Самка'.

112. *Abə ceim, juwár-a wu purim* 'Я пойду поливать кукурузу'.

113. *Andə mulə nágitu-w-a? — I-a, me mul andə nág-item. — Kəzə nágidau? — Mám-da rupəy nácūi. — Anár andə náx̣ũāitiu-a? — Ac andə náx̣ũāik, mesa šátəm-əs, au čə-m-lei x̣ũāik, čə aní* 'Ты не купил мяса? — Да, я не купил мяса. — Почему ты не купил? — У меня не было денег. — Теперь ты не будешь есть мяса? — Сегодня не будем есть мяса, я послал человека [за чаем], попьём чаю с хлебом, он принесет чаю'.

114. *Tu didi¹⁵ alá taréis tam-lei ka nátareis? — Tám-gaṇà čau rucamé* 'Ты утро здесь со мной проведешь или нет? — Я вскипачу тебе чаю'.

115. *Kə-tə sazéis?* 'Для чего ты сделаешь [паласы и кошмы]?'.

116. *Mam xeimá inzúl-əm koṇé-kə-as* 'Моя палатка вблизи мельницы'.

¹⁵ Промежуток времени от 10 до 12 часов.

117. *Dú gitik bustán sazéim, du gitik lumcéi sazéim* 'Сделаю два паласа и две кошмы'.

118. *Anár imón wasí; čumři sazéim, čumři-kə dar kaím, kəzə kə imón yei ligalá-asi, imón-am-gaṇà dar aním* 'Теперь наступила зима; я сделаю топор, топором нарублю дров, потому что зима очень длинная; я принесу на зиму дров'.

119. *Təlakə sazəké, radiké, juwar lixitiké, lau lixitiké* 'Сделаем серпы, наточим, будем жать кукурузу, будем жать рис'.

120. *Anar taṇṭə gǔāntitiké, kiš kaítike, gom buitike* 'Теперь будем вязать снопы, пахать, сеять [озимую] пшеницу'.

121. *Abə šilanṭá gīm-əs, aním-əs gé-də* 'Мы поймаем попуга, принесем домой'.

122. *Tərə tulú gulə yei isi, šilanṭə yei hin* 'Там много грецкого ореха, много попугаев'.

123. *Pon-šu basú tərə teik, dui Parún-də ceik* 'Пять-шесть дней мы там пробудем, а потом пойдем в Парун'.

124. *Andə naasi kə jušə pucamé, jušə pucéim-galák andə ná-asi, jušə xǔāys-a?* 'Нет мяса, чтобы сварить похлебку, если мяса не будет, будешь есть?'.

125. *Angər zalə, jušə pucéik* 'Разведи огонь, мы сварим похлебку'.

126. *Sul anə, digrə lupím* 'Принеси иголку, я зашью рубашку'.

127. *Dú gitik wúnc isi, yek andirə asi, yek barə as(i). Ale ek butál ek wúnc-a puró; alwari butal sǔari wúnc-a puró* 'Есть два источника: один наверху, другой внизу. Одну из этих бутылок наполни в одном источнике, другую бутылку — в другом'.

128. *Desá giri zik* 'Завтра мы вернемся'.

129. *Kituk darə-asi? — Dú gitik gǔāl daré-si* 'Что нам осталось? — Нам осталось [обследовать] два ущелья'.

130. *Maspekin ceik ya maspekin-ta paṭā ceik?* 'Мы пойдем в полдень или после полудня?'.

131. *Sál-də ki ceik, at arík, au bi arík, pon-ta au xǔāké* 'Когда пойдем на летовье, захватим муки и хлеба, по дороге поедем'.

132. *Xat pakré arim, tərə baréim, dúisiredàs xǔālé cei* 'Я понесу ножи от [деревянных] кроватей, пролам там на тридцать рупий'.

133. *Zitəm-lei kǔāreg baṇiṇ arís kə náaris?* 'Ты принесешь мне какую-нибудь шерстяную одежду?'.

134. *Abə Laṣman-də ceim. — Kǔāreg gǔāli-pa ceis? Kucuru-pa ceis, Šansiyali-pa ceis?* 'Я иду в Лагман. — По какому ущелью ты пойдешь? По Куцуру или по Шаншиали?'.

135. *Digál-də kə ceis-galák, Gūgūāl-andari ceis, Wuč-náu-andari ceis* 'Когда пойдешь в Дигал [на летовье], пойдешь вверх по Самнау и по Учнау'.

136. *Klák sal-də ceis? — Digál-əm sal-də ceim* 'На какое летовье ты пойдешь? — Я пойду на Дигальское летовье'.

137. *Sál-də būy arim-ən. — Tu ki ceis-galák, tu kiṭuk ari-h-in? — Abə gulungá, erá arim-ən* 'Я на летовье погоню коз. Когда ты пойдешь, кого ты погонишь? — Я погоню коров и баранов'.

138. *Abə sal-də ceim, tu sal-də céis-a? — Í-a, abə bi ceim* 'Я иду на летовье, ты тоже идешь? — 'Да, я тоже иду'.

139. *Tam ge girə as ka na asi? — Í-a, tam ge le gitik girə as. — Mam ge náasi* 'В твоём доме есть ковер или нет? — Да, есть три ковра. — У меня дома нету'.

140. *Acə kēs-əm-dam kiṭuk sazeis? — Giró sazeim* 'Что ты сделаешь из этой шерсти? — Я сделаю ковер'.

141. *Kēs kənáməc kūāriu? — Du men kēs kuātəm* 'Сколько ты настриг шерсти? — Два мена настриг'.

142. *Kuārég būi tam ahin ka náahin? — Isi gitik būi ahin* 'Есть у тебя козы или нет? — Есть двадцать коз'.

143. *Guāt yei-əs kə aplég-isi? — Du-le men te* 'Много масла или мало? — Около двух-трех менов'.

144. *Alə guāt-ə baréis kə nábareis? — Nábareim, xūāim* 'Будешь это масло продавать или нет? — Не продам, [сам] буду есть'.

145. *Mam ek gā asi, yei šudə kəi, guāt bi yei kəi* 'У меня есть корова, она дает много молока и много масла'.

146. *Albaká-m-dam kurmə sazéim, andá-m-lei pucéim* 'Из фасоли я делаю коурму, варю ее с мясом'.

147. *Albakə kaṭm, suri-də leim, kuṭim-əs cik-əs ek-koṇi, palə-əs iri koṇi* 'Фасоль мы убираем, складываем на солнце, лушим: шелуху — в одну сторону, зерно — в другую сторону'.

148. *Imán yei silə ti; bustan incán leitimé, lumcéi gurú leitimé, tupék-kə putimé* 'Зимой очень холодно; палас положу вверх, кошму положу вниз, в тепле спрячусь'.

149. *Me-m bašá yei grān-asi* 'Ваш язык очень трудный'.

150. *Mam edá-asi ki abə kušəš kəim ki šap ezdá karimé* 'Я склонен к тому, чтобы постараться скорее выучить [язык]'.

151. *Am baša ezdá karisé — xūāri kariu; kə nákariu-galák — ezdá nákarisé* 'Этот язык ты выучишь, если постараться. Если не будешь стараться — не выучишь'.

152. *Tu kiṭuk rərēi-həs?* 'Что ты показываешь?'

153. *Mamúr saib yei xapá-asi ki tē xurū-s ki kitáb tan-əm ge-m aná, ené náani-s* 'Господин мамур очень огорчен: ты сказал принести книгу из твоего дома, [а] он не принес'.

154. *Du basù tarēi Parún-də cēim, isi basù tarēi pátəzim* 'Мы уедем в Парун через два дня, вернемся через двадцать дней'.

155. *Ami watán-mam ki asi, beg watán asi, alə taŋ wa-
rag asi* 'Моя родина — хорошая местность, а здешние места —
плохие'.

156. *Le basú i ki abə Grungál-əm jésim* 'Три дня, как я
приехал из Глангала'.

157. *Mam yé gitik lá-mam asi, iri ná asi. Ami la méi-ta
gđ asi* 'У меня есть один брат, больше [братьев] нет. Этот
брат старше меня'.

158. *Mi kol ceu watan-da?* — *Le mas tarei caké watan-da*
'Когда вы поедете на родину? — Мы через три месяца по-
едем на родину'.

159. *Tu Kabál-da pácus-a kə nápācus?* — *Parigál Jelalā-
bād-da pácum, iri kol napācum* 'Ты ездил в Кабул или
нет? — Я в прошлом году ездил в Джелалабад, больше ни-
когда не ездил'.

160. *Abə isiredas kitik kál mam esi* 'Мне тридцать лет'.

161. *Hará ahəs kei, abə tei gé-də šámau* 'Если ты ску-
чаешь, я тебя отошлю домой'.

162. *Ac basu ki lam karimé, tu řerá!* — *Yek sāt besá,
abə tei lam řerámau* 'Покажи, какую мы сегодня будем
делать работу. — Посиди минутку, я тебе покажу [твою] работу'.

163. *Salim andə pucéi, au pucéi, ašpāz-as mé-m-gaŋə*
'Салим варит мясо, еду, он повар для вас'.

164. *Ar basú macə damídam-ən, ac macə nádamitəm-ən*
'Каждый день я ловлю рыбу, сегодня я не поймал рыбы'.

165. *Kiřuk karimé? Ac bi lam náasi, desa bi lam náasi,
tasəmdesa lam asi* 'Что мне делать? Сегодня работы нет,
и завтра работы нет, [только] послезавтра будет работа'.

166. *Parún-ə bašə yei-əs, mənəsəb aleis ki zdə karimé*
'В Паруне много языков, надлежит мне их выучить'.

167. *Sárkoŋe āc mam na-as, čárkoŋe mam-as* '[Это] 'не
мой правый глаз, а мой левый глаз'.

168. *Me tei xuřim-u kə āc suléi, tē xuřiu ki darú náasi*
'Я говорю тебе, что [у меня] болит глаз, ты говоришь, что
[у тебя] нет лекарства'.

169. *Sabún-mam ná asi ke zit paləmé* 'У меня нет мыла,
чтобы помыться'.

170. *Desá ek saát ya du saát abə tei alə daréimu. Mam
tám-lei lám-əs* 'Завтра я задержу тебя здесь на час или два.
У меня к тебе есть дело'.

171. *Tu didi alə taréis mam-lei kə nátareis? Tam-gaŋə
čau pucamé* 'Ты утро здесь со мной проведешь или нет?
Я вскипачу тебе чаю'.

172. *Abá desá mamúr-saib-əm-lei mutár al-galək lám-a ceik* 'Завтра мы вместе с господином мамуром¹⁶, если будет автомашина, поедem на работу'.

173. *Xǎdx mam isi kə meĩ gé-də uris kə nǎuris* 'Я буду доволен, отпустишь ли ты меня домой или нет'.

174. *Abá tei-tə bənə kála balimé* 'Я найду тебе где-нибудь одежду'.

175. *Bənə mam yei tén-galək-sel nakareité* 'Если бы у меня было много одежды, не было бы холодно'.

176. *Mam parwá náasi, abá dár-əm mesá astm* 'Мне это неважно, я [ведь] горец'.

177. *Buť abá tei déimu, yek nusxán-asi-rabr mašilə-əs* 'Я тебе дам обувь, но у нее есть один недостаток — износилась резина на подошве'.

178. *Abá tei buť dámau-galək, Parún-da cás-a?* 'Если я тебе дам туфли, ты пойдешь в Парун?'.

179. *Mam edá-asi, abá tei buť dámau* 'Я хочу тебе дать туфли'.

180. *Abá námuleim, edá mam nəi ki capli mam lahá-asi, Parún-da cei nábeimu* 'Я не хочу, мне не хочется, у меня рванные туфли, я не смогу пойти в Парун'.

181. *Grəngál-a gulá yéi-əs. Šungali gulá yéi-əs, tulú gulá bi yéi-əs* 'В Глангале много деревьев, много тутовых деревьев, много грецкого ореха'.

182. *Šari nabuik, abə tutigəy butk, šari wareg-əs* 'Мы не сеem риса, мы сеem тутигей (сорт кукурузы). Рис — плохой'.

183. *Amə taŋ beg ná-as, Grəngál bég-as. Grəngál dúisi-redas gitik gewál asin* 'Здесь не хорошо, хорошо в Глангале. В Глангале пятьдесят дворов'.

184. *Duś muťúr zitán-galək abá lám-a patikán. Amsus ki nai* 'Если бы вчера приехала машина, мы бы пошли на работу. Жаль, что не пришла'.

185. *Amə basú ki lam nácüi baś ai. Duś baś yei cüi* 'Сегодня, когда не было работы, дождь пошел. Вчера было много дождя'.

186. *Tei basu-m panžəs xalə déimu kəzə ki tu mám-lei bék-əhis, lám bi bek kəis* 'Я дам тебе пятьдесят [рупий] в день, потому что ты со мной хорош и хорошо работаешь'.

187. *Kəpətməs mul déis abá tám-lei camé-galək?* 'Сколько ты дашь денег, если я поеду с тобой?'.

188. *Imán tei zit-am larim-u, mul bi déim-u* 'Зимой я привезу тебя к себе, дам тебе жалованье'.

¹⁶ Господин мамур — обычное обращение крестьян к государственным служащим.

189. *Anār tatiké bašá ezdá kūār ki mām-ane taťár i, abá gé-də ceim* 'Сейчас поспешим, ты учишь языку, [а то] мне становится жарко, я пойду домой'.

190. *Me yek mas mé-m-taŋ-ga taretimán-galák, abá me-m baša šap ezdá kūātimān* 'Если бы я провел с вами один месяц, — я быстро выучил бы ваш язык'.

191. *Me ašt basú lam karīm, mei léisidās xalá rupāy lan* 'Я работал восемь дней, а мне дали 70 рупий'.

192. *Abá tām-lei didi tareim, beg-əs-a? Tam-ğaṇā au pu-camé?* 'Я с тобой проведу время до 12 часов, хорошо? Сварю тебе обед?'

Земнаки

1. *Koi ūm-ba bašá yad čič-lai* 'Моя работа — это учить язык'.

2. *Aké tanú koi xalás cam* 'Я кончаю свою работу'.

3. *Ūmba juēstá au amučēstá eplók lai* 'У меня мало пищи и одежды'.

4. *I sāt ū čatásawa-ka ūkūlai* 'Я купил эти часы за чептыреста [рупий]'.

5. *I kašī-lai au kašī matrásat yō-ša?* 'Что это такое и как это называют?'

6. *Am-ba deš tanú bašá-ka nam Ĵamlam-lai, augán-am-ba lauz-aĴ Zamé alai, Waygali-am-ba lauz-aĴ ČelĴamá matr-asai* 'На нашем языке наша деревня зовется Джамлам, на афганском — Заме, по-вайгальски [ее] называют Чильджама'.

7. *Āmba au Waygali-am-ba melá-kanā park walái* 'Между нашим и вайгальским говором есть разница'.

8. *Āmī au Waygál-ba xálək ésmiš au dísmiš* 'Мы и вайгальцы ходим друг к другу (рафту омад дорум)'.

9. *Darái Waygál au amī yok kam lámīš* '[Народ] Вайгальского ущелья и мы — это одно племя'.

10. *Melá ūm-ba au melá Waygál-ba yok-lái, če amī nušt Waigál-ba at-ša álamiš* 'У нас и в Вайгале язык один, потому что мы когда-то переселились сюда из Вайгала'.

11. *Aké ba kam Nuristani-lam* 'Я из племени нуристанцев'.

12. *Ām-ba watán-kanā čay au burá-ba rawáĴ ečū noi* 'В наших местах чай и сахарный песок не очень распространены'.

13. *Nūwas ečū yuz-lai* 'Сегодня очень холодно'.

14. *Koi ūm-ba ečū-lai, ka nai ake nūwas pailé-mni désim* 'У меня много работы, а то бы я пошел завтра вместе с ними'.

15. *Šex wiši wás-ništari Parún-ša góĴi, nariyas náa*

‘Шейх двадцать дней тому назад уехал в Парун, до сих пор не пришел’.

16. *Šex ū-ša matriṭi ċe aké tú-ša yok pau čay Kabál-ba grélam, nariyas nagrá* ‘Шейх сказал мне: «Я привезу тебе из Кабула один фунт чаю, до сих пор не принес»’.

17. *Ám-ba watán-kana čay au burá noi, ám-ba watán-kana bazar aw dukán noi* ‘В наших местах чаю и сахару нет, в наших местах базара и лавок нет’.

18. *Ake dus áṭim, nū dísam* ‘Я вчера пришел, завтра уйду’.

19. *Ám-ba baša āsān-lai, Grangali-am-ba bašá grān-lai* ‘Наш язык легкий, глангальский язык трудный’.

20. *I tamkú eču čarəstói, na pii blásám* ‘Этот табак очень крепкий, я не могу курить’.

21. *Aké át-ša áṭim koi də fārə* ‘Я пришел сюда для работы’.

22. *Žunjálá au diw au muc au warán zangál di eču lárasai* ‘[Там] много сосны, кедра, дуба и другого леса’.

23. *Plampišá mašṭik tan-lai, mašṭik bas larásai, mašṭik au larásai* ‘Плампиша — хорошее место, там хороший воздух, хорошая вода’.

24. *Usun au eču-ṭi, zrē eplok bu* ‘Летом воды много было, зимой стало мало’.

25. *Aké ē naašna lam, waramwél ċi am, gri balád de-sam* ‘В этом году я ничего не знаю, в будущем году приеду — уже буду знать’.

26. *Parún eču sudú-lai, pún-as xaráb-lai* ‘Парун очень далеко, дорога плохая’.

27. *Manaš Čapá-dara-ba mašṭik lat au Digal-ba xálək mašṭik not* ‘Люди в Чапа-даре хорошие, а в Дигале — нехорошие’.

28. *Aké waramwél bérta esam* ‘Я в будущем году снова приеду’.

29. *Baid-lai ċe i au unés-ba grāndilai* ‘Эта вода должна быть принесена из колодца’.

30. *Ami prūs-kanā paštawəsmiš au Kabál-ba xálək gūč-kana paštawəst* ‘Мы спим на чарпаях (деревянных кроватях), а в Кабуле люди спят на земле’.

31. *Á-bba amá au esá-bba ama wutulustú-t* ‘Мой дом и его дом — высокие’.

32. *Alé askár ĩelalabad-ba alat* ‘Этот солдат приехал из Джелалабада’.

33. *I gaṛawá ami-ša mayāngū* ‘Этого барана зарезали для нас’.

34. *Ali amá ami saraziṭi* ‘Этот дом мы построили’.

35. *Ám-ba dəs-ba ĩamlám nám-lai* ‘Наша деревня называется Джамлам’.

36. *Ū tu ám-ba déš-kanà nàwētúŋi-š* 'Я не видел тебя в нашей деревне'.
37. *Ū yō-ba melá nákartawi* 'Я его слов не слышал'.
38. *Šex radó-ša kartawistoi* 'Шейх слушает радио'.
39. *Salim-a yau pačiŋi* 'Салим испек хлеб'.
40. *Aké tamí bašá-ka melá matrásam* 'Я говорю на своем языке'.
41. *Ami ečú amá nalarásmiš, sená če ami atá eplóg lá-biš* 'У нас домов немного, потому что нас здесь мало'.
42. *Ám-ba deš wiši amá larásai* 'В нашей деревне двадцать домов'.
43. *I wutuləstə mánaš-a i gaṛawá mayí* 'Этот высокий человек убил барана'.
44. *Aké gulə larásim, Čambarák-ša dišim* 'Если бы у меня была лошадь, я бы поехал в Чамбалак'.
45. *Ami Kabál-ša déētē, eme-ša ma gréētē* 'Если бы мы поехали в Кабул, мы привезли бы вам рису'.

В. А. Ефимов

О МЕСТЕ ХАЗАРА В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКОВОМ МАССИВЕ (на материале якаулангского диалекта)

Существование большого массива диалектов и говоров таджикоязычного населения Средней Азии и Афганистана является фактом, который получил определенное отражение и в специальной литературе. Многие языковеды-иранисты указывают на единство целого ряда различных языковых черт (прослеживаемых, кстати говоря, не только на современном этапе, но и в предшествующий исторический период), благодаря которым диалекты и говоры этого ареала могут быть противопоставлены близко родственным им диалектам и говорам западного Ирана, группирующимся вокруг современного персидского языка¹.

Однако до сих пор остается еще много неясного относительно взаимоотношений и связей входящих в данный массив диалектно-говорных групп и объединений. Это объясняется прежде всего неравномерностью диалектологического обследования различных районов указанной территории. Так, если в среднеазиатских республиках Советского Союза усилиями отечественных (в основном советских) ученых проведена громадная по своим масштабам диалектографическая работа, выявлены и классифицированы основные диалектные единицы², то совершенно иначе обстоит дело с изучением диалектов и говоров, бытующих в Афганистане. Здесь не только не

¹ См., например, «سبک شنای، تهران، ۱۳۴۱، ج. ۱».

۲۵—۲۳ L. Bogdanov, *Stray notes on Kaboli-Persian*, — «Journal and proceedings of the Asiatic Society of Bengal», New series, vol. XXVI, 1930, № 1; Abd-ul-Ghafûr Farhâdi, *Le persan parlé en Afghanistan, Grammaire du Kaboli*, Paris, 1953; Е. Э. Бертельс, *Персидский-даритаджикский*, — «Советская этнография», 1950, № 4; Л. Н. Дорофеева, *О языке фарси Афганистана*, — «Краткие сообщения Института востоковедения», XXXVI, 1959, и др.

² См. В. С. Расторгуева, *Опыт сравнительного изучения таджикских говоров*, М., 1964.

проводились фронтальные диалектологические обследования многих районов с таджикоязычным (фарсиязычным) населением, но даже не описаны (а нередко и не выявлены) некоторые крупные говорные объединения.

Более или менее полное отражение в научной литературе получили язык фарси-кабули (с некоторыми местными говорами, главным образом кабульским диалектом, положенными в его основу)³ и отдельные бадахшанские⁴ и хазарийские⁵ диалекты. Сведения о других говорах носят весьма фрагментарный характер либо вовсе отсутствуют⁶.

³ Нам кажется правомерной точка зрения ряда советских и зарубежных лингвистов, признающих самобытность фарси-кабули как одной из современных литературно-письменных форм (наряду с таджикской и персидской) языка классической таджикско-персидской литературы. См. об этом: G. Lazard, *Caractères distinctifs de la langue tadéik*, — «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», t. 52, f. 1, 1956, pp. 117—118; Л. Н. Дорофеева, *О языке фарси Афганистана* и др. (Ср. точку зрения И. М. Оранского в его кн. «Иранские языки», М., 1963, стр. 121—122). Сохранив тесную связь с классическим фарси, эти современные языки дифференцировались между собой благодаря усвоению некоторых особенностей местной разговорной речи. Тот факт, что процесс нормализации фарси-кабули еще не завершен окончательно, на наш взгляд, не может противоречить тезису об его равноправном положении среди родственных литературных языков. В числе работ, посвященных описанию фарси-кабули, можно отметить, в частности, следующие: L. Bogdanov, *Stray notes on Kaboli Persian*; L. Bonelli, *Ancora del volgare Persiano di Kabul*, — «Annali del Royale istituto orientale di Napoli», v. I—IV, 1930—1936; A. Farhâdi, *Le persan parlé en Afghanistan*; Л. Н. Дорофеева, *О языке фарси Афганистана*, а также *Язык фарси-кабули*, М., 1960; Т. Н. Палашина, *К характеристике кабульского просторечия*, — сб. «Индийская и иранская филология», М., 1964, и др.

⁴ D. L. R. Lorimer, *The phonology of the Bakhtiari, Badakhshani and Madaghlashi dialects of modern Persian*, London, 1922. Некоторые сведения о языке жителей зарубежного Бадахшана содержатся также в работе Гривсона (G. A. Grierson, *Linguistic survey of India*, vol. X. *Specimens of languages of the Eranian family, Persian group*, Calcutta, 1921, pp. 527—530).

⁵ См. В. А. Ефимов, *Язык афганских хазара. Якаулангский диалект*, М., 1965, а также кандидатскую диссертацию (под тем же названием, М., 1966), в которую помимо грамматического очерка включены тексты (стр. 215—336) и словарь (стр. 337—534); В. А. Ефимов, *Личные глагольные формы в якаулангском диалекте хазара (Итоги полевой работы)*, — сб. «Индийская и иранская филология», М., 1964, стр. 17—33; Л. Лигети, *Монгольские элементы в диалектах хазара в Афганистане*, — «Краткие сообщения Института народов Азии», 83. Монголоведение и тюркология», М., 1954, стр. 5—22. Подробная библиография по вопросу о хазара и их языке приведена в указанной выше диссертации.

⁶ См. М. С. Андреев, *По этнологии Афганистана (Долина р. Панджшир)*, Ташкент, 1927; И. И. Зарубин, *О языке гератских евреев*, — «Доклады Российской Академии наук», серия «В», 1924. Непосредственное отношение к говорам афганских таджиков имеют и те работы советских лингвистов, которые посвящены описанию некоторых таджикских диалекто-говорных групп на территории советской Средней Азии, имеющих продолжение в Афганистане. К их числу относятся: Ю. И. Богорад, *Горонский говор таджикского языка*, — «Иранский сборник», М., 1963; Ю. И. Богорад, *Рогские говоры таджикского языка*, — «Труды Института языко-

Это обстоятельство значительно усложняет задачу, поставленную автором,— определить место наречия хазара в массиве родственных ему диалектов и говоров. Не оказывает существенной помощи для решения этой задачи (как это не парадоксально на первый взгляд) и классификация диалектов и говоров Афганистана, предложенная известным афганским лингвистом Абдул Гафуром Фархади. Как известно, он впервые в истории иранской диалектологии выделил в восточной группе говоров, противопоставленной говорам западного Ирана, т. е. в таджикском диалектно-говорном массиве, две ветви (подгруппы): а) хорасанскую, включающую говоры Хорасана, Систана, Хазараджата, области Газни, а также близких от Кабула районов Логара и Гардеза, и б) афгано-таджикскую, в которую входят говоры Мавераннахра, Бадахшана, области Кабула, долины Панджшера и, как отдельные островки, говор Мадаглашти в Читрале, говор Дехвари в Белуджистане и др.⁷ К сожалению, А. Фархади не привел конкретного языкового обоснования такого диалектного членения и не показал, по каким же признакам противопоставляются выделенные подгруппы говоров. Поэтому введение классификации Фархади в научный обиход задержится до тех пор, пока не будут известны аргументы ее автора.

Само собой разумеется, что при отсутствии возможности установить изоглоссы многих языковых явлений в данном говоре или диалекте и в соседних говорах речь может идти лишь о весьма приблизительном определении его места путем сравнения с уже описанными в литературе диалектно-говорными единицами. В данном случае объектами сравнения с речью хазара являются, с одной стороны, таджикский язык и хорошо изученные таджикские говоры Средней Азии и с другой — язык фарси-кабули и те из его говоров, которые описаны в литературе (см. выше).

Примечание. Следует сказать, что вопрос о соотношении говоров с каким-то определенным литературным языком не является таким простым, как может показаться на первый взгляд. В данном обширном диалектно-говорном массиве (размер которого еще более увеличивается с учетом соседнего массива родственных говоров западного Ирана), нередки случаи, когда бывает очень затруднительно определить по языковым признакам принадлежность некоторых говоров или их групп к литературному языку. Речь идет не только о малоизвестных говорах, но часто и о таких, которые уже получили определенное отражение в литературе. Следует отметить, что в отдельных говорах «таджикской», «афганской», или «персидской», группы могут встретиться одновременно и черты, характерные в основном для таджикского языка, и черты, специфические для фарси-кабули, и чер-

знания АН СССР», т. VI, 1956; А. Н. Бэлдырев, *Бадахшанский фольклор*, — «Советское языкознание», V, 1948; А. З. Розенфельд, *Дарвазские говоры таджикского языка*, — «Труды Института языкознания АН СССР», VI, 1956; А. З. Розенфельд, *Ванджские говоры таджикского языка*, Л., 1964, и некоторые другие.

⁷ А. Farhâdi, *Le persan parlé en Afghanistan*, pp. 2—3.

ты, отмеченные в персидском. Если принять таджикский язык и фарси-кабули за своеобразные полярные явления в пределах говорного массива Средней Азии и Афганистана, то нетрудно заметить, что в окружающих их диалектах и говорах многие отличительные признаки, свойственные этим языкам, нивелируются, сглаживаются. Таким образом, не может быть и речи о постепенном переходе говоров одной группы в другую. Поэтому безоговорочное отнесение отдельных говоров к числу «таджикских», «фарси-кабули» (а также «персидских») не достаточно мотивировано в лингвистическом плане и является в значительной мере условным⁸.

Ниже мы переходим к сравнению хазара с различными диалектно-говорными единицами массива. Материал для сравнения почерпнут из описанного нами якаулангского диалекта хазара (см. прим. 5 на стр. 31). Несмотря на отдельные особенности (преимущественно фонетического и лексического плана), в целом диалект довольно полно сохраняет общехазарийскую специфику и поэтому фигурирует в данной статье в качестве полноправного представителя наречия афганских хазарийцев. Естественно, что из всего многообразия языковых особенностей, которые встречаются в данном наречии, мы сможем остановиться лишь на некоторых, дающих наиболее интересный, на наш взгляд, материал для сравнения⁹.

ФОНЕТИКА

Вокализм якаулангского диалекта включает шесть фонем: *i*, *e*, *a*, *o*, *u*, *ü*. Звуки *o*, *e*, *ü* восходят соответственно к историческим долгим *ā*, *ē*, *ō*; *i* происходит из долгого и

⁸ Такое положение, конечно, имеет определенное социально-историческое объяснение и, очевидно, связано с существованием относительно самостоятельных диалектов и говоров на территории Средней Азии, Ирана и Афганистана еще до возникновения разновидностей современных литературных языков (таджикского, персидского, фарси-кабули), когда не могло быть и речи о наличии общей разговорной формы классического фарси. Различие между этими языками (в той мере, в какой оно сейчас отмечено) является следствием усвоения отдельных особенностей лишь некоторых местных диалектов и говоров, в то время как их основная масса, естественно, не смогла принять участия в формировании литературных языков. Несомненно, в ходе исторического развития с расширением сферы действия литературных языков (в частности, разговорной их разновидности) бесписьменные диалекты и говоры со временем будут вытеснены ими. Однако в настоящее время мы имеем дело еще с густо разветвленной сетью диалектов и говоров, сохраняющих относительную самостоятельность по отношению к тому или иному литературному языку.

⁹ Преимущественное внимание при сравнении уделяется фонетическим явлениям, поскольку они позволяют наиболее наглядно выявить отличительные особенности наречия. Кроме того, привлекаются и некоторые морфологические признаки, представляющие интерес для определения, с одной стороны, общетаджикских черт в речи хазара, и, с другой — специфически хазарийских. Из синтаксических явлений для сравнения мы приводим некоторые виды атрибутивных конструкций. Непосредственное отношение к синтаксису имеют и приводимые здесь явления из раздела о служебных словах. В известной мере объектами сравнения будут служить также лексические элементы.

краткого *ĭ*; *u* — из долгого и краткого *û*; *a* — из краткого *a*. По характеру отражения исторических гласных заднего ряда (*u, û, õ*), а также исторически долгого и краткого *ĭ* язык хазарийцев, таким образом, сближается с говорами Самарканда, Варзоба, Каратага (советская Средняя Азия) и, наоборот, довольно сильно отличается от фарси-кабули.

Характерная общехазарийская черта в области фонетики — чередование устойчивых и неустойчивых гласных в некоторой части лексики (в том числе и в некоторых иранских по происхождению словах). В якаулангском диалекте, в частности, это проявляется: а) в наличии фонемы *õ* на месте ожидаемой фонемы *a*: *rõšum* 'шерсть' (<*pašm*), *kõḡu* 'тыква' (<*kaḡu*); б) в наличии фонемы *a* на месте фонемы *õ*: *amadâ//amdâ* 'приходить' (<*õmadan*), *bala* 'верх' (<*bõlõ*). В ряде случаев происходит замена фонемы *û* фонемой *u*¹⁰ или их чередование в разных формах (глагольных) одного и того же слова: *su* 'сторона' [<*sû(y)*], *ru* 'лицо', 'поверхность' [<*rû(y)*], *muxura* 'он ест' (<*mëxârad*) — *muxârt* 'он ел' (<*mëxârd*), *musuza* 'он горит' (<*mësâzad*) — *musâxt* 'он горел' (<*mësâxt*). Впрочем, переход *û > u* имеет довольно ограниченный характер. Наличие в системе хазарийского вокализма маджгульного гласного *û* (наряду с *ẽ*) является характерной особенностью, сближающей его с таджикскими говорами советской Средней Азии и с фарси-кабули.

В хазара (как в таджикском и фарси-кабули) гласный *a* сохраняет свое звучание и качество в абсолютном исходе слова под ударением: *xõnâ* 'дом', *baḡa//bõḡa* 'мальчик', 'сын' (ср. перс. *bâḡe*, *xâne*). Однако если слово оформлено изафетным показателем *i* или совпадающим с ним по звучанию суффиксальным показателем неопределенности или единичности *-i* (в тадж. и фарси-кабули *-ẽ*), то конечный ударный *a* сужается: *xõnâⁱ az ma > xõneⁱ az ma* [*xõne^ẽ az ma*] 'мой дом'. Это явление встречается в северных говорах таджикского языка (из южных — только в одном из говоров Каратегина) и в фарси-кабули.

В наречии хазарийцев отмечены три дифтонга (нисходящие): *ai*, *ai̇*, *ei̇*; из них первые два встречаются в таджикском и фарси-кабули, а третий является специфически хазарийским.

Консонантизм включает 24 согласные фонемы. Смычные *p, b, t, d, k, g, q, ḡ, j, m, n*, щелевые *f, s, z, š, ž, x, γ, l, y* и дрожащий *r* по месту и способу образования аналогичны соответствующим согласным в таджикском и в фарси-кабули.

Одной из специфических особенностей системы согласных в хазара является наличие в ней ретрофлексных звуков *ʃ* и

¹⁰ Это явление в некоторой степени свойственно также фарси-кабули и некоторым таджикским говорам.

q, которые противопоставляются переднеязычным дорсальным *t* и *d*: *but* 'кумир' — *buṭ* 'ботинки', *kuta* (/|*kutō*) 'короткий' — *kuṭa* 'собака'. Это явление не находит продолжения ни в одном (из известных нам) таджикском диалекте и говоре племени Бухара — Кабул. Наличием ретрофлексных (по другой терминологии, «церебральных») согласных *t* и *q* наречие хазара сближается с языком пушту.

Нижефарингальный *h* и гортанный ' (в заимствованиях из арабского языка), как правило, отсутствуют. Спорадически они появляются в речи лиц, обучающихся в школе. Выпадение *h* и ' часто сопровождается отдельными фонетическими преобразованиями в слове — изменениями качества соседних гласных, слогораздела и т. п. (*qōr* < *gahr* 'злость', *ōr du* < *ḥar du* 'оба', *bōr* < *bahōr* 'весна', *sōt* < *sō'at* 'час'). Выпадение *h* и ' или ослабление их фонематической значимости широко представлено также в фарси-кабули, в южнокулябских, рогских, горонских говорах, а также во всех таджикских говорах к северу и к западу от Матчи, Фальгара и Панджикента.

Встречающийся в таджикском языке губно-зубной *v* замещается в речи хазарцев билабиальным *w*. Свой губно-губной характер *w* сохраняет во всех положениях: *wōr* 'раз', *gawī* 'быки', 'коровы'. Билабиальный *w* отмечается также в дифтонгах *aw*, *ew* (неслоговой гласный *u* в них является вариантом фонемы *w*): *aw* 'вода', *aw-i rawī* 'проточная вода'. Билабиальный *w* зафиксирован в фарси-кабули, в рогских, дарвазских и ряде других таджикских говоров.

В интер- и поствокальном положении возможна спирализация губно-губного *b*: *tōwa* < *tōba* 'сковорода', *tawar* < *tabar* 'топор', *haw* (*xaw*) < *xōb* 'сон'. В отдельных словах отмечен переход *b* > *ū*: *aur* < *abr* 'облако', *saūz* < *sabz* 'зеленый', *kaūk* < *kabk* 'куропатка'. Спирантизация *b* локализуется в сравнительно незначительном круге слов. Явление *b* > *w* распространено в фарси-кабули, в говорах южного Таджикистана, а спирализация интервокального *b* отмечается и в центральных таджикских говорах. Переход *b* > *ū* — специфическая черта хазара.

В отличие от персидского языка и говоров западного Ирана диалектам хазара присуща общетаджикская черта — фонематическое противопоставление увулярных звуков — смычного *q* и щелевого *ɣ*. Особенность хазара сравнительно с другими диалектами и говорами таджикоязычного массива состоит в том, что: а) в абсолютном исходе слова наблюдается *ɣ* > *q* (*bōq* 'сад', но *bōṭ-i az ma* 'мой сад'), б) конечный *q* в интервокальном положении нередко переходит в щелевой *ɣ* (*aīlōq* 'летовка', но *i aīlōɣ asta* 'это летовка').

К числу основных звуковых изменений, которые происходят в потоке речи, относятся следующие:

1) $\bar{o}$, $a > \bar{a}$ в исходе слова по соседству с последующими, реже с предшествующими носовыми согласными n и m (которые при этом отпадают, восстанавливаясь лишь при оформлении слова каким-либо грамматическим показателем, последом и т. п.): *gardū* < *gardan* 'шея', *pērū* < *pirōhan* 'платье', *tamū* < *tamōm* 'весь', 'целый', *šimū* < *šumō* 'вы', *mū* < *mō* 'мы', но: *pērūn-a awurt* 'он принес платье'. Впрочем, явление $\bar{o}$, $a > \bar{a}$ в исходе слова ограничивается лишь определенным кругом лексики. Переход $\bar{o}$, $a > \bar{a}$ распространяется и на морфологические показатели и суффиксы. Так, показатель множественного числа $-ōn$ представлен вариантом $-ū(n)$: *gūsła* 'теленки' — *gūsłagū* 'телята', *gaṣ* 'бык', 'корова' — *gaṣū* 'быки', 'коровы'. Показатель инфинитива $-an$ обычно встречается в форме $-ū(n)$: *kadū(n)* < *kardan* 'делать'. В начале и в середине слова переход $\bar{o}$, a в $\bar{a}$ по соседству с носовыми, как правило, не наблюдается. Этот фонетический переход в исходе слова чрезвычайно характерен для речи хазарийцев. В других говорах подобное явление полностью не повторяется, всегда имеет какие-либо ограничения и те или иные нюансы в своем проявлении. Так, в кулябских и дарвазских говорах, в говоре Герата и тегеранском диалекте персидского языка встречается переход $\bar{o}$ (в тегеранском диалекте $\bar{a}$) между носовыми, m , n и перед ними в $\bar{u}$ (но не в $\bar{a}$!). К тому же в указанных говорах это явление локализуется в меньшем количестве слов, поскольку не распространяется на сочетания носовых с a ;

2) фонетическое чередование звонких и глухих согласных: а) звонкие согласные b , d , g , $ḡ$, j и реже z в абсолютном исходе слова переходят в соответствующие им парные глухие: *arbōp* (< *arbōb*) 'владелец деревни', *but* (< *bud*) 'он был', *gaṣ* (< *gaḡ*) 'смешанный', *xinč* (< *xinj*) 'круг (вычерченный на земле)'. Оглушение некоторых конечных звонких согласных встречается в фарси-кабули, в бадахшанских говорах Афганистана, а также в отдельных таджикских говорах; б) конечные глухие смычные p , t , k , $ṭ$, $č$ в интервокальном положении могут переходить в соответствующие им парные звонкие: *tūb-a* (от *tūp* 'пушка'), *ṭalimad-a* (от *ṭalimat* 'удачный'), *reṣzag-a* (от *reṣgak* 'маленький'), *xid-a* (от *xif* 'мутный'). Глухой смычный q , не имеющий звонкой пары, в положении между гласными часто переходит в звонкий щелевой $ṭ$: *qatiṭ-a* (от *qatiq* 'молочный продукт'). Насколько нам известно, эта черта хазарийского консонантизма не имеет аналогий в других говорах массива; подобное явление наблюдается в тюркских языках;

3) ассимилятивное чередование гласного в глагольных формообразующих приставках (в зависимости от характера корневого гласного). Приставка *mē-* таджикского языка и фарси-кабули представлена в наречии хазара четырьмя

вариантами: *mē-, mi-, mu-, mû-,* а приставка *bi-* соответственно как *bē-, bi-, bu-, bû.* Приставки *mē-, mi-* и *bē-, bi-* зафиксированы в глаголах, основы которых содержат гласные переднего ряда (*mēxēst—mēxēza—bēxēza* от *xēstû* 'подниматься'; *mičint—mičina—bičina*, от *čindû* 'собирать'). Приставки *mu-, mû-* и *bu-, bû-* употребляются в глаголах, основы которых содержат гласные заднего ряда (*mufrûxt—mufrûša—bufrûša*, от *furûxtû* 'продавать'; *mûrôft—mûra—bûra*, от *rôftû/raftû* 'идти'). В отдельных случаях ассимиляция распространяется и на основы настоящего-будущего времени неправильных глаголов: *tuburdum-tuburum-biburum*, от *burdû* 'нести', ср. тадж. *мебурдам—мебарам—(би)барам*. Такое довольно интенсивное проявление ассимиляции гласных в какой-то мере сходно с явлением сингармонизма в тюркских языках, хотя и значительно уступает ему по охватываемому материалу. Этой своей чертой хазара выделяется среди других говоров таджикоязычного массива, в которых указанное явление имеет гораздо более узкую сферу распространения. В кулябских, рогских и дарвазских говорах отмечено *bi->bû-*. В некоторых таджикских говорах приставка *mē-(hamē-)* может переходить в *mi-, mu-, m-,* но, как правило, в пределах одного говора (это относится и к говорам фарси-кабули) диапазон колебания гласного в глагольных приставках уже, чем в диалектах хазара;

4) во многих словах, начинающихся с гласных заднего ряда *u* и *û*, отмечено наращивание билабиального согласного *w*: *ârda//wârda* 'гнездо', *ulum//wulum* 'брод' и др. Аналогичное явление встречается в дарвазских и кулябских говорах;

5) отмечено частичное падение начального *y* (с некоторыми особенностями по сравнению с данным явлением в южных и юго-восточных таджикских говорах): *aïlôq<yaiïlôq* 'летовка', *êla<yala* 'свободный', *erôq<yarôq* 'вооружение', *ezna<yazna* 'муж сестры', *erqa<yurqa* 'иноходь'.

МОРФОЛОГИЯ (С ЭЛЕМЕНТАМИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И СИНТАКСИСА)

Имена в диалектах хазара наряду с общетаджикскими словообразовательными суффиксами имеют следующие специфические для них суффиксы (тюркского и монгольского происхождения): *-lû* : *paslû* 'то, что находится за селением' (из *pas* 'задняя часть'), *-li* : *dēgli* 'сосуд для молока' (от *dēk* 'котел'); *wuqla* 'ярмо' (от *wuql//yuq* 'ярмо'); *-tu:šôxtu* 'рогатый' (из *šôx* 'рог'); *-čil* : *mēxčil* 'палка с заостренным концом' (от *mēx* 'гвоздь').

В качестве показателя единичности и неопределенности используется числительное *yak* 'один': *yak bōča* 'один какой-то мальчик'. Безударный грамматический показатель *-i* (соответствующий литературному *-e* в фарси-кабули и в таджикском) для выражения неопределенности или единичности употребляется редко. Этой особенностью хазара сближается с рогскими говорами и с группой северных говоров таджикского языка.

В системе личных местоимений следует выделить как специфически хазарийские (с точки зрения фонетики) формы местоимений 1-го и 2-го л. мн. ч. (*mā* и *šimā*). Местоимения 3-го л. ед. и мн. ч. *i*, *u*, *wō* и *uō* отмечены в некоторых юго-восточных таджикских говорах и фарси-кабули. Обращает на себя внимание полное отсутствие форм вторичного множественного числа у местоимений 1-го и 2-го лица, а также отсутствие местоимения 3-го л. ед. ч. *va* (*way*).

Своеобразная особенность хазара состоит в том, что в обычной разговорной речи употребляется, как правило, только одна местоименная энклитика 3-го л. ед. и мн. ч. *-ši* (*-či*). В других лицах и числах местоименные энклитики не отмечаются, за исключением поэтических (фольклорных) произведений, в которых изредка встречаются энклитики 1-го, 2-го и 3-го л. ед. ч., близкие по форме соответствующим местоименным энклитикам в говорах фарси-кабули и таджикского языка. Вместо отсутствующих местоименных энклитик 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч. в обычной разговорной речи широко применяются соответствующие личные местоимения в безударном употреблении (путем примыкания в постпозиции к определяемому слову без изафетного показателя *-i* и предлога *az*: *āsp-ma* 'моя лошадь' вместо обычного *asp-i az ma*). Этой особенностью системы местоименных энклитик хазара выделяется из среды других диалектно-говорных единиц массива. Следует отметить как характерную особенность диалектов хазара также широкую сферу синтактико-релятивного употребления местоименной энклитики *-ši* (*-či*), которая, однако, по своим основным функциям имеет общетаджикский характер (в частности, она используется и в притяжательных конструкциях типа *duxtar-i pōčō nōm-ši* 'имя царевны' и *i bōča-ra ate-ši* 'отец этого мальчика').

Характерной особенностью хазара является наличие двух форм (ударяемой и энклитической) возвратного и определительного местоимения [*xāt* (*xād*) и *-xu*], не отмеченных в других говорах массива. Между этими формами намечается дифференциация по значению: *xāt* используется в основном как возвратное и определительное местоимение «сам», «себя», а *-xu* — главным образом в значении притяжательного местоимения «свой» и, реже, в роли возвратного местоимения «себя».

Глагол — это часть речи, наиболее богатая чертами, одни из которых выявляют своеобразие хазара сравнительно с другими диалектами и говорами массива, а другие, наоборот, помогают лучше проследить его связи с отдельными диалектно-говорными единицами.

Личные окончания 1-го, 2-го и 3-го л. ед. ч. (соответственно *-im// -uim*, *-i*, *-a// -ya*) аналогичны окончаниям в разговорном фарси-кабули. Во множественном числе личные окончания имеют характерные особенности: а) в 1-м и 2-м л. окончания *-im* и *-it* могут утрачивать конечный согласный, в результате чего окончание *-i* становится общим для трех лиц (в ед. ч. для 2-го, а во мн. ч. — для 1-го и 2-го л.); б) в 3-м л. отмечено окончание *-a*, совпадающее, таким образом, с окончанием 3-го л. ед. и мн. ч. Окончание 2-го л. мн. ч. *-i*, *-in*, sporadически встречающееся в языке хазара, сближает его с клябскими и рогскими говорами (где оно представлено соответственно как *-en*).

В хазарийском глаголе в ряде случаев употребляется безударная суффиксальная частица *-i*, которая используется в 3-м л. ед. и мн. ч. прошедшего длительного и некоторых других форм, применяемых для обозначения ирреального условия: *aga i mēmaḍi, ma u-ra mididum* 'Если бы он пришел, я увидел бы его'. Эта частица является реликтовой; она имела довольно широкое распространение в языке классических авторов, в котором придавала глаголу значение длительности, присоединяясь к форме простого прошедшего времени после личных окончаний, но в настоящее время вышла из употребления и не отмечена ни в одном из говоров.

В 3-м л. ед. и мн. ч. простого прошедшего и прошедшего длительного времени изъявительного наклонения, а также перфекта зафиксирован суффикс *-ak*: *qulba kadak* 'он вспахал'. Этот суффикс встречается в ряде южных говоров таджикского языка и в фарси-кабули.

Основная форма перфекта, превратившаяся в результате стяжения составляющих ее элементов (причастия прошедшего времени и краткой глагольной связки) из сложной в простую, представлена в следующем виде:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>kadēm</i>	<i>kadēm//kadē//kadi</i>
2-е л.	<i>kadē (kadi)</i>	<i>kadēt//kadē//kadēn</i>
3-е л.	<i>kada</i>	<i>kada</i>

По характеру стяжения, наблюдаемого в отдельных личных формах (в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч.), основная форма перфекта не имеет аналогий в других диалектах и говорах. Форма 3-го л. ед. ч. (*kada*) встречается в фарси-кабули. Кроме того, отмечена вторая форма основного перфекта, образу-

мая из причастия прошедшего времени и полной формы глагольной связки (она встречается в южных и юго-восточных таджикских говорах, а также в фарси-кабули): *kada (a)stum* и т. д. К числу перфектных форм, составляющих специфику хазара, можно отнести перфект длительный — 2-й тип: *mukada asta*; преждепрошедший перфект — 2-й тип: *kada buda asta*; длительную форму преждепрошедшего перфекта — 1-й и 2-й типы: *mukada buda* и *kada mubuda*, а также особую перфектную форму: *kada buda buda*. Перфектные формы в хазара, как и в таджикском, имеют более широкий по сравнению с фарси-кабули и персидским круг модального значения. во многих случаях выходящий за рамки обычного изъявительного наклонения¹¹. Так, эти формы (исключая основную форму перфекта, которая может сохранять и семантику изъявительного наклонения, обозначая простую результативность) употребляются преимущественно лишь в том случае, когда необходимо передать, что говорящий информирован вторыми лицами или же пришел к выводу в результате собственного умозаключения.

Характерную особенность хазара составляют глагольные формы со словом (элементом) *xōt (xōd)* (аорист 3-го л. от глагола *xōstū* 'хотеть'), которые выделяются в особое наклонение — предположительное. Из числа этих форм две длительные формы (*mukada xōd but* и *kada xōd mubut*) и особая форма настояще-будущего времени (*kada xōd mubuda baša*) являются специфически хазарийскими; остальные формы предположительного наклонения встречаются в некоторых говорах фарси-кабули.

Отдельные временные формы глагола имеют ряд особенностей в употреблении по сравнению с таджикским языком и с фарси-кабули. Так, аорист может фактически употребляться для передачи ирреального условия (когда действие мыслится в будущем): *aga sabō bēum, čauki obōd miša; amtō amada namitanum* 'Если бы я пришел завтра, стул был бы починен, но я не смогу прийти'. Форма настояще-будущего времени изъявительного наклонения может употребляться вместо аориста в условных реальных предложениях для обозначения действия в будущем: *aga sabō mēi, ma kitōb-atu-ra midum* 'Если завтра ты придешь, я дам тебе эту книгу'.

Среди неличных глагольных форм в хазара следует отметить: а) причастие (оно же деепричастие) прошедшего времени на -а. Специфика хазара состоит в том, что эта форма может употребляться в функции имени действия (относящегося к прошлому): *bōt kadeši* 'ее (пшеницы) веяние (совер-

¹¹ В. С. Расторгуева пришла к выводу, что это значение позволяет выделить формы перфекта в таджикском языке в особое, аудитивное наклонение (см. В. С. Расторгуева, А. А. Керимова, *Система таджикского глагола*, М., 1964, стр. 74).

шенное в прошлом)'; б) причастие прошедшего времени на *-gi*; эта форма является общетаджикской.

В хазара (как и в фарси-кабули) отмечена особенность в образовании понудительных и каузативных глаголов с помощью суффикса *-an* (<*-ōn*); последний может присоединяться не только к основе настоящего-будущего времени, но и к основе прошедшего времени. Так, от *guzaštū* (основа наст.-буд. вр. *guzar-*, основа прош. вр. *guzašt-*) 'проходить' возможны образования *guzarandū*/*guzaštandū* 'проводить'. Этот тип глагольного словообразования представлен также в фарси-кабули.

Наконец, следует указать на более широкое (чем, например, в фарси-кабули) развитие системы сложнодеепричастных глаголов. Эта черта сближает хазара с таджикским языком.

Служебные слова. Древний предлог (послелог) *antar* представлен в хазара в виде *da(r)* (конечный *r* в подавляющем большинстве случаев отпадает). В таком виде этот предлог встречается в разговорном фарси-кабули, в говорах Бухары, Самарканда, Пенджикента и др. Как послелог *da* не используется. Для хазара характерно в отличие от других диалектов и говоров употребление предлога *da* с местоименной энклитикой 3-го л. ед. и мн. ч. *-ši*/*-či*: *lauz-i dā-ši darim* 'У нас есть слово (название) для него'. Сфера употребления предлога *ba* (восходящего к древнему предлогу *pati*) ограничивается узким кругом отдельных сочетаний и выражений фразеологического типа; в его функции обычно выступает предлог *da*. Вытеснение предлога *ba* предлогом *da* является особенностью хазара.

Древний предлог *hačā* представлен вариантом *az*. Как и в других говорах массива, *az* наряду с другими функциями используется для выражения принадлежности: *i dismōl az birōr-ma-ya* 'этот платок моего брата'. Особенностью хазара, как и некоторых говоров фарси-кабули, является употребление *az* в изафетных конструкциях: *kitōb-i az šimū* 'ваша книга', *kāle' az i gūslawīnak* 'шапка этого пастушка'. С фарси-кабули хазара сближает также использование предлога *az* в конструкции сравнения (с причастием прошедшего времени *kada* от *kadū* 'делать'; ср. *dida* в таджикском от *didan* 'видеть'): *u az ma kada nōtū but* 'Он был слабее меня'. Специфически хазарийской чертой является использование *az* при сочетании изафетных предлогов с личными и указательными местоимениями, а также при сочетании некоторых простых предлогов и союзов с данными местоимениями: *qad-i az ma* 'со мной', *bale' az u* 'над ним', *da-z-wō* (<*da az wō*) 'им', 'для них', *mū-wu-(a)s-tu* 'мы с тобой', *da-(a) z-mū-wu-(a)s-tu* 'нам с тобой'.

Послелог *-ra* (восходящий к древнему послелогу *-rādī*) представлен двумя фонетическими вариантами (*-ra* и *-a*),

первый из которых употребляется после гласных, а второй — после согласных: *u-ra dīt* 'Он увидел его'; *u lōl-a da pōčč-nišā dat* 'Он показал рубин царю'. Параллельное употребление послелога *-ra//a* отмечено в фарси-кабули и во многих таджикских говорах к югу от Зеравшанского хребта.

Общетаджикский предлог//послелог *kati (qati)* имеет следующие особенности в хазара: а) предлог и послелог различаются своим видом: послелог представлен в форме *-qati*, а предлог — в форме *qat-//qad(-i)* (изафетный показатель *i* обычно опускается); б) послелог *-qati* и предлог *qat-//qad(-i)* не совпадают по функциям. Предлог *qat-//qad(-i)* полисемантичен; он может обозначать совместность (*u zimin-a qad-ate-xu qulba makuna* 'Он пашет поле вместе со своим отцом'), орудийность (*murγ-a qat-tufan zat* '[Он] убил птицу из ружья'), адресата (*mōmut qad-i az u xubi kai* 'Махмуд сделал для него доброе дело'). Послелог *-qati* применяется только для обозначения совместности, при этом он, как правило, употребляется в сочетании с данным предлогом: *mōmut qad-ate-xu-qati kōbul rōfta* 'Оказывается, Махмуд вместе со своим отцом уехал в Кабул'. Наоборот, в рогских и кулябских говорах послелог *-qati* употребляется для обозначения орудийности, а предлог *qati* — для обозначения совместности. Таджикский послелог *-barin*, выражающий сходство, подобие, модифицируется в *wōri: u gač-wōri-sta* 'Он подобен быку'. В таком же виде он представлен в фарси-кабули и в рогских и кулябских говорах. К числу специфических хазарийских предлогов относятся: *dir(-i)* 'у', 'вблизи', 'около', *qabad(-i)* 'позади', 'следом за', *xun(-i)* 'вместе', 'с', *balde* 'для', *qad(-i)//baqad(-i)* 'подобно', 'как' и др. Для хазара характерно, что изафетный показатель при данных предлогах нередко опускается.

Карта лексических изоглосс хазара весьма разнообразна и пестра по своему характеру. Подавляющая масса слов, входящая в хазарийский словарь, является либо иранской по происхождению, либо включает такие заимствования из других языков, которые имеют общеиранское распространение (имеются в виду главным образом арабизмы, а также отдельные заимствования из других языков, в основном из тюркских). Кроме того, ряд лексических элементов, отмечаемых в хазара, имеет более узкий региональный характер и встречается помимо него либо в пределах таджикоязычного массива, либо — еще уже — лишь в фарси-кабули и окружающих его говорах. (Разумеется, что все эти иранские и заимствованные слова в хазара представлены в специфическом звуковом облике, определенном данной фонетической системой.)

Наряду с этим обширный слой хазарийской лексики составляют слова тюрко-монгольского происхождения. Любопытно, что ряд встречающихся в хазара монголизмов, как

свидетельствуют специалисты¹², с одной стороны, отсутствуют в монгольских диалектах Афганистана, где они заменены тюркскими или таджикскими эквивалентами, а с другой — очень часто не обнаруживаются и в соседних таджикских диалектах, в которых тоже встречается много монгольских элементов. Таким образом, в данном случае мы имеем дело со специфически хазарийской частью лексики. В большом слое тюркских по происхождению слов, являющихся (также в пределах таджикоязычного массива) характерной особенностью хазара, по мнению специалистов, можно выделить такие, которые определенно следует считать чагатайскими¹³. Тюрко-монгольские элементы необычайно тесно переплетаются в хазара с исконно иранскими словами. Органичность этой связи наглядно проявляется в глубине проникновения монголизмов и тюркизмов в хазарийский словарь: многие из них вошли в основной словарный фонд, где они сосуществуют рядом с иранской лексикой.

Монгольские и тюркские слова, отмеченные в хазара, весьма различны по характеру и содержанию. Сюда относятся термины родства, слова, непосредственно связанные с жизнью и бытом народа, названия реальных, названия частей тела животных и т. п. Среди широко распространенных в хазара слов тюрко-монгольского происхождения можно отметить, например, следующие: *ata/ōta* 'отец', *bēri* 'невестка', *wāgaī* 'сводный брат', *xatu/xōtu* 'женщина', 'жена', *qudaγū* 'мать жениха или невесты', *alāγa* 'ладонь', *bārbi* 'пятка', *tāγai* 'локоть', *būkū* 'горб (верблюда)', *bēlai* 'варежки, сшитые из овчины', *wārγu* 'сухие сучья и хворост (для разведения огня)', *kēta* 'огниво', *ōluγa* 'молот', *kangura* 'приспособление для отопления помещения', *aīlōq* 'летовка', 'летовье', *tōla* 'луг', *ulum* 'брод', *qaljū* 'пегий', 'с белыми и темными пятнами (о животных)', *kūyak* 'молодой барашек (не старше года)', *taka* 'козел', *sunji kadū* 'потягиваться', *aīdaγ elā kadū* 'пускать скот на подножный корм без надзора (без пастуха)' и многие другие. Специфическую черту хазарийского словаря составляют также слова, более точное происхождение которых в настоящее время невозможно установить (к их числу относится, например, слово *wāqra* 'глаз'). По мнению видного венгерского востоковеда Л. Лигети, «часть словарного состава, относящегося к этому пласту, может содержать и такие элементы, которые заимствованы из исчезнувших языков Афганистана или других территорий»¹⁴.

¹² См. Л. Лигети, *Монгольские элементы в диалектах хазара в Афганистане*, стр. 5.

¹³ E. Bacon, Ch. Ferguson, P. Frank, P. Roest, D. Wilber, *Afghanistan*, New Haven, 1956, p. 48.

¹⁴ См. Л. Лигети, *О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана*. — «Acta Orientalia Academiae scientiarum Hungaricae», 1955, t. IV, f. 1—3, p. 109.

Анализ приведенного материала показывает весьма сложную, многостороннюю связь хазара с окружающим языковым миром, прежде всего с языками, диалектами и говорами таджикского языкового массива. Среди отдельных структурных черт фонетического и грамматического плана (не говоря уже о многочисленных лексических изоглоссах), определяющих принадлежность хазара к данному массиву, можно привести, в частности, следующие явления, благодаря которым диалектно-говорные единицы этого массива (включая и оба литературных языка, распространенных на его территории, — таджикский и фарси-кабули) противопоставляются родственным говорам на территории Ирана:

- наличие маджгульных гласных *â* и *ê*;
- наличие дифтонгов *au*, *ai*;
- наличие ударного *a* в конце слова (*xōnâ* 'дом' и т. п.);
- фонематическое различие увулярных *q* и *ɣ*;
- наличие причастий прошедшего времени на *-gi*;
- наличие послелогов *-wōri* (//лит. тадж. *-barin*) и *-qati*;
- выражение принадлежности при помощи предлога *az*;
- использование притяжательной конструкции типа *duxtari-ro* 'отец царевны', *i bōča-ra ate-si* 'отец этого мальчика' и др.

С таджикским языком хазара сближает ряд языковых черт, не отмеченных, например, в другом литературном языке массива — в фарси-кабули:

- шестифонемный состав вокализма;
- характер использования перфектных форм;
- широкое применение сложнодепричастных глаголов;
- отсутствие глагольных форм типа *zada mēbašam*, *zada xwāham bud*.

По типу отражения группы исторических гласных заднего ряда (*u*, *ū*, *ō*) хазара обнаруживает сходство с северными говорами таджикского языка: *u* (<*ū* и *u*), *â* (<*ō*). С северной группой говоров, кроме того, его сближают и некоторые другие явления:

- использование числительного *yak* 'один' в качестве показателя единичности и неопределенности (среди южных и юго-восточных говоров это явление отмечено в рогских говорах)¹⁵;

¹⁵ Если приводимое явление не оговаривается в скобках, это означает, что оно имеет повсеместное распространение или встречается в большинстве говоров. В противном случае дается указание на ту или иную группу говоров, в которой локализуется данное явление. Как известно, в состав южной группы таджикских говоров входят бадахшанские, кулябские (северокулябские и южнокулябские), рогские и каратегинские говоры, а в состав юго-восточной группы — дарвазские говоры (см. В. С. Расторгуева, *Опыт сравнительного изучения таджикских говоров*, стр. 157). Попутно мы указываем изоглоссы отдельных явлений в фарси-кабули.

изменение качества конечного ударного *a* при оформлении слова изафетным показателем *-i* или совпадающим с ним по звучанию суффиксальным показателем единичности и неопределенности (кабули и некоторые его говоры);

наличие предлога *da* при отсутствии аналогичного послелога и др.

Следует, однако, сказать, что изоглоссы значительно большего количества фонетических и грамматических явлений хазара (и притом более существенных по своей языковой значимости) находят продолжение не в северных, а в южных и юго-восточных таджикских говорах:

выпадение звуков *h* и *'* (рог., бадахш., кабули);

наличие билабиального согласного *w* (рог., кабули);

спирантизация губно-губного *b* (кабули);

наращение *w* в начале слова (дарваз.);

переход *ō*, *a > ā* (в южных и юго-восточных говорах — *ō > ā*);

частичное падение начального *y* (рог., бадахш., дарваз.);

наличие послелога *-a// -ra* (кабули);

фонетическое своеобразие послелога *-wōri* (рог., куляб., кабули);

наличие личных местоимений 3-го л. ед. ч. *u* и *i*, а также местоимения 3-го л. мн. ч. *wō*, *uō* (карат., кабули);

отсутствие личного местоимения 3-го л. ед. ч. *waу* (*waу*);

отсутствие форм вторичного множественного числа для личных местоимений 1-го и 2-го лица;

употребление суффикса *-ak* в 3-м л. ед. и мн. ч. в некоторых глагольных формах (отмечено в отдельных говорах южного и центрального Таджикистана);

наличие окончания 2-го л. мн. ч. *-i* (дарваз., карат. *-e*);

наличие окончания 2-го л. мн. ч. *-in* (куляб., рог., кабули *-en*);

наличие формы перфекта (карат., частично куляб., дарваз., вахио-боло);

меньшее по сравнению с таджикским литературным языком распространение форм причастий на *-gi* (кабули).

Хазара обнаруживает также много особенностей, общих с фарси-кабули и его говорами. Помимо черт, уже отмеченных выше, можно указать еще следующие:

наличие особой формы изафетной конструкции при выражении ее второго члена личными местоимениями или определительным сочетанием с указательными местоимениями (*kitōb-i az ta* 'моя книга', *xōne' az i mardak* 'дом этого мужчины');

наличие особой конструкции сравнения (с использованием предлога *az* и причастия прош. вр.: *kada*, в тадж. — *dida*);

характер глагольных окончаний 1-го, 2-го и 3-го л. ед. ч.: *-um* (*-yum*), *-i*, *-a* (*-ya*);

использование глагольных форм на *xōd*;
образование каузативных глаголов от основы прош. вр.;
отсутствие глагольных форм с *istōdan* (отмечено в таджикском языке и в некоторых его говорах; однако эти формы отсутствуют в отдельных южных таджикских говорах, например, в бадахшанских);

отсутствие форм предположительного наклонения на *-gi* (в отличие от таджикского языка).

Приведенные языковые данные позволяют сделать вывод, что хазара занимает как бы промежуточное положение между таджикским языком и фарси-кабули. При этом обращает на себя внимание общность ряда существенных языковых черт в хазара, фарси-кабули и южных и юго-восточных таджикских говорах, свидетельствующая о более тесной связи между данными диалектными единицами в пределах общего массива.

Вместе с тем в хазара отмечена совокупность признаков, отражающих разные стороны языка — фонетическую, грамматическую и лексическую, благодаря которой хазара выделяется среди других диалектно-говорных объединений как самостоятельная диалектная единица. Среди особенностей, противопоставляющих хазара другим диалектам и говорам массива, можно выделить следующие ¹⁶:

- наличие ретрофлексных (церебральных) согласных *t̪* и *d̪*;
- наличие дифтонга *ɛʊ*;
- переход *a > ɔ* и *ɔ > a*;
- переход *b > ɟ*;
- тенденции к сингармонизму гласных;
- чередование глухих — звонких согласных (*rēzgak* 'маленький', но *rēzgag-a*);
- своеобразие перехода *ɔ, a, > ʌ* в соседстве с носовыми;
- своеобразие типа стяжения перфектных форм;
- опущение изафетного показателя *-i* в изафетных предложениях;
- своеобразие предлога *qat-/qad(i)* и послелого *-qati*;
- использование некоторых специфических изафетных предлогов;
- использование предлога *az* в сочетаниях изафетных пред-

¹⁶ Многие из приводимых ниже черт, выделяющих хазара среди других говоров таджикоязычного массива, сохраняют свою специфичность именно в пределах этого массива. За его пределами положение нередко меняется. Так, одни из этих черт встречаются, например, в говорном массиве западного Ирана. Изоглоссы других явлений находят продолжение в других — более отдаленных в структурном отношении языковых мирах, как в иранском (пушту, памирские языки и др.), так и в неиранских (тюркские и монгольские языки). Не исключено также, что некоторые свойства, которые сейчас мы считаем специфической принадлежностью хазара, встречаются и в говорах таджикоязычного массива на территории Афганистана, еще неизвестных науке.

логов и союза *wa* с личными и указательными местоимениями;
вытеснение предлога *ba* предлогом *da*;
наличие именных словообразовательных суффиксов: *-lâ*,
-la, *-li*, *-tu*, *-čil*;

энклитическое использование в обычной разговорной речи
личных местоимений 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч. (*ma*, *tu*; *mâ*,
šimâ) вместо отсутствующих в хазара соответствующих ме-
стоименных энклитик;

наличие местоименной энклитики 3-го л. ед. и мн. ч. *-ši*
(*-čī*);

употребление предлога *da* с местоименной энклитикой
3-го л. ед. и мн. ч. *-ši* (*-čī*);

наличие двух форм (ударяемой и энклитической) возврат-
ного и определительного местоимения (*xât*//*xâd*, *-xu*);

своеобразие системы личных глагольных окончаний: а) на-
личие во множественном числе различных окончаний для вы-
ражения одного и того же лица (*-im* и *-i* для 1-го л.; *-it*, *-i*,
-in — для 2-го л.); б) совпадение в некоторых случаях окон-
чаний в различных лицах и числах (например, использование
окончания *-i* помимо 2-го л. ед. ч. в 1-м и 2-м л. мн. ч., а
окончания *-a* — в 3-м л. ед. и мн. ч.);

наличие ряда специфических глагольных форм;

особенности употребления форм аориста и настояще-буду-
щего времени изъявительного наклонения;

употребление формы причастия прошедшего времени на *-a*
в функции имени действия;

своеобразие лексического состава.

Возможно, что некоторые из перечисленных особенностей
были учтены А. Фархади при построении им классификации
говоров восточной группы и послужил поводом для отнесения
хазара в хорасанскую подгруппу. Насколько был прав афган-
ский ученый, покажут дальнейшие исследования.

Для уточнения места хазара в таджикоязычном массиве
необходимо провести работу в двух направлениях: во-первых,
установить на основе фронтального обследования этого наре-
чия диалектно-говорные различия и выделить (если для этого
будет достаточно оснований) диалектные группы и подгруппы;
во-вторых, выявить основные диалектные объединения в той
части общего массива, которая располагается на территории
Афганистана.

СОКРАЩЕНИЯ

бадахш. — бадахшанские говоры
дарваз. — дарвазские говоры
кабули — фарси-кабули
карат. — каратегинские говоры
куляб. — кулябские говоры
рог. — рогские говоры

В. П. Липеровский

**ФЛЕКТИВНОЕ «НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ»
В СОВРЕМЕННОМ БРАДЖЕ**

Одна из черт новых индоарийских языков и диалектов состоит в том, что в области глагола они содержат формы лица и числа, возводимые исследователями к парадигме древнеиндийского или среднеиндийского презенса индикатива действительного залога. В современных индоарийских языках и диалектах, где выражение видо-временных значений идет по пути использования причастий в качестве финитных форм глагола, по пути сочетания инфинитных форм глагола (преимущественно причастий) с формами субстантивного глагола (образование аналитических форм) и по пути их осложнения морфологическими показателями лица и числа (появление новосинтетических глагольных форм), сохранившийся древний презенс индикатива представляет собой остаток прежних флективных форм¹.

В смысловом же отношении древний презенс индикатива характеризуется по-разному: в одних языках и диалектах (например, в языках бенгали и ория) он продолжает служить средством выражения презентного значения в плане изъявительной модальности, в других — подвергся заметному переосмыслению (например, в современном литературном хинди — это форма настояще-будущего времени сослагательного наклонения, в маратхи — прошедшее обычное время); в ряде же языков и диалектов приобретенное им значение косвенной модальности уживается с его способностью передавать значение настоящего времени изъявительного наклонения. К последней группе принадлежит брадж, о чем можно судить на

¹ Из многочисленных флективных форм глагола древнеиндийского языка и пракрита некоторыми индоарийскими языками и диалектами унаследована также форма будущего времени (с формантом *-sya-*); фрагментарно сохраняется также и императив (преимущественно формы 2-го лица).

основании сведений об этом диалекте, содержащихся в лингвистической литературе².

Анализ формы, восходящей к древнему презенсу индикатива, предоставляет, по-видимому, хорошие возможности для рассмотрения того, как изменение значения одной формы в языке сопряжено с семантическими сдвигами в других формах, с судьбой других форм. В плане же синхронии представляется важным установление конкретных проявлений существующей связи между значением (или значениями) формы, возводимой к древнему презенсу индикатива, и характером функционирования других финитных глагольных форм в том или ином современном языке или диалекте. В частности, Хернле указал на то, что древний императив в большей мере сохранился в тех новоиндийских языках, в которых древний презенс не изменил своему исконному назначению выражать изъявительную модальность (например, в языках маратхи, орня, бенгальском)³.

В применении к современному литературному хинди некоторые исследователи, основываясь на таксономии видо-временных функций глагольных форм, предложенной Куриловичем⁴, объясняют особенности некоторых видо-временных форм изъявительного наклонения в свете того факта, что прежний презенс индикатива уже утратил свое исконное значение, превратившись в средство выражения косвенной модальности. Так, например, с этим фактом связывается использование в литературном хинди аналитической формы, образованной с участием имперфективного причастия, т. е. формы типа *bolṭā hai* 'говорит', в качестве средства выражения «нейтрального в видовом отношении» значения (в функции настоящего общего времени); в соответствии с этим функция выражения имперфективного значения в плане настоящего времени приписывается глагольному образованию типа *bol rahā hai* 'говорит [в данный момент]'⁵. Тем самым проводится точка зрения, что существующая ныне в литературном хинди оп-

² Dhīrendra Varmā, *Braj-bhāṣā*, Ilāhābād, 1954, § 212, стр. 95 (перевод с французского на хинди; см. оригинал: Dhīrendra Varma, *La langue braj*, Paris, 1935); Udaynarāyaṇ Tivārī, *Hindī bhāṣā kā udgam aur vikāś*, Prayāg, śavāt 2012, стр. 243, 246.

³ R. Hœrnle, *A comparative grammar of the Gaudian languages with special reference to the Eastern Hindi*, London, 1880, p. 334.

⁴ J. Kuryłowicz, *Aspect et temps dans l'histoire du persan*, — *Rocznik Orientalistyczny*, t. XVI, 1950 (Kraków, 1953) (см. русский перевод в книге: Е. Курилович, *Очерки по лингвистике*, М., 1962, стр. 141—155); J. Kuryłowicz, *L'apophonie en indo-européen*, Wrocław, 1956, pp. 24—35.

⁵ S. Lienhard, *Tempusgebrauch und Aktionsartenbildung in der modernen Hindī*, Stockholm—Göteborg—Uppsala, 1961, S. 39, 47; K. de Vreese, [рец. на кн.:] S. Lienhard, *Tempusgebrauch...*, — *«Lingua»*, vol. 13, 1965, № 2, p. 201; T. Elizarenkova, *About the verbal system of Hindī*, — *«Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz»*, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, pp. 58—64.

позиция *bolṭā hai:bol rahā hai* пришла на смену прежней оппозиции, имевшей вид *bolai (>bole):bolata (>bolṭā, bolṭā hai)*, т. е. оппозиции, в которой первый член был представлен формой, возводимой к древнему презенсу индикатива⁶.

Если же мы обратимся к бенгальскому языку, то в нем соответствующая форма расценивается прежде всего как неопределенное настоящее время, служащее для выражения обычных действий и непреложных истин: *varṣakāle vr̥ṣṭi haṃ* 'В сезон дождей идет дождь'; *tini nitya anyāy karen* 'Он всегда поступает несправедливо'⁷.

Но наряду с этой формой существует еще настоящее процессивное время, указывающее на то, что совершение действия относится к моменту речи: *vr̥ṣṭi pariteche* 'Идет дождь'⁸. Если по своему строению оно сопоставимо с формой литературного хинди типа *bolṭā hai* (правда, в бенгальском языке произошло слияние субстантивного глагола с причастием), то семантически оно в известной мере эквивалентно форме хинди типа *bol rahā hai*. Получается следующее соотношение: лит. х. *kartā hai:kar rahā hai* $\cong$ бенг. *kare:kariteche* (для иллюстрации соотношения взяты глаголы одного корня: лит. х. *karnā* и бенг. *karā* 'делать'). Как мы видим, однотипные формы двух новоиндийских языков занимают неодинаковое место в системе противопоставлений, выявляемых в каждом из этих языков, и это оказывается связанным с тем, каким значением обладает форма, возводимая к древнему презенсу индикатива. Вот почему нам кажется, что рассмотрение этой формы в том или ином языке или диалекте — это один из возможных отправных пунктов исследования системы финитных форм глагола.

В данной статье ставится задача отметить особенности функционирования этой формы в современном брадже. Материалом служит преимущественно современная прозаическая литература на этом диалекте. В частности, проведено наблюдение за языком двух сборников. В одном из них, носящем название «Народные сказания территории браджа» (LK), представлены сказки и предания, популярные на территории распространения диалекта брадж, в литературной обработке современных писателей, пользующихся браджем в своем творчестве. В предисловии к сборнику говорится, что язык сборника — это брадж, на котором говорит народ, и что все авторы сборника хорошо знакомы с этой разновидностью браджа. Вторая книга — это «Аромат прозы на брадже» (G). В нее наряду с образцами прозы таких авторов, как Гокульнатх (XVI—XVII вв.) и Харирай (XVII—XVIII вв.), включены образцы современной прозы. Было уделено также внимание

⁶ S. Lienhard, *Tempusgebrauch...*, S. 53.

⁷ W. S. Milne, *A practical Bengali grammar*, Calcutta, 1913, p. 156.

⁸ Ibid., p. 160.

языку тех персонажей одного из романов Удайшанкара Бхатта (Bh.), которые говорят на брадж, и текстам — приложениям к лингвистическим работам.

Прежде чем перейти к анализу языкового материала, целесообразно остановиться на звуковых изменениях, которые происходили в окончаниях древнеиндийского презенса индикатива по мере развития языка. При этом надо иметь в виду следующее: поскольку, как показывает приводимая табл. 1, личные окончания литературного хинди фонетически сходны с соответствующими им окончаниями браджа (различия в них носят характер различий между вариантами одного и того же окончания), постольку данные относительно изменений в окончаниях применительно к литературному хинди действительны и для браджа⁹. Подобное соображение имеет силу и для других диалектов западного хинди.

Таблица 1

Число	Лицо	Лит. хинди	Диалекты западного хинди				
			кхари- боли	бангару	брадж	кана- уджи	бунде- ли
Единствен- ное	1-е	-ā	-ā	-ā, -ā̃	-ā̃, -ā	-ō, -ā	-ā
	2-е	-e	-e	-ai, -e	-ai, -ahi	-e	-e
	3-е	-e	-e	-ai, -e	-ai, -ahi	-e	-e
Множест- венное	1-е	-ē	-ē	-āī, -ē, -ā̃	-āī, -ahī	-ē	-ē
	2-е	-o	-o	-o	-au, -ahu	-o	-o
	3-е	-ē	-ē	-āī, -ē	-āī, -ahī	-ē	-ē

Характерной особенностью диалектов западного хинди является идентичность окончаний 1-го и 3-го лица множественного числа. Окончания браджа *-ahi* (2-е и 3-е л. ед. ч.), *-ahī* (1-е и 3-е л. мн. ч.) и *-ahu* (2-е л. мн. ч.) квалифицируются Келлоггом как архаичные¹⁰.

Вопрос о таких звуковых изменениях затрагивают многие грамматисты. Плэттс одним из первых обращает на него свое внимание¹¹. Сравнивая пракритские окончания настоящего времени с современными окончаниями, он при объяснении фонетических изменений в окончаниях исходит из того, что каж-

⁹ Таблица составлена на основе парадигм, приведенных в книге: Udayanarayan Tivārī, *Hindī bhāṣā...*, стр. 228—263.

¹⁰ S. H. Kellogg, *A grammar of the Hindi language*, London, reprinted, 1955, § 484, p. 286.

¹¹ J. T. Platt, *A grammar of the Hindūstānī or Urdū language*, London, 1874, pp. 139—140.

дое из личных окончаний хинди непосредственно восходит к соответствующему личному окончанию пракрита, а через пракрит — к соответствующему окончанию древнеиндийского языка. Следовательно, для Плэттса характерна точка зрения, согласно которой процесс фонетического изменения каждого из окончаний представляет собой прямую линию, не нарушаемую какими-либо факторами другого порядка.

Однако многие ученые, пытавшиеся проследить этот процесс во всей его конкретности, не могли целиком принять односторонний подход Плэттса к объяснению фонетических изменений, так как не каждое окончание современного языка удается непосредственно возвести к окончанию того же лица и числа древнеиндийского языка.

В частности, исследователи отмечают, что наиболее трудно проследить развитие современных личных окончаний 1-го лица. Так, по мнению Бимза, современная форма 1-го лица единственного числа генетически восходит к форме 1-го лица множественного числа настоящего времени древнеиндийского глагола, а современная форма 1-го лица множественного числа — к форме 1-го лица единственного числа. Им также допускается возможность того, что форма 1-го лица множественного числа уподобилась форме 3-го лица множественного числа (при условии наличия генетической связи между современной и древней формами 1-го лица единственного числа)¹².

Окончанием 1-го лица единственного числа в брадже является окончание *-āi* (лит. х. *-ā*). В древнеиндийском языке форма 1-го лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога оканчивалась на *-āmi*. Бимз предполагает, что имел место такой ход развития: *calāmaḥ* (форма 1-го л. мн. ч.) > *calāmu*, **calāū* > *calāu*, *calū*. Лайолл же выводит современное окончание 1-го лица единственного числа из соответствующего окончания древнеиндийского языка, т. е. из *-āmi*. Для апабхрانشа он отмечает наличие окончания *-ai* ¹³.

Хернле указывает, что в апабхрانشа существует форма на *-ai* наряду с формой на *-āmi*, но он ничего конкретного не говорит о генезисе формы на *-ai* ¹⁴. Окончание *-ai* для апабхрانشа отмечает и Пишель. Но он данное окончание не выводит ни из древнеиндийского *-āmi*, ни из древнеиндийского *-āmaḥ*. По его мнению, в соответствии со звуковыми законами данное окончание должно восходить к *-akam* (*jā-*

¹² J. Beames, *A comparative grammar of the modern Aryan languages of India*, vol. III, § 33; см. также: Dhīrendra Varmā, *Hīrībhāṣā kā itihāsa*, Hindustānī ekedemī, Prayāg, 1958, стр. 300; Udaynārāyan Tivārī, *Hīndī bhāṣā...*, стр. 499.

¹³ C. J. Lyall, *A sketch of the Hindustani language*, Edinburgh, 1880, p. 45.

¹⁴ R. Hoernle, *A comparative grammar...*, p. 334.

ṇāṭi = **jānakam* = *jānāmi*). Гипотетическую же глагольную форму с окончанием *-akam* он сравнивает с глагольной формой, имеющей инфикс *-ak-* (*yāmakī* = *yāmi*)¹⁵. Грей же склоняется к выведению *-akam* из элемента *-kam*, появляющегося в форме номинатива личного местоимения 1-го лица единственного числа древнеиндийского языка (*ahakam*)¹⁶. Таким образом, Грей считает, что глагольная форма на *-āṭi* образовалась в результате влияния местоименного окончания. Эту же точку зрения разделяет по сути дела и Тагаре¹⁷.

Итак, грамматисты указывают на то, что в апабхрانشа форма 1-го лица единственного числа оканчивается на *-āṭi*. Относительно же генезиса данного окончания они придерживаются различных точек зрения. Одни ученые (Плэттс, Лайолл, Бимз) выводят глагольную форму на *-āṭi* непосредственно из формы древнего языка. Другие исследователи (Грей, Тагаре) склонны усматривать влияние местоименного элемента в формировании данного окончания, и, таким образом, это окончание, по их мнению, не восходит непосредственно к древнеиндийскому языку, а является характерным лишь для апабхрانشа. Как бы там ни было, современные флективные формы 1-го лица единственного числа многих новоиндийских языков и диалектов, в том числе и форма 1-го лица единственного числа браджа, сближаются с формой апабхрانشа на *-āṭi*. Следовательно, на данной стадии изучения вопроса можно констатировать, что ап. *āṭi* > бр. *-āṭi* (лит. х. *-ā*).

Исследователи отмечают, что окончания форм 2-го лица единственного числа ряда новоиндийских языков восходят к окончанию формы 2-го лица единственного числа *-ahi* в апабхрانشа. Тем самым предполагается такой ход развития: *-ahi* > *-ai* > *-ai*, *-e*. Однако происхождение формы на *-ahi* пока еще нельзя считать выясненным.

Лайолл, Чаттерджи и Тернер считают, что переход *-ahi* < *-asi* есть результат перехода *s* > *h*¹⁸. Такая точка зрения поддерживается и утверждением Пишеля о том, что в апабхрانشа *s* переходило в *h*, например: *ṇīsarahi-nihsarasi*¹⁹. Тернер отмечает, что для района распространения хинди, гуджарати, раджастхани не характерен переход *s* > *h*. Он предполагает, что в окончаниях ввиду их слабой артикуляции происходили

¹⁵ R. Pischel, *Grammatik der Prakrit-Sprachen*, Strassburg, 1900, S. 239, 322.

¹⁶ L. H. Gray, *Observations on middle Indian morphology*, — BSOS, vol. VIII, pt II—III, 1936, p. 567.

¹⁷ G. V. Tagare, *Historical grammar of Apabhramśa*, Poona, 1948, p. 287.

¹⁸ C. J. Lyall, *A sketch...*, p. 45; S. K. Chatterji, *The origin and development of the Bengali language*, pt II, Calcutta, 1926, p. 978; R. L. Turner, *The phonetic weakness of terminational elements in Indo-Aryan*, — JRAS, pt II, 1927, pp. 235—236.

¹⁹ R. Pischel, *Grammatik...*, S. 322, 183.

фонетические изменения, несколько отличные от изменений в основном слове. Тем самым он объясняет переход $s > h$ в окончании 2-го лица единственного числа. Хернле упоминает о существовании двух форм 2-го лица единственного числа в апабхрانشа: формы на *-ahi* и формы на *-asi*²⁰. Однако он ничего не говорит о характере связи между ними, и поэтому остается неясным, откуда он выводит форму на *-ahi*.

Блок высказал мнение, что форма на *-ahi* восходит к форме императива²¹. Этому же взгляда склонен придерживаться Грей. Он полагает, что окончание *-ahi* восходит к морфеме 2-го лица единственного числа императива **dhi*, утратившей затворный элемент аспираты²². Эту точку зрения разделяет Тагаре²³.

Окончанием формы 3-го лица единственного числа в апабхрانشа является *-aī*. К этому окончанию восходит окончание браджа *-ai* (лит. х. *-e*). Окончание *-aī* выводится из древнеиндийского *-ati*²⁴.

Рассмотрим теперь вопрос о том, как в индологической литературе объясняется появление флективных форм множественного числа. По мнению Лайолла, форма 1-го лица множественного числа на *-ē* (а следовательно, и форма на *āī* в брадже) возникла в результате смешения формы 1-го лица множественного числа с формой 3-го лица множественного числа²⁵. Хернле упоминает об уподоблении формы 1-го лица множественного числа форме 3-го лица множественного числа. В целом же он выводит данное окончание из древнеиндийского *-āmaḥ*²⁶. Бимз считал вероятным следующий процесс изменения в окончании по мере развития языка от древнеиндийского к новоиндийскому: *calāmi > *calāī > calāī, calē*²⁷. Тернер, исходя из предположения о несколько своеобразном ходе фонетических изменений в окончаниях, считает, что форма браджа на *-āī* (лит. х. на *-ē*) восходит к форме 1-го лица множественного числа настоящего времени древнеиндийского языка на *-āmasi*²⁸.

Исследователями отмечается, что апабхрانشа располагает формой 1-го лица множественного числа на *-ahū*²⁹. Однако

²⁰ R. Hoernle, *A comparative grammar...*, p. 334.

²¹ J. Bloch, *L'indo-aryen du Vēda aux temps modernes*, Paris, 1934, p. 247.

²² L. H. Gray, *Observations...*, — BSOS, vol. VIII, pt II—III, 1936, p. 567.

²³ C. V. Tagare, *Historical grammar...*, pp. 35, 287.

²⁴ Ibid., pp. 35, 288.

²⁵ C. J. Lyall, *A sketch...*, p. 45.

²⁶ R. Hoernle, *A comparative grammar...*, p. 336.

²⁷ J. Beames, *A comparative grammar...*, vol. III, § 33; см. также: У. N. Tivāri, *Hindī bhāṣā...*, стр. 499.

²⁸ R. L. Turner, *The phonetic weakness...*, — JRAS, pt II, 1927, pp. 236—237.

²⁹ См., например: R. Pischel, *Grammatik...*, S. 321—322.

едва ли можно генетически связывать с ней современную форму на *-āī*.

Относительно генезиса *-ahū* в литературе высказываются различные точки зрения: Тагаре и Сен усматривают здесь влияние местоименного элемента; Грей полагает, что форма на *-ahū* сложилась под влиянием формы 2-го лица множественного числа на *-ahu* (этим объясняется наличие *h*) и формы 1-го лица единственного числа на *-āī* (этим объясняется наличие назализованного гласного)³⁰. Возможность влияния формы 2-го лица допускается также Блоком и Тагаре³¹.

Окончание формы 2-го лица множественного числа браджа *-ai* (лит. х. *-o*) восходит к окончанию *-ahu* в апабхрانشа. Однако по вопросу о пути становления формы на *-ahu* среди ученых нет единого мнения. Хернле, Грей, Сен полагают, что *-ahu* может восходить к древнеиндийскому окончанию презенса изъявительного наклонения *-athas*, рассматриваемому или как окончание формы 2-го лица двойственного числа (Хернле, Сен), или же как окончание гилотетической формы 2-го лица множественного числа, построенной по аналогии с формой 1-го лица (Грей)³². Следует отметить, что в апабхрانشа окончание *-ahu* характеризовало форму 2-го лица множественного числа как презенса изъявительного наклонения, так и повелительного наклонения. По этому поводу Блок сделал следующее замечание: «...сближение индикатива и императива на самом деле подтверждается в апабхрانشа формой 2-го лица множественного числа *karahu* (вместо пракр. *karaha*), которая может происходить только от формы 3-го лица: ед. ч. *karau*, мн. ч. *karantu*...»³³. По мнению Пишеля, в апабхрانشа звук *a* переходит в звук *u* в форме 2-го лица множественного числа презенса изъявительного наклонения и повелительного наклонения: *icchahu* = *icchatha*. Таким образом, Пишель, по-видимому, выводит окончание *-ahu* из *-atha*³⁴.

Для формы 3-го лица множественного числа в апабхрانشа отмечается окончание *-ahī*. К нему возводится современная форма 3-го лица множественного числа браджа на *-āī* (лит. х. на *-ē*). По поводу генезиса формы на *-ahī* высказываются различные соображения.

³⁰ G. V. Tagare, *Historical grammar*..., p. 290; Sukumar Sen, *Comparative grammar of middle Indo-Aryan*, — «Indian linguistics», vol. XII, pt 1—2, 1951, p. 107; L. H. Gray, *Observations*..., — BSOS, vol. VIII, pt II—III, 1936, p. 567.

³¹ J. Bloch, *L'indo-aryen*..., p. 247; G. V. Tagare, *Historical grammar*..., p. 290.

³² R. Hoernle, *A comparative grammar*..., p. 336; L. H. Gray, *Observations*..., — BSOS, vol. VIII, pt II—III, 1936, p. 567; Sukumar Sen, *Comparative grammar*..., — «Indian linguistics», vol. XII, pt 1—2, Calcutta, 1951, p. 107.

³³ J. Bloch, *L'indo-aryen*..., p. 247.

³⁴ R. Pischel, *Grammatik*..., S. 89.

Пишель считает вопрос о происхождении *-ahī* неясным³⁵. По мнению Лайолла, форма на *ahī* восходит к форме на *-anti*. Наличие *h* в окончании *-ahī* Лайолл объясняет стремлением устранить зияние и допускает также возможность влияния формы глагола *ṽas* 'быть' (*ahanti*, *ahani*, *ahī*)³⁶. Тернер, как и Лайолл, полагает, что *-ahī* восходит к *-anti*. Он считает, что группа *-nt-* представлена в окончании апабхрانشа в виде назализованности гласного *i*. Звук *h*, по его мнению, появился в результате влияния форм 2-го лица³⁷. Грей и Тагаре придерживаются иной точки зрения, утверждая, что окончание *-ahī* в апабхрانشа образовалось в результате выравнивания по аналогии с формами 1-го лица согласно следующей схеме:

1-е л. ед. ч. *-aī̃* : 1-е л. мн. ч. *-ahū̃*;
3-е л. ед. ч. *-aī̃* : 3-е л. мн. ч. *-ahī̃*³⁸.

Итак, на основании изложенного мы можем констатировать следующее.

1. Из окончаний древнеиндийского языка выводятся лишь следующие окончания браджа: окончание 2-го л. ед. ч. *-aī* (<ап. *-ahi* < др.-инд. *-asi* или *-adhi*), окончание 3-го л. ед. ч. *-aī* (ап. *-aī̃* < др.-инд. *-ati*) и окончание 2-го л. мн. ч. *-au* (ап. *-ahu* < др.-инд. *-athas* или же *-atha* ∼ *-u*).

2. Окончание 1-го л. ед. ч. *-aī̃* и окончание 3-го л. мн. ч. *-aī̃* удастся генетически связать лишь с окончаниями апабхрانشа — соответственно *-aī̃* и *-ahī̃*.

3. Появление в форме 1-го л. мн. ч. окончания *-aī̃* остается пока неясным, так как по данному вопросу высказываются совершенно различные мнения, а связь этого окончания с окончанием *-ahū̃*, засвидетельствованным в апабхрانشа для 1-го л. мн. ч., кажется невероятной.

4. Исследователи считают, что формирование отдельных личных окончаний могло находиться под воздействием также и нефонетических по своему характеру факторов, как-то: а) влияние местоименного элемента (формы личного местоимения); б) влияние субстантивного глагола; в) уподобление одной личной формы другой форме, формообразование по аналогии, контаминация; г) изменение грамматического значения формы.

Разумеется, что факторы, упомянутые в п. 4, имеют значение не только применительно к браджу, но и вообще к диалектам западного хинди и литературному хинди. Роль такого

³⁵ Ibid., S. 323.

³⁶ C. J. Lyall, *A sketch...*, p. 46.

³⁷ R. L. Turner, *The phonetic weakness...*, — JRAS, pt II, 1927, p. 238.

³⁸ L. H. Gray, *Observations...*, — BSOS, vol. VIII, pt II—III, 1936, pp. 567—558; G. V. Tagare, *Historical grammar...*, p. 230.

рода факторов, очевидно, сказалась и на образовании форм, возводимых к прежнему презенсу индикатива действительного залога, в других современных индоарийских языках и диалектах. Именно этим, как нам кажется, во многом объясняется тот факт, что парадигмы спряжения форм, возводимых к одному и тому же источнику — прежнему презенсу индикатива, могут значительно отличаться друг от друга фонетическим обликом окончаний. Для примера сравним с окончаниями литературного хинди и браджа окончания авадхи, ория, панджаби и непали.

Таблица 2

Число	Лицо	Лит. хинди	Брадж	Авадхи	Ория	Панджа- би	Непа- ли
Единств. ное	1-е	-ā	-āū, -ā	-āū	-ē	-ā	-ā
	2-е	-e	-ai	-ai	-u	-ē	-es
	3-е	-e	-ai	-ai	-e	-e	-os
Множест- венное	1-е	-ē	-āī	-ī	-ū	-īe	-āū
	2-е	-o	-au	-au	-a	-o	-e
	3-е	-ē	-āī	-āī	-anti	-an	-un

Стало быть, древнеиндийский (и среднеиндийский) презенс индикатива следует расценивать как такую форму, которая, претерпевая в своих окончаниях изменения как фонетического, так и нефонетического характера, послужила для современных индоарийских языков и диалектов лишь основой для образования в каждом из них флективной формы времени или наклонения (неизъявительного).

Наиболее полное описание использования в современном брадже формы, возводимой к древнеиндийскому презенсу индикатива, содержится в книге Дхирендры Вармы «Язык брадж»³⁹. Отмечаются следующие случаи употребления этой формы, которую Дхирендра Варма именует настоящим временем изъявительного наклонения:

- 1) в песенном творчестве и в поэзии в значении настоящего времени;
- 2) в прозе при выражении отрицания в значении настоящего времени;
- 3) в повествовании о прошлом в значении исторического настоящего времени;
- 4) в вопросительных предложениях в значении ближайшего будущего времени;

³⁹ Dhīrendra Varmā, *Braj-bhāṣā*, § 212, стр. 95.

5) при наличии союза *jo* или других слов, указывающих на возможность, в значении настоящего времени сослагательного наклонения;

6) в значении повелительного наклонения, что касается лишь формы 2-го л. мн. ч.

Следует отметить, что в трех случаях (4, 5, 6) речь идет о передаче значений косвенной модальности, а именно: вопроса относительно целесообразности совершения действия (*pān lagāū* 'Подать бетель?'), предполагаемого условия (*jo bau calai...* 'Если он отправится...'), побуждения (*tum calau* 'Вы ступайте'). В одном из них, а именно при выражении побуждения, приведенную глагольную форму можно истолковать и как форму повелительного наклонения, ибо Дхирендра Варма указывает на факт омонимии между «настоящим временем изъявительного наклонения» и повелительным наклонением в случае их соотносительности с местоимением 2-го л. мн. ч.⁴⁰. Однако такую трактовку этой формы нельзя принять безоговорочно, ибо, как свидетельствует приводимый нами ниже пример, «настоящее время изъявительного наклонения» может служить для выражения побуждения тогда, когда оно формально отличается от повелительного наклонения, т. е. при указании на 2-е л. ед. ч.:

Rādhā bolī — na bhainā, aisi bāt mat kahai... (LK, 14) 'Радха сказала: «Нет, сестрица, не говори так...»'.

В двух других случаях (5, 6) «настоящее время» по выражаемому им значению ничем не отличается от простой формы (формы настоящего-будущего времени) сослагательного наклонения литературного хинди. О том, что как средство выражения косвенной модальности «настоящее время» браджа не обнаруживает в семантическом плане никакого своеобразия в сравнении с простой формой сослагательного наклонения, мы можем судить на основании следующих примеров:

bvāne kahī — «jau tū merī chātī pai te utari parai to batāū» (G, 43) '«Если ты слезешь с моей груди, то расскажу», — промолвил он';

cārō or ādmī bheje gae kai aise ādmī kī pakari kai lāvai jāke mūr mē talvār ko ghāo hoy (LK, 23) 'Во все четыре стороны были посланы люди, чтобы поймать и доставить (букв. поймав, доставить) такого человека, у которого на голове рана от удара мечом';

totī tē totā te kahī kai totā kachū aisi bāt kahau jāte raini kaṭai (LK, 63) 'К попугаю обратилась его подруга: «Попугай, расскажи какую-нибудь такую историю, чтобы [побыстрее] прошла ночь»'.

Использование «настоящего времени» в качестве средства

⁴⁰ Там же, стр. 98.

выражения косвенной модальности особенно показательно в тех примерах, где оно выступает в придаточной части, содержащей указание на цель, т. е. в такой синтаксической позиции, где употребление какой-либо формы, безоговорочно относимой к изъявительному наклонению, представляется невозможным (см. два последних примера).

Остановимся теперь на случаях выражения изъявительной модальности. Говоря о передаче этой формой значения настоящего времени в языке поэзии и песнях, нужно прежде всего иметь в виду песенный фольклор. Вот примеры из народных песен на брадж:

ghorī ghūghuriyā rarkāvai (S, 195) 'Лошадь звенит бубенцами';

sāman rimjhim mehā barsai (S, 279) 'В месяце шраван моросит дождь'.

Примечание. Такое использование соответствующей глагольной формы обнаруживается и в других языках и диалектах. Оно, например, наблюдается в песенном фольклоре на авадхи:

kaīse māi āvō raniyā tuharī nagariyā ho, kukurā bhūkai pāhrū jāgai ho rām (LR, 148) 'О милая, как я пойду в твоё селенье? Ведь там лают собаки и сторож не спит'. То же самое мы видим и в народных песнях на раджастанхи:

bhābhī mhāke man mē āvai rīs. naiṇ nārī rā e bolī bolai mard rī (R, 188) 'О невестка, меня охватывает гнев. [У этого человека] глаза женские, а речи он ведет мужские'.

Значение настоящего времени передается рассматриваемой формой и в таких произведениях устного народного творчества, как пословицы, поговорки:

bāṛhai pūt pitā ke dharmā, khetī upajai apne karmā (SI, 40) 'Преуспевает сын благодаря добродетели отца, урожай же хорошо растёт, когда приложишь свой труд'.

purvāī lāvai thor-thor. pachāīyā barsai ghor-ghor (SI, 97) '[Бывает и так, что] восточный ветер приносит небольшой дождик, а при западном ветре льёт как из ведра'.

Примечание. Выражение значения настоящего времени в пословицах и поговорках формой, возводимой к древнеиндийскому презенсу индикатива, свойственно и другим языкам и диалектам, где данная форма уже не рассматривается как средство выражения изъявительной модальности. Такое положение наблюдается, например, в панджаби, авадхи, бходжпури⁴¹. Оно имеет место и в литературном хинди: *mār ke āge bhūt bhāge* 'И демон страшится побоев'⁴². Соответствующая форма языка ма-

⁴¹ Е. Р. Newton, *Panjabi grammar*, Ludhiana, 1898, p. 133; Baburam Saksena, *Evolution of Awadhi*, Allahabad, 1937, p. 258; U. N. Tiwari, *The origin and development of Bhojpuri*, Calcutta, 1960, p. 167.

⁴² Такое употребление данной формы в литературном хинди отмечается, в частности, в следующих работах: S. H. Kellogg, *A grammar of the Hindi language*, London, reprinted 1955, § 765; Kāmtāprasād Guru, *Hindī vyākaraṇ, śaṣṭha rūpamudraṇ*, Kāśī, sāvat 2017, § 594, стр. 460. См. также: В. П. Липеровский, *Категория наклонения в современном литературном хинди*, М., 1964, стр. 33. В. А. Чернышев, рассматривая обоб-

ратки используется как прошедшее обычное время. Все же в пословицах и поговорках она оказывается способной передавать презентное значение ⁴³.

Употребление рассматриваемой формы в значении настоящего времени в случае выражения отрицания иллюстрируется такими примерами с отрицательной частицей при глаголе:

...*barhaṭ ṭhāṭh ukhārai nāy, ṭhāṭh carṇā del nāy* (LK, 73) '...плотник не корчует засохшее дерево, а дерево не отдает горошину';

āj jī cō nāi bolai (G, 11) 'Почему он сегодня не говорит'.

Однако в современной литературе на брадж (как в авторской речи, так и в речи персонажа) данная форма, хотя и не часто, встречается в значении настоящего времени и тогда, когда предложение является утвердительным по смыслу:

phir bhagmān jī nē cāk pūji dayau to ganes deotā rājī hai gayau. bas javaṭ cāk pujaī (LK, 79) 'Тогда Вишну совершил поклонение гончарному кругу, и Ганеш смилился. И с того времени гончарному кругу поклоняются (букв. гончарный круг почитается)';

āp tau sab kacṛh jānau, kī gaiyā kau dūdh bhāis ke dūdh te nāiku patrau hoal (G, 58) 'Ведь вы же знаете, что коровье молоко не такое уж густое, как молоко буйволицы'.

Форма браджа, возводимая к древнему презенсу индикатива, находит применение при повествовании о прошлых событиях. Семантически выделяются два случая. В первом случае глаголом обозначается действие, которое было обычным для какого-то периода прошлого, и, следовательно, глагольная форма в видо-временном отношении эквивалентна имперфекту:

...*parī koī sarsand na parī. rājā kau beṭā jahā jāī mānī āī apne sanggaī lai jāī* (LK, 61) '...но ей никак не везло: куда бы ни шел сын раджи, жемчужину он брал с собой'.

Во втором случае оттенок обычности, повторяемости отсутствует, а глагольная форма в видо-временном отношении оказывается эквивалентной претериту:

rājā ke beṭā e pyās lagī, thorī sī dūri pai kahā dekhāī kai cīl aur kaīy marāī rahe āī (LK, 57) 'Сына раджи стала мучить жажда. Вдруг они видят, что недалеко кружат коршун с вороном'.

Примечание. Подобное же явление, т. е. использование формы, возводимой к древнему презенсу индикатива, при повествовании о прошлом встречается и в других индоарийских языках и диалектах. Оно, например, отмечено для ория, панджаби, , авадхи ⁴⁴. В литературном хинди

ценно-личные предложения — пословицы, выделяет среди них такие, в которых данная форма выступает в значении настоящего времени изъявительного наклонения. См. В. А. Чернышев, *Синтаксис простого предложения в хинди*, М., 1965, стр. 167.

⁴³ Т. Е. Катенина, *Язык маратхи*, М., 1963, стр. 75.

⁴⁴ Б. М. Карпушкин, *Язык ория*, М., 1934, стр. 57; Е. Р. Newton, *Panjabī grammar*, pp. 132—133; Bibiram Siksena, *Evolution of Awadhi*, p. 258.

оно было присуще языку Лаллу джи Лала (возможно, здесь сказалось влияние браджа) ⁴⁵. Напомним, что соответствующая форма современного маратхи — это прошедшее обычное время.

Итак, выше были показаны основные случаи употребления в современном брадже формы, возводимой в генетическом плане к древнеиндийскому (и среднеиндийскому) презенсу индикатива. Из предложенного анализа явствует, что данная форма может служить для передачи значения неизъявительной модальности. В связи с этим возникает вопрос о том, в какой мере эта форма остается «настоящим временем изъявительного наклонения».

При ознакомлении с языковым материалом обращают на себя внимание два обстоятельства: во-первых, данная форма как средство выражения изъявительной модальности в плане настоящего времени встречается сравнительно редко; во-вторых, она не является единственным средством выражения этого значения. Естественно предположить, что эти два момента непосредственно связаны между собой.

Как явствует из лингвистической литературы, в современном брадже для передачи значения настоящего времени используются также две сложные формы, построенные с участием субстантивного глагола (в форме настоящего времени) в качестве второго элемента, а именно: 1) имперфективное причастие + субстантивный глагол; 2) «настоящее время» (т. е. флективная форма, которую мы до сих пор рассматривали) + субстантивный глагол ⁴⁶.

Грамматисты не проводят различия в смысловом отношении между этими двумя сложными формами. Они склонны считать каждую из них настоящим определенным или же настоящим несовершенным временем. Дхирендра Варма отмечает, что вторая форма обычно употребляется в районе городов Буландшахар, Бхаратпур, к востоку от Джайпура, и иногда ее можно услышать в районе городов Матхура и Караули. Таким образом, она характерна для говоров северо-западной и западной частей области распространения браджа, т. е. для говоров территории, которая граничит с областью распространения диалекта кхари-боли и диалектов раджастхани.

Примечание. Следует иметь в виду, что сложная форма настоящего времени, образованная путем сочетания флективной формы, возводимой к древнему презенсу индикатива, с формой настоящего времени

⁴⁵ В. П. Липерзвский, *Категория наклонения в современном литературном хинди*, М., 1934, стр. 32—33.

⁴⁶ S. H. Kellogg, *A grammar of the Hindi language*, London, reprinted 1955, pp. 238, 291; G. A. Grierson, *Linguistic survey of India*, vol. IX, pt 1, pp. 73, 81; U. N. Tivari, *Hindī bhāṣā...*, стр. 243; Dhirendra Varmā, *Braj-bhāṣā*, § 234, стр. 111.

субстантивного глагола, типична для диалектов раджастанхани⁴⁷. Вот пример из фольклора:

e Sindhrī mē bajai chai dhol (R, 138) 'В Синде раздаются звуки барабана'. Аналогичная по строению форма присуща и диалекту кхариболи⁴⁸. Для иллюстрации можно привести следующие примеры:

...*or vahā kuch ghāṭā nahī he or mē is deś mē bhukkhā marū hū*
'...и там нет ни в чем недостатка, а я в этой стране умираю от голода'⁴⁹;
bhukke-pyāse gavāliye āi ke khā levai hai (A, 9) '[Ведь плоды юбю] поедает, придя сюда, мучимые голодом и жаждой пастухи'.

В литературном хинди диалектную форму подобного рода иногда использовал Лаллу джи Лал:

tū kis ke āge yah bāt kahe hai au kyō itnā khed kare hai (PS, 317)
'Перед кем ты говоришь такие речи и почему так горюешь'.

Она может встретиться и в современных произведениях на хинди при передаче речи персонажа:

yah istriyō par bhī vaisā hī calai hai, jaisā puruṣh par (L, 42)
'Оно (лекарство) и на женщин оказывает такое же воздействие, как и на мужчин'.

О существовании отмеченной территориальной стратификации двух сложных форм современного браджа может косвенно свидетельствовать тот факт, что каждый из авторов, пишущих на брадже, предпочитает, как показывает проанализированный нами материал, использовать лишь одну из них⁵⁰. Так, например, если Адаршкумари Яшпал использует первую из них (см. LK, 17—27, 83—92), то Барсане Лал Чатурведи прибегает ко второй (см. G, 57—67).

Сравним теперь анализируемую глагольную форму со сложными формами. В современной прозе, как это видно из приведенных выше примеров (LK, 79; G, 58), эта форма выступает в функции настоящего общего времени, т. е. она относит к плану настоящего времени такие действия, которые являются обычными, повторяющимися, постоянно характеризуют субъект и вообще не ограничены определенными хронологическими рамками⁵¹.

⁴⁷ S. H. Kellogg, *A grammar...*, pp. 299—300; Sunītikumār Cāturjyā, *Rājasthānī bhāṣā*, Udaypur, 1949, стр. 31; Puruṣottamlāl Menāriyā, *Rājasthānī bhāṣā kī rūp-rekhā*, Banāras, 1953, стр. 29.

⁴⁸ G. A. Grierson, *Linguistic survey...*, IX, 1, p. 65; U. N. Tivārī, *Hindī bhāṣā...*, стр. 233.

⁴⁹ G. A. Grierson, *Linguistic survey...*, IX, 1, p. 216.

⁵⁰ Первую из форм современного браджа мы в целом ряде случаев лишь условно можем называть сложной, так как для нее характерно превращение в новосинтетическую форму в результате слияния субстантивного глагола с причастием. Предпосылкой такого слияния является утрата субстантивным глаголом начального согласного *h*. В результате мы имеем: *romatyā* (LK, 70) 'плáчу' (ж. р.), *somatyai* (LK, 69) 'спит' (ж. р.), *bantū* (LK, 59) 'становлюсь' (м. р.), *batāi saktū* (G, 30) 'могу сообщить' (м. р.), *bhājatvai* (SI, 77) 'бежит' (м. р.), *māgtē* (Bh, 129) 'просят' (м. р.) и т. п. О разновидностях имперфективного причастия (причастия настоящего времени) в брадже и о формах лица и числа субстантивного глагола в настоящем времени см.: Dhīrendra Varmā, *Braj-bhāṣā*, § 217, стр. 99—100; § 223, стр. 104—105.

⁵¹ Отнесение действия к какому-то определенному моменту наблюдает-ся иногда в фольклоре (см. приведенный выше пример — S, 195), где, как

Однако действие, строго не ограниченное хронологическими рамками, чаще всего обозначается глаголом, стоящим в той или иной сложной форме. Примеры с первой (причастной) формой:

mere bāp ki dvai āṭini āl. eku assī kos jāti al. ek sāṭh kos jāti al (G, 45) 'У моего отца есть две верблюдицы. Одна из них проходит [за один раз] расстояние в восемьдесят косов, другая — в шестьдесят косов';

aisau hāsor ai ki koī cāe kaisei ranj phikir mē hoi, hāsai pīchau chortu al (LK, 85) 'Он такой шутник: как бы ни был расстроен человек, он [от него никогда] не отстанет, пока не рассмешит (букв. рассмешив, отстает)'.
Примеры со второй формой:

bālakpane mē maiyā dūdh pivāval al... (G, 57) 'В детстве молоком поит мать...';

sāstran mē parhi ai ki hans nīr-chīr kau bibek karve vārau hoal al (G, 60) 'В шастрах я прочитал, что гусь обладает способностью определять, где молоко, а где вода'.

Следовательно, рассматриваемая нами флективная форма не противопоставляется сложным формам настоящего времени, если речь идет о действиях, относимых к плану настоящего времени без строгого ограничения их хронологическими рамками, а сравнительно редкое ее употребление для передачи значения настоящего времени объясняется тем, что средством выражения данного значения становится каждая из описанных сложных форм. Отсутствие противопоставленности в видо-временном отношении между флективным «настоящим временем» и сложной формой настоящего времени наглядно иллюстрируется следующим примером, содержащим обе формы:

tum tau roj Syāto Syāto pukārau au. yai tau roj saped pānī dai jāai (G, 59) 'Вот ты каждый день кричишь: «Шьям! Шьям!», а он (Шьям) каждый день сбывает [нам] белую воду [вместо молока]'.

Но каждая из двух сложных форм в отличие от флективного «настоящего времени» находит применение и тогда, когда нужно передать актуальность действия для данного момента:

kahā cale paṇḍit? — kaī nāyā, ghar kū jātū (Bh., 85) 'Куда направился, пандит? — Никуда, иду домой';

kūvar sāb, bo kahai hai, moy nāyā phursat (Bh., 126) 'Господин Кунвар, он говорит: «У меня нет времени»'. Разумеется, при таком употреблении сложная форма проявляет противопоставленность флективной форме. Кстати сказать, использование последней с отрицательной частицей в значении настоящего актуального времени можно расценивать как

нам кажется, зафиксировано традиционное использование рассматриваемой формы, и в случае наличия при глаголе отрицательной частицы (см. приведенный выше пример — LK, 73), где использование данной формы можно квалифицировать как синтаксически обусловленное.

результат того, что наличием отрицательной частицы обусловливается опущение субстантивного глагола в сложной форме.

Однако для сложных форм функция настоящего актуального времени не является определяющей. Каждая из них становится в современном брадже основным средством выражения настоящего общего времени. Об этом свидетельствует тот факт, что брадж уже выработал специальную форму, которая берет на себя функцию настоящего актуального времени. Наличие такой формы, состоящей из абсолютива (основы) смыслового глагола, перфективного причастия от глагола *rahno* 'оставаться' и формы настоящего времени субстантивного глагола *hono* 'быть', отмечается Дхирендрой Вармой⁵². Ее употребление иллюстрируется следующими примерами:

rastā mē kā dekhaus, ki Syāmo kuā pai ṭhārau pānī khēc rahyau ai (G, 59) 'И что же я вижу по пути — Шьям стоит у колодца и черпает воду';

ghoraṇ nāi samjhī kai rakhvārau soy rahau ai (LK, 19) 'Лошади подумали, что сторож спит'.

Таким образом, сложные формы настоящего времени браджа выступают как члены двух оппозиций: рассматриваемому нами флективному «настоящему времени» они противопоставляются (вернее, могут противопоставляться) как формы настоящего актуального времени, а форме, берущей на себя функцию выражения настоящего актуального времени, — как формы настоящего общего времени, причем вторая из двух оппозиций является для них более характерной, ибо флективная форма редко употребляется как средство выражения изъявительной модальности в плане настоящего времени. Поэтому взгляд на эти формы как на настоящее определенное время представляется устаревшим.

В связи с тем, что сложные формы становятся основным средством выражения настоящего общего времени, флективное «настоящее время», возводимое к древнему презенсу индикатива, приобретает новое модальное значение, отличное от изъявительной модальности. Временное значение оказывается в этой глагольной форме «размытым», о чем свидетельствует помимо приобретения ею значения косвенной модальности и тот факт, что она способна относить действие к плану прошедшего времени. Показателен следующий пример, где данная форма в одном случае выступает как форма прошедшего времени, а в другом — как форма сослагательного наклонения:

bū bhaut socai bicārai par koī tarkīb na banī jāte hāth nikas āvai (LK, 14) 'Он долго ломал голову, но ничего не

⁵² Dhīrendra Varmā, *Braj-bhāṣā*, стр. 111.

придумал, чтобы высвободить руку (букв. чтобы рука высвободилась)'.
Поэтому определение этой формы как настоящего времени изъявительного наклонения уже довольно условно. Главное, что характерно для этой формы,— это отсутствие строгих пределов, которые лимитировали бы ее функционирование в модальном и видо-временном отношении. Следовательно, наиболее подходящим из терминов, употребляющихся в лингвистической литературе, для обозначения этой формы является термин *аорист*, если только исходить из этимологического значения этого слова: *aoristos* — неограниченный.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- A — «*Ādi-hindī ki kahānīyā aur gītē*», sampādak—Rāhul Sāṅkṛtyāyan, Paṭnā, [S. a.].
Bh.—Udayśankar Bhaṭṭa, *Lok-parlok*, Dillī, Rājkamal prakāśan, 1958.
G — «*Braj-bhāṣā-gadya-saurabh*», sampādak — Barsāne Lāl Caturvedī, Mathurā, Braj-sāhitya-maṇḍal, [1957].
L — Śrībadrināth Bhaṭṭa, *Labardhōdhō*, Lakhanā, sāvat 2002.
LK — «*Braj ki lok-kahānīyā*», sampādak — Baijnāth Dānī, Mathurā, Ailorā prakāśan, 1959.
LR — Satyavrat Avasthī, *Lok-rāginī*, Prayāg, Pīyūṣ prakāśan, 1956.
PS — Lallulālji, *Śrī Prem Sāgar*, prakāśak — paṇḍit Pṛthvināth Bhārgav, pratham sāskaraṇ, Banāras, [S. a.].
R — Rānī Lakṣmikumārī Cūṇḍāvat, *Rājasthānī. lok-gīt*, Jaypur, sāvat 2014.
S — Satyendra, *Braj-lok sāhitya kā adhyayan*, Āgrā, Sāhitya-ratna-bhaṇḍār, 1957.
SI — Ambāprasād «Suman», *Kṛṣak-jīvan-sambandhī braj-bhāṣā-śabdāvalī*, pratham khaṇḍ, Ilāhābād, Hīrudustānī ekeḍemi, 1960.

И. М. Оранский

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О СЕКРЕТНЫХ ЯЗЫКАХ (АРГО) СРЕДНЕЙ АЗИИ

III. ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ГРУППА ЧИСТОНИ, ЕЕ ДИАЛЕКТ И АРГО¹

Еще в 50-е годы, в ходе работ по изучению индийского диалекта группы парья (Гиссарская долина), а также некоторых других диалектов и арго, распространенных на территории Таджикской ССР, автору этих строк стало известно о существовании небольшой этнографической группы чистони. Из расспросных сведений² можно было заключить, что чистони живут небольшими группами (5—10 хозяйств) в районах Регара (Таджикская ССР), Сары-Асия, Узун, Денау, Юрчи (Узбекская ССР), являются выходцами из Афганистана³ и исповедуют мусульманство суннитского толка (*боғуо*-

¹ Первые два сообщения из этой серии см. КСИНА, XL, 1961, стр. 62—77 («Этнографическая группа «кавол» в Кулябе и ее арго»); сб. «Иранская филология. Труды научной конференции по иранской филологии (24—27 января 1962 г.)», Л., 1964, стр. 62—75 («Материалы для изучения арго этнографической группы джуги»).

² Записи производились от представителя кулябской группы «кавол» Бобо Чили (1957 г.), от стариков из пахтабадской группы «кавол» (1964 г.), от представителей группы парья — Худоназара Гуломова (1958—1964), Ашур-Али Бэво (1931 г.), Курбон-Али (1931 г.), от стариков-парья из сел. Кутарма Гиссарского района (1961 г.), от афганца-паштуна Нурмухаммад-Хона (Ханака, 1958—1964), от заслуженного учителя Таджикской ССР Махмуда Шоева (сел. Чузы Гиссарского района, 1961—1964).

³ Ашур-Али Бэво связывал эту группу (впрочем, без уверенности) с Бухарой (полевая запись от 17.X.1951); Нурмухаммад-Хон высказывал также предположение о связи терминов «чистони» и «систуни» («сеистанцы»). Действительно, в таджикском (таджикско-персидском) диалекте чистони имеются черты, сближающие его с сеистанским диалектом в Серахсе (см. А. Л. Грюнберг, *Сеистанский диалект в Серахсе*, — КСИНА, 67, 1963, стр. 76 сл.), однако в целом эти два говора представляют, по-видимому, различные разновидности таджикско-персидской диалектной речи.

гг). Отмечались какие-то связи этой группы с группами джуги и «кавол», а также наличие у чистони какого-то особого языка, непонятного окружающему населению. Последнее обстоятельство, равно как и отсутствие каких-либо сведений об этой группе в известной мне литературе, вызывало понятный интерес.

Однако все попытки встретиться с представителями этой группы наталкивались на протяжении ряда лет на различные препятствия, и лишь осенью 1964 г. удалось вступить в непосредственный контакт с несколькими семьями чистони и произвести записи по их диалекту и аргю. Записи образцов диалектной и арготической речи сделаны в районе Сары-Асия от Наима, сына Талиба (около 30 лет); лексические материалы пополнялись и проверялись также в ходе записей от его отца (около 60 лет), мачехи, родственников и соседей, принимавших участие в наших беседах. Здесь же были записаны приводимые ниже сведения о группе чистони.

Чистони считают себя выходцами из Афганистана и называют себя «афганцами» (*afyon*)⁴. По их словам, они происходят из района Кабула, где и сегодня живут их соплеменники. На протяжении жизни нескольких последних поколений какая-то часть этой группы переселилась в Среднюю Азию и обосновалась в районе Сары-Асия — Денау. Во время гражданской войны в Средней Азии некоторые чистони принимали участие в басмаческом движении и после разгрома басмачества вернулись обратно в Афганистан. В настоящее время численность этой группы на территории Средней Азии очень невелика — примерно 10 семейств живет в районе Сары-Асия, немногие представители чистони имеются также в районе Бухары и Самарканда. С ними сары-асийские чистони поддерживают связь. Группа чистони состоит из трех родовых(?) подразделений (*avlod*): 1) *lalandara tutxur* (<*qalandar-a tutxur*(?), букв. 'странствующие дервиши-тутюды'), 2) *čumčukgir* 'птицеловы' (<*čumčuq-gir*, букв. 'ловцы воробьев'), 3) *kalbilbof* 'плетущие решета' (<тадж. *čalber-bof*). Первое из этих подразделений считается выше (*baland*) двух остальных, второе стоит ниже (*past*), третье занимает якобы самое низкое место (*boz pasttar*)⁵.

Насколько я могу судить, по своей одежде, типу жилища, по бытовому укладу чистони не отличаются сколько-нибудь заметно от окружающего узбекского и таджикского населе-

⁴ См. Образцы бытовой разговорной речи (II, 5).

⁵ Изготовление решет считается специфическим ремеслом некоторых цыганообразных групп Средней Азии и Ирана, и «цыган» Персии часто называют термином, обозначающим буквально «плетущий решета» (*čalber-band*). См., например, К. П. Патканов, *Цыганы. Несколько слов о наречиях закавказских цыган: боша и карачи*, СПб., 1887, стр. 18.

ния⁶. Они вступают в двусторонние брачные отношения с таджиками, узбеками, с группой «кавол»⁷ и хоронят умерших членов своей группы на том же кладбище, что и местные таджики и узбеки (Пистамазор).

В настоящее время представители группы чистони работают в основном на различных предприятиях местной промышленности. Молодежь охотно занимается танцами и пением и создала в Сары-Асия нечто вроде самодеятельного ансамбля, который приглашается местными жителями на свадьбы и другие праздники. За выступления их одаривают, однако, как утверждают, в прошлом представители группы чистони профессионально такими выступлениями не занимались.

Родной язык группы чистони — таджикский, в одной из диалектных его разновидностей, близкой, насколько можно судить по имеющимся материалам, к таджикским говорам Афганистана и Южного Таджикистана.

Наряду с общеразговорной лексикой группа чистони имеет еще особый, арготический словарь, состоящий из непонятных для окружающего населения «тайных», «секретных» слов, каждое из которых является семантическим эквивалентом того или иного слова общеразговорной речи. В случае необходимости эти «тайные» слова вводятся в разговорную речь, замещая соответствующие им по значению слова общеразговорного языка. Таким образом, единственным отличием арготической речи от общеразговорной является введение в последнюю большего или меньшего количества элементов арготического словаря. Никаких изменений в фонетическом облике или грамматическом строе диалекта чистони при этом, разумеется, не происходит. Представители группы чистони совершенно отчетливо осознают функции своего арготического словаря и четко отличают лексику общеразговорную от арготической, определяя последнюю как принадлежащую к «воровскому языку» (*zabon-i duzdi*). Так, по словам одного из информантов: *adi — modar, sekretnəi-ba maʔəz-um* 'adi — [значит] «мать», а на секретном [языке] — *maʔəz-um*' (букв. «моя мать»).

Осознаются также различия (во всяком случае в области лексики) между своим диалектом и диалектом группы «ка-

⁶ Впрочем, вопрос этот требует, разумеется, специального этнографического исследования. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что женщина (правда, уже пожилая) свободно принимала при постоянном участии в мужской беседе.

⁷ Но не вступают в брачные отношения с группами парья («чангар») и джуги.

вол» (*qavoli*)⁸, между собственным арго (*čistonigi*) и арго группы джуги (*jugigi*). Так, например, указывалось, что *danap* 'жена', 'женщина', *gadar* 'осел' — это «по-джугийски» (*jugigi-ya*), а *jibit-um* 'моя жена' — это «по-чистонийски» (*čistonigi-ya*).

Некоторые арготические слова (в тех или иных фонетических вариантах) являются, однако, общими для чистони, джуги и других, арготирующих групп Средней Азии, Ирана и Афганистана, так что точное разграничение этой лексики между различными группами не всегда оказывается возможным (см. Список арготических слов, стр. 89 и сл.).

Материалы по диалекту и арго группы чистони состоят из разговорных фраз, двух небольших текстов — образцов бытовой разговорной речи, списка терминов родства и свойства, списка арготических слов. Весь публикуемый материал приводится в фонетической транскрипции, воспроизводящей звучание речи дикторов так, как оно было воспринято при записи.

Анализ диалектных особенностей интересующего нас говора сопряжен с рядом значительных трудностей, определяемых в первую очередь тем, что говор этой небольшой этнографической группы подвержен постоянному и достаточно сильному влиянию окружающих таджикских и узбекских диалектов местного населения. Многие диалектные черты предстают поэтому в стертом виде; отсюда же различные произносительные варианты, наблюдаемые даже в речи одного и того же информанта и отражающие различные диалектные влияния, различную степень приближения к литературному произношению.

Как это неоднократно отмечалось специалистами по таджикской диалектологии⁹, большая или меньшая выраженность диалектных черт, употребление тех или иных дублетных слов, дублетных морфологических и фонетических форм во многом определяется также обстановкой записи, стилем речи, личностью информанта и многими другими приходящими обстоятельствами.

При всей ограниченности материала по говору чистони он позволяет все же сделать некоторые заключения о характерных особенностях этого говора и его месте среди других таджикских (таджикско-персидских) диалектов. В приводимой ниже сводке отмечаются основные диалектные черты говора чистони, отличающие его от современного таджикского литературного языка (в той стандартной его форме, которая зафиксирована грамматикой и таджикско-русским

⁸ Отмечалось, например, что «каволи» называют старшую сестру *jifi*, «а по-нашему будет *dādā*» и т. д.

⁹ См., например, Нем., 7—8.

словарем 1954 г.¹⁰. Арабские цифры в скобках указывают на порядковый номер разговорных фраз; римские цифры с последующими арабскими указывают на номера текстов и фраз внутри данного текста. В текстах и разговорных фразах дефисом отделяются энклитические местоимения, формы настоящего времени глагола-связки, послелоги, изафет, глагольный префикс *bi-(bə-, bu-, ba-)* и отрицание *na-(ne-)*.

ФОНЕТИКА

Вокализм

1. Историческое ¹¹ *ā* (совр. перс. *â*//тадж. *o*) отражается в диалекте как *a*, *â*¹², часто чередующееся с *o*¹³: *bābā* 'отец' (II, 8, 12), *biya* (sici) 'иди сюда!', *dārum* 'имею' (12), *deryā* 'река', *divāl* 'стена', *Jaru* 'веник', *mâtāvi* 'луна', 'лунный

¹⁰ «Таджикско-русский словарь». Под ред. М. В. Рахими и Л. В. Успенской. Отв. ред. член.-корр. АН СССР Е. Э. Бертельс. С приложением грамматического очерка, составленного В. С. Расторгуевой, М., 1954. В качестве отправного пункта для сравнения мог бы быть избран и персидский язык. Выбор таджикского определяется более высоким сравнительно уровнем разработанности таджикской диалектологии. Сравнительный материал приводится выборочно (преимущественное внимание уделяется персидско-таджикским диалектам Афганистана) и не претендует, разумеется, на исчерпывающую полноту.

¹¹ Т. е. относящееся к той звуковой системе, которая постулируется для новоперсидского литературного языка классического периода и принимается за исходную для современных персидского и таджикского языков.

¹² Обозначаю этим знаком огубленный гласный заднего (или смешанного) ряда, сильно варьирующий по ступени подъема (от 1-й до 3-й снизу, по таблице акад. Л. В. Щербы), а также степени огубленности (вплоть до полной ее утраты) и по длительности. Исследователями не раз отмечались значительные колебания в произношении исторического *ā* в персидско-таджикских диалектах Афганистана. См. Log., 131—132; Morg., Report I, 7; Morg. Pers., 310; Ligeti, 149; Доп. 13; ср. также Пах., 45; Ефимов, 11—12. Ср. чередования типа *jai//jâi* 'место' в кабули (см. Farhâdi, 9, 14).

¹³ Ср., например: *kâr* (I, 5)//*kor* (I, 6) 'дело', 'работа', *pa//po* 'нога', арг. *mai//moï* 'чай' и т. д. Перебой *a//â//o* в произношении одного и того же слова, записанного от одного и того же диктора, наблюдается и в таджикской речи индоязычной группы парья — также выходцев из Афганистана (см. Ор., пар. I, 38—39). Это явление может, как мне кажется, объясняться следующим: диалект, на котором говорили чистони до своего переселения в Среднюю Азию, относился, по всей вероятности, к диалектам «акающего» типа (т. е. к таким персидско-таджикским диалектам, где историческое *ā* отразилось как *â*). Однако в Средней Азии чистони оказались в среде таджикоязычного населения, говорящего на обычных для Средней Азии «окающих» таджикских диалектах (т. е. таких, где историческое *ā > o*). Под влиянием последних в диалекте чистони наметилась тенденция к перестройке произношения, проявляющаяся, в частности, и в указанном перебое.

свет' (тадж. *mahtobi*), *miayi* 'придешь', *najur* 'больной', *na-xun* 'ноготь', *numazigar* 'вечер' (тадж. *namoz-i digar*), *pa* 'нога', *sutâra* 'звезда', *tâle* 'до сих пор' (I, 5; тадж. *to holi*), *zâni* 'колени' и т. д.

В одном случае историческое $\bar{a} > i$: *unji* 'там' (II, 3; тадж. *onjo*).

В позиции перед носовыми (*m*, *n*) $\bar{a} > u$: *dumâd* 'зять', *umat* 'пришел' (42, 44), *umada* 'пришедши' (II, 2); *barârxun* 'названный брат' (43; тадж. *barodarxond*), *dundun* 'зуб', *kalun* 'большой', *run* 'бедро', 'ляжка', *u* 'этот', 'эта', 'это' (тадж. *on*), *unji*, *unjo* 'там' (II, 3, 8), *ustaxun* 'кость', *xuna* 'дом' (I, 3), *zâbun* 'язык', *-un-* — суффикс каузатива (тадж. *-on-*), ср. арг. *kim-un-da* 'уведя' (32)¹⁴.

2. Историческое *a* (совр. перс. *â*//тадж. *a*) отражается как *e* (*â*), *i*, *ə*, *u*, *ā*:

$a > e$: *češ*, *češm* 'глаз', *deryâ*, *deryo* 'река'; *penja* 'пьятерня', *-et* — энкл. мест. 2-го л. ед. ч.¹⁵; особенно часто наблюдается переход $a > e$ в исходе слова: *âwle* 'мозоль' (52; тадж. *obila*), *bače* 'ребенок', 'мальчик' (I, 6)¹⁶; в причастиях прош. вр.: *boride* (55), *gašte* (II, 6), арг. *libide* (34), *munde* (19)¹⁷ и т. д.¹⁸;

$a > i$: *gidaigar* 'джуги' (<*gadā-yi-gar*?), *giždum* 'скорпион' (I, 2; тадж. *každum*, *gaždum*), *kili* 'ключ' (тадж. *ka-lid*)¹⁹, *-iš* — энкл. мест. 3-го л. ед. ч. (*zan-iš* 'его жена', *a las-iš* 'из его руки' и т. д.);

$a > ə$: *səng* 'камень', *zâbun* 'язык', *-əš* — энкл. мест. 3-го л. ед. ч. (*miyasar-əš* 'его темя', 51), *pəlaxmon* 'радуга' (тадж. разг. *palaxmon* 'праща');

Переход $a > u$ наблюдается перед *r*: в формах вин. пад. личн. мест. 1-го л. ед. ч.: *muro*, *m^uro* 'меня' (II, 4), 'мою', 'моего' (32), а также в формах, образованных от основы прош. вр. глагола *kardan* (*kard-*): 1-е л. ед. ч. прош. вр. *ku(r)dum* (14, 43, 52), 2-е л. ед. ч. прош. вр. *kudi* (15), 3-е л.

¹⁴ Ср. характерный для кулябских и дарвазских говоров переход *o* (перед носовыми) $> u$. См. Нем., 7; Роз., Дарв., 201. Отмечен такой переход и в гиссарском (горном) говоре (см. Усп., 13).

¹⁵ Ср. каб. *češm* 'глаз', *dest* 'рука', *penja* '50', *-et* — энкл. мест. 2-го л. ед. ч. (Farhâdi, 16); сужение гласного в слове *čašm* (*čašm* $>$ *čišm*) отмечено также в гиссарском (горном) (Усп., 13—14), дарвазских (Роз., Дарв., 201), варзобском и ряде севернотаджикских говоров (Раст. V, s. v. *чашм*).

¹⁶ Конечное *a* часто сужается ($-a > -ă > -e$) под влиянием последующего изафета: арг. *daba* 'лошадь', но *do-be-yi muro* 'мою лошадь' (32). Это же фонетическое явление отчетливо выступает в общеразговорном таджикском.

¹⁷ Ср. в современном персидском, где исходное *â* регулярно переходит в *e*.

¹⁸ Ср., однако, *navista* (II, 10), *xesta*, *gašta* (II, 14) и др.

¹⁹ Ср. каб. *kili(d)* (Пах., 46), кав., дарв. *kili*; ср. также афг. *kili*.

ед. ч. перф. *kurdaī* (53), прич. прош. вр. *kuda* (I, 5), *mekudegi* (I, 3, 5)²⁰.

Переход *a* (перед айном) $> \bar{a}$ отмечен только в одном случае: *bā* 'затем', 'потом' (II, 7; тадж. *ba'd*).

В позиции перед носовыми (*m*, *n*) $a > u$: *dundun* 'зуб', *mu* ($< man$) 'я' (46), *numazigar* 'вечер' (тадж. *namoz-i digar*, каб. *nomâz*). Переход $a > u$ регулярно проявляется в глагольных окончаниях 1-го л. ед. ч.: *budum* '(я) был' (II, 2), *dârum* 'имею' (12), *na-medonum* 'не знаю' (I, 2), *gudaštum* '(я) переправился (через реку)' (45), *guftum* '(я) сказал' (II, 3, 5, 9), арг. *ṭaīpundum* '(я) бросил' (20), арг. *nuf kunum* 'посплю-ка' (19), *munde šudum* '(я) устал' (19), *na-metonum* 'не могу' (46), *kor mekunum* 'работаю' (I, 6), *kor kurdum* 'работал' (52), арг. *majtundum* '(я) убил' (25), арг. *libidum* '(я) ударил' (26), *pursidum* '(я) спросил' (I, 6), *na-raftum* 'не пошел' (I, 5), *ba-xarum* 'куплю-ка' (II, 1), арг. *yakučidum* '(я) купил' (22)²¹; в глагольной связке 1-го л. ед. ч.: *na jūrum* '(я) нездоров' (47), *xuna-y-um* '(я) дома' (I, 3), *a fʔon-um* '(я) афганец'; в энклитическом местоимении 1-го л. ед. ч.: арг. *babaīnak-um* 'дай мне' (23), арг. *jibit-um* 'моя жена', *peš-um* 'передо мной' (II, 2), *šuar-um* 'мой муж', *xiwar-um* 'моя младшая сестра', *zan-um* 'моя жена' (I, 6), *xud-um* 'я сам' (I, 3, 6) и т. д.²²

3. Исторические $\bar{i}$ (совр. перс. и тадж. *i*) и $\bar{u}$ (совр. перс. и тадж. *u*), как правило, не дают отклонений от основной линии исторического развития. Только в одном случае отмечен переход $\bar{u} > o$: *pol(a)* 'деньги' (36)²³.

4. Историческое *i* (совр. перс. *e*/тадж. *i*) неустойчиво. Отмечаются переходы $i > e$, $i > u$, $i > \bar{a}$:

²⁰ В известных мне работах по таджикско-персидской диалектологии такие формы глагола *kardan*, как кажется, не отмечались. Таким образом, диалект чистони единственный из известных пока таджикско-персидских диалектов, в котором древнее *kṛtā*-отразилось как *ku(r)d*. Ср. н.-перс. *murd* ($< mṛtā$ -), *burd* ($< bṛtā$ -), но *kard* ($< kṛtā$ -).

²¹ Окончание *-am* отмечено лишь в единичных случаях (*mo zadam* 'я ударил', 49) и может объясняться влиянием литературного произношения и окружающих диалектов. Окончание 1-го л. ед. ч. *-um*, по-видимому, широко распространено в различных персидско-таджикских диалектах Афганистана, о чем можно судить, в частности, по текстам, записанным Г. Моргенштерне (см. Morg., Pers., особенно тексты II, V), а также по речи таджикоязычных выходцев из Афганистана в Среднюю Азию (см., например, Ор. I, 66). Л. Н. Дорофеева и Т. Н. Пахалина отмечают окончание *-um* в 1-м лице единственного числа как просторечный вариант окончания *-am* в кабули (Дор., 48; Пах., 55). Ср. хаз. (як.) *-um*, а также гисс. *-um* (Усп., 15), дарв. *-um* (Роз., Дарв., 210), кар. *-am*/|*-am*/|*-um* (Роз., Кар., 6).

²² Ср. гисс. *-um* (Усп., 15). О формах *zan-am* 'моя жена' (I, 1), *dast-am* 'моя рука' (52) см. прим. 21.

²³ Ср. каб. *pol* (Farhâdi, 45).

$i > e$ (в исходе слова и перед h): союз *ke* 'что', 'чтобы' и т. д. (I, 6; II, 2, 4)²⁴, *de-* — основа наст. вр. глагола *do-dan* 'давать'²⁵;

$i > u$: *sutara* 'звезда', *gugurd* 'спички'²⁶;

$i > ə$: *ow-ə dan* 'слюна' (тадж. *ob-i dahan*), *pəlk* 'ресница' (тадж. *pilk* 'веко'), *γəšt* 'кирпич' (тадж. *xišt*).

5. Историческое u (совр. перс. o //тадж. u) также неустойчиво. Отмечаются переходы $u > a$: *ustarun* 'кость' (тадж. *ustuxon*), *dambura* 'домра' (тадж. *dumbura*);

$u > ə$: *kən*, *kə* 'зад';

$u > o$: *sobmardon* 'утро' (тадж. *subh*).

6. Историческое $ē$ (совр. перс. i //тадж. e) отражается в диалекте как неогубленный узкий гласный переднего ряда, сближающийся в зависимости от фонетических условий то с $ī$, то с $e(e)$: *daltz* 'открытая веранда перед домом' (тадж. *dahlez*), *divāl* 'стена', *nis(t)* 'нет', 'не имеется' (I, 1, 3, 5), *hiš'*, *hič* 'никто' (I, 3, 5), *omađem* '(мы) пришли' (II, 14), *gapo zađem* '(мы) говорили' (II, 13); часто наблюдается чередование $i/ē(e)$ ²⁷ в личных окончаниях 1-го л. мн. ч.: *šunudim* '(мы) слышали', *raftim* (II, 7) // *raftem* (II, 11)²⁸, в приставке *me-*: *mi-ayi* 'придешь', 'придешь' (II, 6) // *na-me-fahnum*, *na-me-donum* (I, 2) и т. д.²⁹. В некоторых случаях, особенно перед шипящими, историческое $ē$ редуцируется: *pəš-i*, *p'š-i*, *p'š-i* 'перед' (I, 6; II, 7, 10).

7. Историческое $ō$ (совр. перс. u //тадж. $ū$) отражается как u : *guludard* 'ангина' (тадж. *gulūdard*), *guš* 'ухо', *gušvora* 'серьги', *jaru* 'веник', *ku* 'гора', *kur* 'слепой', *tu* 'волос(ы)'

²⁴ Фонетические причины, обуславливающие расширение i ($i > e/ē$) в безударном исходе слова (союз *ki//ke* произносится в таджикских диалектах как безударная энклитическая частица, акцентуально присоединяющаяся к предыдущему слову: *gūft-ki*), действуют и в других таджикских диалектах, например в кулябских. См. Нем. 15. Отмечается это явление и других иранских языках, например в белуджском. См. Сок 1, 12.

²⁵ Ср. тадж. *deh-//dih-* (лит.), *te-//ti-* (пазг.).

²⁶ В последнем случае переход $i > u$ (*gūgird > gugurd*) может объясняться тенденцией к прогрессивной ассимиляции гласных. Аналогичное явление наблюдается и в некоторых других таджикских диалектах. Ср., например, байс. *muškul* 'трудный' (<*muškil*), *mudur* 'управляющий' (<*mudir*), *pursut* 'спросил' (<*pursid*) и т. д. См. Хамрокулов, 20.

²⁷ О чередовании $i/ē(e)$ в персидско-таджикских диалектах Афганистана см.: Morg., Pers., 310; Ligeti, 149. См. также: Ор., Пар. I, 39; Ор. II, 64; Пах., 146 и прим. 2; об аналогичном чередовании в белуджском см.: Сок., 12—13, в гиждуванском говоре таджикского языка — Мелех, 32.

²⁸ О чередовании $-em//im$ в глагольных окончаниях 1-го л. мн. ч. по таджикским диалектам см. Раст., Опыт, 76.

²⁹ В. С. Расторгуева (Раст., Опыт, 80) отмечает для кишлака Сары-Асия (Сарюсиё) два фонетических варианта — *me-* и *tu-*. На карте (там же, стр. 170) для кишлака Сары-Асия указан только вариант *me-*.

najur 'больной', *ru* 'лицо', 'щека', *ruda* 'кишки', 'желудок', *ruz* 'день' (54; I, 4, 5), *pust* 'кожа' и т. д.³⁰.

В одном случае отмечен переход $\bar{o} > \bar{a}$: *xurâz* 'петух' (тадж. *xurûs*), и в одном случае — $\bar{o} > ou$: *roçtan* 'жир', 'масло' (тадж. *ravçan*).

8. Перед группой согласных или в группе согласных часто возникает эпентетический гласный: *tux^um* 'яйцо' (тадж. *tuxm*), *xal'ta* 'мешок' (тадж. *xalta*), *ispravka* 'справка' (I, 6) и т. д.³¹.

Консонантизм

9. Характерной особенностью консонантизма является падение конечных согласных *b, d, k, m, n, r, t, z*, группы *st*.

10. Падение *-b*: *çu* 'дерево', *jaru* 'веник'.

11. Падение *-d*: *ba, bā* 'потом', 'затем' (II, 3, 7; тадж. *ba'd*), *kili* 'ключ (от замка)'³², *mefahma* 'знает' (I, 2), *navislan* 'записали' (3-е л. мн. ч.; II, 12, 13), *pursidan* 'спросили' (3-е л. мн. ч.; II, 4), *barðrxun* 'названный брат' (43).

12. Падение *-k* отмечается только в числительном *yak* 'один' (I, 1, 3; II, 10)³³.

13. Падение *-m*: *çeř* 'глаз'.

14. Падение *-n*: в указательных местоимениях *i* 'этот', 'эта', 'это' (25, 26, 29, 32, 34, 36), *ami* 'тот самый', 'та самая', 'то самое' (II, 11)³⁴, *u* 'тот', 'та', 'то' (I, 2; тадж. *on*); в личном местоимении 1-го л. ед. ч.: *mu* (46), *ma* (тадж. *man*); *zimisto* 'зима'; иногда падение *-n* сопровождается назализацией предшествующего гласного: *kā* 'зад'.

15. Падение *-r*: *da* — предлог направления, арг. *gal libi-dai gi* 'давай говори!' (21; тадж. ...*gir!*), *tau* 'образ' (II, 2;

³⁰ Переход ист. $\bar{o} > u$ характерен для многих южнотаджикских говоров, в том числе и гиссарских. Осуществился этот переход и в некоторых таджикско-персидских говорах Афганистана, например, в говоре Чорикора (к северу от Кабула). См. Пах., 59. Ср. Farhâdi, 17—18. В заимствованных словах тадж. лит. $\bar{u}(\bar{y})$ также соответствует, как правило, и: *çuška*// тадж. *çučka* 'свинья' и т. д. Звук $\bar{o}$, соответствующий примерно тадж. $\bar{u}(\bar{y})$, зафиксирован в произношении моего диктора только в одном слове: арг. *bôt*//*but* 'большой', 'важный' (см. Список арготических слов).

³¹ Аналогичные явления отмечаются в кабули (см. Farhâdi, 34, 39), в таджикской речи группы парья, а также в рогских (Бог., 162), севернотаджикских (Раст. II, 28; III, 21—22) и байсунском (Хамрокулов, 17—18) диалектах. Протезис гласного перед группой согласных в начале слова — явление общетаджикское.

³² См. прим. 19.

³³ При этом в двух из трех случаев падение *-k* отмечается перед следующими *x*(*ya xud-um*) и *k*(*ya kamtar*), где возможна ассимиляция. Ср. Farhâdi, 32; ср. также шаар. *yak*//*yag*//*ya* 'один'.

³⁴ Ср., однако, *amin* (II, 14). О территории распространения диалектных форм указательных местоимений *i*//*in*, *u*//*un* ($\bar{u}$ // $\bar{un}$), личного местоимения *ma*//*man* см. Раст., Опыт, стр. 61, 67—68.

тадж. *tavr*), *bə-xu* 'есть', *numaziga(r)* 'вечер' (тадж. *namoz-i digar*, ср. ура-тюб. *namozigar*).

16. Падение *-t*: *nis* — отрицательная форма глагола-связки (I, 1, 5), *has* 'есть', 'имеется' (II, 8, 9);

17. Падение *-z*: *a* 'из', 'от', 'через' (41, 45; I, 4, 6; II, 2, 10), *bo* 'еще', 'еще раз' (27; II, 4)³⁵.

18. Падение *-st* отмечается в 3-м л. ед. ч. глагола-связки: *a* (21, 29, 30, 31, 54; I, 6; II, 2; тадж. *ast*).

19. В середине слова отмечается также падение *-d-*, *-r-*, *-y-*.

20. Падение *d* или слогов, содержащих *d* (*-da-*, *-di-*): *barār* 'брат', *barārxun* 'названный брат' (тадж. *barodar*, *barōdarxond*), *numaziga(r)* 'вечер' (тадж. *namoz-i digar*);

21. Падение *r* отмечается в формах, образованных от основы прошедшего времени глагола *kardan* 'делать': 1-е л. ед. ч. прош. вр. *kudum* (14, 43), 2-е л. ед. ч. прош. вр. *kudi* (15), прич. прош. вр. *kuda* (I, 5), *mekudegi* (I, 3, 5)³⁶. В других случаях группа *-rd-*, как кажется, сохраняется: *murdaī* 'умерла' (44).

22. Падение *y* и слогов, содержащих *y*: *gir'a* 'плач' (тадж. *gir'ya*), *gom* 1-е л. ед. ч. аориста от *goyidan* 'совершать половой акт'.

23. Падение *h* отмечается во всех позициях³⁷. В начале слова: *awli* 'двор', *ami* 'тот самый' (II, 2, 11, 14), *ar* 'всякий', 'каждый' (II, 13), *ole* 'еще', 'до сих пор', 'пока что' (27; тадж. *holo*, *holi*); в конце слова или слога: *ku* 'гора', *ra* 'дорога', *siyosulfa* 'коклюш', *daliz* 'коридор', 'открытая веранда перед домом (айван)', *mâtâvi* 'луна', 'лунный свет', *matoz* 'луна'; в середине слова: *xuar* 'младшая сестра', *šuar* 'муж', *sobmardon*, *subimardan* 'утро'; также в суффиксе мн. ч. (тадж. *-ho*): *daraxt-o* 'деревья' (53), *gap-o* 'слова' (II, 13), *in-o* 'они' (II, 13)³⁸; наблюдается также падение слогов, содержащих *h*: *bâr* 'весна' (53; тадж. *bahor*), *dan*

³⁵ О падении конечных согласных в кабули см.: Пах., 52; в таджикской речи группы «афгон» (парья)—И. М. Оранский, *Предварительное сообщение об обнаруженном в Средней Азии индийском диалекте*, — СВ, 1956, № 4, стр. 149—150; в говорах Дарваза и Каратегина — Роз., Кар., 10; Роз., Дарв., 203—205 (§ 12, 13, 17); произношение предлога *az* и наречия *boz* без конечного *z* широко распространено и по северным таджикским говорам. См. Раст. V, s. v. *аз*, *боз*.

³⁶ Ср. параллельные формы с *r*: *kurdum* (52), *kurdaī* (53). Ср. также *mi kor kattiym* 'я работаю' (время?) (46). Падение *r* в середине слова и, в частности, в указанном глаголе отмечается в диалекте кабули (см. Пах., 52), в шаартузском (Саидова, 12) и других таджикских говорах (см., например, Аделунг, 42; Раст., Опыт, 50).

³⁷ О распространении этого явления по таджикским говорам см. Раст., Опыт, 45; в кабули — см. Farhâdi, 18 сл.

³⁸ Показатель мн. ч. *-o* (в позиции после согласного) употребляется во всех таджикских говорах, в том числе и в кабули (Пах., 52).

'рог' (тадж. *dahan, dahon*)³⁹, *tâle* 'до сих пор' (I, 5; тадж. *to holi*, ср. рог., варз. *toli*).

24. Из других фонетических явлений могут быть отмечены:

а) в ряду губно-губных и губно-зубных:

переход поствокального *b > v(w)*: *ow-ə dan* 'слюна' (тадж. *ob-i dahan*), *mâtâvi* 'луна', 'лунный свет' (тадж. *mahtobi, mohtobi*); в абсолютном исходе и в конце слога поствокальное *b* переходит в неслоговое *u*, образуя в сочетании с предыдущим гласным дифтонги *au*, *ou*: *lau* 'губа', *šau* 'ночь' (35), *matoṣ* 'луна' (тадж. *mahtob*), арг. *madoṣ* 'вода' (вторая часть сложения отражает историческое *āb* 'вода') и т. д.⁴⁰. В отдельных словах переход *b > v(w)* наблюдается также в начале слова (*var-*, *war-* — глагольная приставка со значением движения вверх: арг. *var-tup*, *war-tup* 'вставай, подымайся!'; ср. *bu-tup* 'садись!')⁴¹ и в положении после *r* (*nor-von* 'лестница', тадж. *nardbon, norʕon*);

сочетание *av* в конце слова и слога также дифтонгизируется: *tau* 'вид', 'образ' (II, 2; тадж. *tavr*) или переходит в *u*: *šu-* — основа наст. вр. глагола *šudan* 'делаться', 'становиться' (II, 6; тадж. *šav-*), *šuar* 'муж' (тадж. *šavhar*). В глаголе *tavānistān* сочетание *av* выпадает: *na-metonum* 'не могу' (46; тадж. *na-metavonam*)⁴².

Отмечаются также переходы: *-m > -b*: *nabat* 'войлок', 'кошма' (тадж. *namad*); *m > p*: *respon* 'веревка' (тадж. *resmon*)⁴³; *-f > -b*: *labz* 'язык', 'наречие' (II, 10; тадж. *lafz*; ср. каб. *labz*); можно предполагать также наличие перехода *v//w* (после *i*) $\rightarrow$ у. Ср. арг. *varsit-* (осн. прош. вр. глагола 'приходить') и *bi-yors* (2-е л. ед. ч. повел. накл. того же глагола);

б) в ряду переднеязычных:

оглушение конечного *-d*⁴⁴: *umat* 'пришел' (42, 44; тадж. *omad*), *nabat* 'кошма', 'войлок' и т. д. Обратное явление —

³⁹ Ср. каб. *dōn* (Пах., 52), *dān, bār* (Farhâdī, 20—21).

⁴⁰ Ср. параллельные варианты: *šaw* (42), *āwboriš* 'дождь' (<*āb-bā-riš*), *owfuš* 'горячая вода', 'кипяток', *awle* 'мозоль', 'волдырь' (52; тадж. *obilā*). О колебаниях в произношении *-b//v//w* в таджикских говорах см. Зар., Отчет, 355; об отражении исторического *b* в таджикских говорах см. Раст., Опыт, 47—49.

⁴¹ Переход *b > w* во всех позициях (в том числе в начале слова) отмечается в кабули (см. Farhâdī, 23; Пах., 51), в дарвазских (Роз., Дарв., 203), ванджских, каратегинских левобережных (Роз., Кар., 9, 24) диалектах, в диалекте группы «кавол» (Ор. I, 66).

⁴² Выпадение *-av-* в этом глаголе зафиксировано в ряде таджикских диалектов, распространенных на территории СССР (см. Раст., V, s. v. *тавонистан*), а также в кабули (см.: Пах., 58; Farhâdī, 35).

⁴³ Эти же фонетические явления наблюдаются в кабули (ср. каб. *res-pān*; Farhâdī, 14) и в говорах этнографических групп «кавол» и джуги. Ср. также *respon* 'веревка', 'нитка' в ряде севернотаджикских говоров (см.: Раст., Опыт, 150; Раст. V, s. v. *ресмон*).

⁴⁴ О распространении этого явления по таджикским говорам см. Раст., Опыт, 47; частичное оглушение конечных звонких отмечается и в кабули. См. Пах., 52.

озвончение интервокального *t* наблюдается в предлоге *xadi* 'с, вместе' (I, 3, 6; тадж. *katil/qati*);

озвончение конечного *-s*: *xurâz* 'петух' (тадж. *xurûs*)⁴⁵; переход $\delta > s$ в формах, образованных от основы прош. вр. глагола *naviştan* 'писать': *navista*, *navistan* (II, 10, 12, 13)⁴⁶.

Аффриката δ акустически воспринимается в некоторых словах как мягкое δ (δ'): *hiš'* 'никто' (тадж. *heč*).

Специфическим для говора чистони является переход $z > d$: *gudaštam* '(я) переправился (через реку)' (45; тадж. *guzaštam*)⁴⁷.

Сонант $l > n$: *nifan* (*nifar*?) 'рубца сверху шаровар для продевания шнура' (тадж. *lifa*)⁴⁸.

Наращение *-n* к гласному исходу слова: *jaman* 'рубаша', 'рубашка', 'платье' (тадж. *joma*)⁴⁹;

в) в ряду заднеязычных (и увулярных):

$x > \gamma$: *ustaγun* 'кость' (тадж. *ustuxon*)⁵⁰, *γəšt* 'кирпич' (тадж. *xišt*, шаар. *γəšt*);

$\gamma > k$: *kalbil* 'решето' (тадж. *γalber*, *γirbol*);

историческое $x^v \bar{a} > xua$: *xuar* '(младшая) сестра' ($< x^v \bar{a}$ -*har*, совр. тадж. *xohar*);

k (или *q*?)⁵¹ $> x$: послелог *-qati* (II, 11, 14) // предлог *xadi* (I, 3, 6) (тадж. *katil/qati*);

г) в ряду фарингальных: интервокальное $h > y$: *moyi* 'рыба' (тадж. *mohi*)⁵².

⁴⁵ Формы этого слова с конечным звонким *z* зарегистрированы также в некоторых ферганских говорах (см. Раст. V, s. v. *xurûc*).

⁴⁶ Это явление, широко распространенное в таджикской диалектной речи, происходит, по-видимому, под действием аналогии с формами, образованными от основы настоящего времени (*navis-*) этого глагола.

⁴⁷ Указанное произношение этого глагола (с интервокальным *d*) зафиксировано в таджикско-персидских говорах Афганистана (см.: Morg., Pers., 314, L. 7; 315, 1.6 и т. д.; Farhâdi, 24), в таджикской речи группы парья (СЭ, 1956, № 2, стр. 22, прим. 28) и в диалекте этнографической группы «кавол» в Кулябе (Ор. I, 66—67). Ср. также каб. *diq* 'соскучившийся' (Пах., 46; тадж. *ziq*).

⁴⁸ Ср. каб. *nifan/nifa* (Farhâdi, 27).

⁴⁹ Аналогичное явление наблюдается в диалекте кабули. См. Farhâdi, 27.

⁵⁰ Ср. каб. *ostoγân* (Farhâdi, 25).

⁵¹ О слабой дифференциации между звуками *k* и *q* в таджикско-персидских диалектах Афганистана см. Ligeti, 154—155; то же явление отмечается в таджикских говорах группы парья (Ор., пар. I, 140) и группы джуги (Ор. II, 64). Чередование *k/q* в предлоге — послелоге *katil/qati* отмечается и в ряде таджикских говоров Средней Азии — фальгарском (Зар., Отчет, 355), варзобском (Раст. I, 35) и других, а также в кабули (Пах., 53; Farh., § 126g).

⁵² Указанный переход отмечается также в таджикском говоре группы парья (см. СВ, 1956, № 4, стр. 150), в дербентском говоре (см. Хамрокулов, 16), в кабули (*mayi* 'рыба'; см. Farhâdi, 21), горонском (см. А. Н. Болдырев, *Бадахшанский фольклор*, — СВ, V, 1948, стр. 282), дарвазских (Роз., Дарв., 204), каратегинских (Роз., Кар., 8) и некоторых других говорах.

Помимо особенностей в звуковом облике грамматических элементов, вызванных фонетическими явлениями и описанных выше, могут быть отмечены еще следующие:

25. В личных местоимениях: употребление местоимения *то* (тадж. *то* 'мы') в значении личного местоимения 1-го л. ед. ч.: *то najur-um* 'я нездоров' (47), *то zadam* 'я ударил' (49), *то kor mekunum* 'я работаю' (I, 6), *a to pursid* 'спросилу меня' (II, 2), *то guftum* 'я сказал' (II, 3, 5, 9) и т. д.⁵³. Это же местоимение употребляется в значении личного местоимения 1-го л. мн. ч.: *то-ro bə-bar!* 'отвези нас' (II, 10), *то ... navista bə-girem* 'мы ... запишем' (II, 10) и т. д.

26. В энклитических местоимениях:

после слов с исходом на гласный энклитические местоимения выступают в форме: *-m* (1-е л. ед. ч.), *-t* (2-е л. ед. ч.), *-š* (3-е л. ед. ч.) (тадж. *-am*, *-at*, *-aš*): *bābā-m* 'мой отец' (I, 4), *bača-m* 'мой ребенок' (I, 3, 6), *ādi-m* 'моя мать' (I, 5); *bābā-t* 'твой отец' (II, 10); *maza-š nis* 'ему нездоровится' (I, 1). В некоторых случаях эти энклитики принимают на конце *-a*: *či šudagi-ša* 'что с ним случилось'⁵⁴. Как и в некоторых других таджикских диалектах⁵⁵, эти энклитики выступают не только в атрибутивной функции (примеры см. выше), но и в функции прямого и косвенного объекта: *xafa-t mekunum* 'задушу тебя' (48); *peš-um istad* 'остановилась передо мной' (II, 2); *čoj babaɣnak-um* 'дай мне чаю' (23).

27. В глагольных формах:

а) формы повелительного наклонения регулярно принимают префикс *bi-* (*bə-*, *bu-*, *ba-*)⁵⁶: *bə-de* 'дай!' (I, 6), *bə-bar* 'отвези!' (II, 10), *bə-xu* 'еши!'; также при арготических глаголах: *bə-kimon* 'унеси!' (2), *bə-yors* 'иди сюда', 'подойди!' (4), *bə-paru* 'продай!' (8), *bi-yakič* 'купи!' (9), *bu-tup* 'садись!' (7),

⁵³ Об аналогичном употреблении местоимения *то* в таджикской разговорной речи см. Раст., Опыт, 62.

⁵⁴ В. С. Расторгуева (Раст., Опыт, 67) отмечает, что в некоторых таджикских говорах, в частности в дербендском и гиссарских (долинном и горном), «местоименные энклитики, выступая в функции прямого и косвенного объекта, могут принимать на конце *a*, происхождение которого точно не установлено». В приведенном примере эта энклитика имеет скорее атрибутивную функцию. Нарращение *-a* в таких случаях вызывается, как мне кажется, причинами чисто интонационного характера (ритмикой фразы, фразовым ударением и т. п.).

⁵⁵ См. Раст., Опыт, 67, 168 (карта); Пах., 54.

⁵⁶ Аналогичные формы свойственны кабули (Пах., 55), таджикским говорам групп парья (Ор., пар. I, 74) и «кавол» (Ор. I, 67), а также многим южнотаджикским диалектам на территории СССР (см. Раст., Опыт, 79—80, 169 (карта)).

bə-pil 'бегил' (11), *bi-oxol* 'еши!' (10), *bi-yorsu*, *bi-yorso* 'принеси!', (17, 18), *bi-yakuč* 'давай!' (с побудительным значением); (18), *bi-lip* 'удары!', 'стукни!' (27), *ba-gano* 'обворуй' (37). Однако в формах повелительного наклонения приставочных глаголов префикс *bi-(bə-, bu-, ba-)* не употребляется: арг. *war-tup* 'вставай!' (6; ср. *bu-tup* 'садисы')⁵⁷;

б) с этой же приставкой образуются формы аориста: *ba-xarum* 'куплю-ка' (II, 1), *navista bə-girem* 'запишем' (II, 10)⁵⁸; отмечается употребление приставочной формы аориста в функции повелительного наклонения: *bu-pursi* 'спроси!' (57)⁵⁹;

в) в сложных глагольных формах наблюдаются различные типы стяжений:

в перфектных формах 2-е и 3-е л. ед. ч. совпадают: 2-е л. ед. ч.: *andoxtai* '(ты) положил' (15)⁶⁰; 3-е л. ед. ч.: *giždum kanda* (*gazida*) 'скорпион укусил' (58; I, 2), *awle kanda* 'мозоль образовалась' (52), *daraxto gul ku(r)da* 'деревья распустились' (53), *buʔuz šuda* 'забеременела' (50), *murda* 'умерла' (44), арг. *ole na-majtida* 'еще не умер' (27)⁶¹.

В формах продолженных («определенных») времен с вспомогательным глаголом *istodan*: *rexta soda* '(кровь) идет (сейчас, в данный момент)' (41), *awboriš boride soda* 'дождь идет' (55), *umada soda budum* '(я) возвращался' (II, 2)⁶².

НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СИНТАКСИСА

28. Прямое дополнение, выраженное определенным⁶³ именем или местоимением, оформляется послелогам *-a* или

⁵⁷ Не употребляется (по причинам, видимо, эвфонического характера) этот префикс также при формах повелительного наклонения арг. *baba* 'Дай!'. Не исключено, впрочем, что этот префикс (*ba-*) вошел здесь в состав основы настоящего времени (как в тадж. *biyo-*, *biyor-*).

⁵⁸ О распространении этой формы по таджикским говорам см. Раст., Опыт, 79—80, 169 (карта). Эта же форма употребляется в диалекте кабули (Пах., 55).

⁵⁹ Употребление формы 2-го л. ед. ч. аориста (но без приставки *bi-, bə-*) в функции повелительного наклонения отмечается также в дарвазских (Роз., Дарв., 211) и ванджских говорах (Роз., Вандж., 12).

⁶⁰ Аналогичная форма 2-го л. ед. ч. перфекта засвидетельствована в ряде таджикских говоров, в том числе в кулябских, рогских, горонских, частично дарвазских (см. Раст., Опыт, 84).

⁶¹ Аналогичная форма 3-го л. ед. ч. перфекта засвидетельствована в ряде таджикских говоров, в том числе в байсунских, долинном гиссарском, правобережном каратегинском, частично — в дарвазских и кулябских (см. Раст., Опыт, 85).

⁶² Сводку различных типов стяжения см. Раст., Опыт, 88 и сл.

⁶³ То есть известным из контекста, из ситуации, или определенным каким-либо иным образом — при помощи указательного местоимения, местоименной энклитики с атрибутивным значением и т. д.

(в словах с гласным исходом) *-ra (-ro)*⁶⁴: *oš-a roṣṭāni kudi* '(ты) сделал плов (чересчур) жирным' (15), арг. *xasor-aš-a parzal bel* 'отрежь у него (букв. его) карман' (38), *parzal-u ṭaṭpundum* '(я) бросил нож' (20), *qulf-a de* 'сбей замок!' (13), *i monis-a maṭtundum* 'этого человека (я) убил' (25), *i monis-a libidum* 'этого человека (я) ударил' (26); *u-ra duxtur me-fahma* 'это доктор знает' (I, 2), *mo-ro bə-bar* 'отвези нас!' (II, 10), арг. *xalita-ra bi-yorso* 'принеси мешок!' (17), *i-ra na-oxol* 'этого не ешь!' (29) и т. д.

В случае если прямое дополнение выражено именем, обозначающим абстрактное понятие или какое-либо вещество вообще (без конкретизации), послелог может быть опущен: арг. *nos yakučidum* '(я) купил насу (табак)' (22), *čoiḡ babaṭnak-um* 'дай мне чаю' (23). Ср., однако: *maṭ-a bi-yorsu* 'принеси чай!' (16)⁶⁵.

29. Употребление послелога при косвенном дополнении (адресат действия) отмечено только в одном случае: *monis-a čoiḡ babaṭ* 'Дай человеку чаю' (24)⁶⁶.

30. В нескольких случаях наблюдается падение изафета после определяемого слова с исходом на *-a*: *jura ma* 'мой приятель', *bača-ma* 'мой ребенок' (I, 1) и т. д.

31. Если подлежащее выражено именем, которое обозначает неодушевленные предметы во множественном числе, сказуемое может с ним не согласоваться по числу: *daraxto gul ku(r)daṭ* 'деревья зацвели' (53).

32. Обстоятельство места может употребляться без предлога: *zar-um balnica-y-a* 'моя жена в больнице' (I, 6; ср. I, 1).

Лексика

33. В лексике группы чистони отмечаются слова, словосложения и словосочетания, не зафиксированные в таджикском литературном языке и большинстве таджикских диа-

⁶⁴ Оба эти послелога (или, может быть, точнее, обе формы этого послелога) употребляются также во многих таджикских говорах, в том числе в гиссарских, дербендском и кабули. В Сары-Асия отмечен, однако, только послелог *-a*. См. Раст., Опыт, 117, 180 (карта).

⁶⁵ Ср. А. И. Томсон, *Об употреблении частицы ۛ в винительном падеже в персидском языке*, — ДАН-В, 1928, № 11, стр. 227—232 (ср. также слова Б. М. Ляпунова о работе Томсона в «Изв. АН СССР, серия гуманитарных наук» (VII), № 8—10, Л., 1928, стр. 521.; И. К. Овчинникова, *Функции послелога ra ۛ в современном литературном персидском языке*, — ТИЯЗ, т. VI, 1955, стр. 359 сл., 375 и др.

⁶⁶ Употребление послелога *-a(-ra//ro)* в этой функции отмечено также в диалекте группы «кавол» (см. Ор. I, 67) и в ряде других таджикских диалектов (см. Раст., Опыт, 117).

лектов на территории СССР или же зафиксированные в них в других значениях:

aṭnak 'окно'. Ср. ришт., сох. *aṭnak*, *āṭnāk* 'оконное стекло' (Раст. V, 14);

čalik 'палец'. Ср. тадж. обл. *čillik*, дарв. *čilik*, варз. *čilik* (Раст. V, 215);

darvoza 'дверь' (sicl). Ср. каб., кав. *darvoza*, шаар. *darboza*, 'дверь'; *darvoza-yi kalun*, *darvoza-yi katta* 'ворота' (букв. 'большая дверь');

dilband 'печень'. Ср. каб. *dilband* 'осердье', 'ливер';

jâṭ 'подбородок'. Ср. тадж. *joṭ* 'челюсть';

kaldarqoč 'ласточка'.

Ср. тадж. обл. *qaldirqoč*;

miya 'мозг'. Ср. кан., кас., лен., чуст. *miya*, шайд. *meya*, исф. *maṭna* 'мозг', 'ум', 'разум' (заимствование из узбекского. См. Раст., Опыт, 152; Раст. V, 132);

miyasar 'темя' (51) [*<miyān-i sar (?)* или *miya* (s. v.)-*sar*?];

owboriš (*oṭboriš*) 'дождь' (*<āb-bār-iš*);

owjuš 'горячая вода', 'кипяток' (=тадж. *ob-i jūšonda*);

paṣsar: *paṣsar-i kala* 'затылок' (49);

pola 'деньги' (=тадж. *pul*). Ср. каб. *pol* 'деньги' (Farh., 45);

pəlaḫmon 'радуга'. Ср. тадж. *faloḫmon* (уст.), *palaxmon* (разг.), перс. *fālāḫon* 'праща' [развитие значений: «праща»→«лук» (оружие)→«радуга». Ср. тадж. *kamon-i osmon* 'радуга' (букв. 'небесный лук'), *kamon-i rustam* 'радуга' (букв. 'лук Рустам')];

sobmardon, *sub-i mardân* 'утро', 'рассвет' (=тадж. *saharī*) (*<тадж. subh-i...?*);

šast 'большой палец'. Ср. перс. *šāst*, кар. *šast* 'большой палец', тадж. *šast* 'сила', 'тяжесть'. Ср. также рог. *šasti//šāšti* 'мера для измерения молока, равная по длине большому пальцу' (Бог., 164);

šona 'плечо'. Ср. тадж. *šona* 'лопатка' (анат.), перс. *šāne* 'плечо';

tambo 'брюки'. Ср. тадж. *tunbon* (уст.) 'штаны', 'шаровары', перс. *tomban* 'штаны', 'подштанники', панджшир. *təmbon* 'штаны', мад. *tambōn* 'шаровары', дарв. *tambū* 'штаны' (женские), ришт. *tāmon*, *tāhmon*, сох. *tamon*, барт., орош., руш. *tambōn* (Зар., Орошор., s. v.), язг. *təmbun*: ср. также пар. *tambo* 'легкие шаровары';

tayi — предлог с направительным значением (51);

yala 'ясный(-ая) (о погоде)' (54). Ср. тадж. разг. *yala* 'открытый', 'раскрытый';

zardak 'морковь'.

Ср. тадж. обл. *zardak*, кав., пар. *zardak*, дж. (арг.) *zarde*.

Глагол *dodan*, *de-* помимо основного своего значения

(«давать») выступает еще в значении «бить, ударять, сбивать» и т. д.⁶⁷: *qulf-a de* 'сбей замок!' (13; ср. 51)⁶⁸.

Отмечаются также необычные для таджикского фразеологические сочетания: *zamin šur xurd* 'земля затряслась' (56).

Не исключено, что некоторые из приведенных выше слов (например: *aīnak*, *miyasar*, *pola* и др.) употребляются в арготической функции. Однако полной уверенности в этом у меня нет, и в список арготических слов (см. ниже) я их не включаю.

34. Представляют интерес не встречающиеся или редко встречающиеся в таджикском литературном языке и таджикских диалектах термины родства. Ниже следует список терминов родства и свойства, зафиксированных в говоре группы чистони⁶⁹.

Некоторые термины родства и свойства

№ п/п	Степень родства или свойства	Термин		Примечания
		диалектный	арготический	
1	2	3	4	5
1 2	Дед со стороны отца Дед со стороны матери	} <i>babu</i>		Ср. тадж. <i>bobo</i> , дерб. <i>boba</i> , байс. <i>bobo</i> (Пасурхи), каб. <i>bōba</i> (Пах., 52), <i>bābā</i> (Пах., 61), пар. <i>bovo</i> , рог. (Бад-ринг) <i>bobi</i> , см. также: Писарчик, табл.; Раст., V, s.v. <i>bovo</i> .
3 4	Бабка со стороны отца Бабка со стороны матери			
		} <i>bibi</i>		Ср. тадж. <i>bibi</i> , байс. <i>bibi</i> (Пасурхи), рог. (Зарчахо) <i>bābi</i> (Бог., 166), каб. <i>bībī</i> (Пах., 46); см. также: Писарчик, табл.; Раст. V, s. v. <i>биби</i> .

⁶⁷ Ср. бел. *di-* 'бить' (Elf., s. v.), вандж. *deh kardan* 'бить', каб. *dē-* 'бить' (Farhādī, § 140b), ягн. *dēh-*, *dēh-*, мундж. *dē-*, *dā-*, хорезм. *dah-*. Дальнейшие сопоставления см.: МЯ, 141—142; ХЯ, 104; ЯТ, 245—246; Роз., Вандж., 91. Судя по одному примеру из «Шах-намэ», на который уже обратил в свое время внимание А. А. Фрейман (см. ХЯ, 104), глагол *dādan*, *dih-* употреблялся в указанном значении еще во времена Фирдоуси. А. А. Фрейман возводил этот глагол к индо-ир. *dhā-* 'класть', 'ставить', 'устанавливать'. Нельзя ли, однако, возводить его к индо-ир. *dā-* 'давать' и видеть здесь тот же семантический сдвиг, который наблюдается в русском «давать»→«бить»?

⁶⁸ Любопытно, что, употребляясь в этом значении, он не принимает в повелительном наклонении приставку *bā-* (*bi-*, *bu-*). При значении «давать» употребление указанной приставки в повелительном наклонении обязательно: *yagon ispravka bā-de* (I, 6) 'Дай какую-нибудь справку!'

⁶⁹ Сравнительный материал к диалектным терминам (в графе «Примечания») приводится выборочно; сравнительный материал к арготическим терминам родства приводится в списке арготических слов (см. ниже).

1	2	3	4	5
5	Отец	<i>bāba</i> (имя нарицательное и обращение)		Ср. сеист. <i>bāba</i> , байс. <i>bo-bak</i> (Сайроб), вандж. <i>boba</i> ; см. также: Писарчик, табл.
6	Мать	<i>adi, ādi</i> (имя нарицательное и обращение)	<i>maṣəz</i>	Ср. афг. <i>adé</i> (обращение), кав. <i>adi</i> .
7	Сын	<i>bača</i>	<i>kaldā, kālā</i>	Ср. тадж. (разг.) <i>bača</i> 'сын', каб. <i>bača</i> 'сын' (Пах., 45); см. также: Писарчик, табл.; Раст. V, s. v. <i>бача</i> .
8	Дочь		<i>dalxāč</i>	
9 10	Внук (сын сына) Внук (сын дочери)	} <i>nebara</i>		Ср. тадж. <i>nabera</i> ; см. также: Писарчик, табл.; Раст. V, s. v. <i>невара</i> .
11 12	Внучка (дочь сына) Внучка (дочь дочери)	} <i>nebara</i>		См. выше
13	Правнук	<i>čebara</i>		Ср. шахр. <i>čevara</i> (Раст. V, s.v. <i>чевара</i>)
14	Старший брат	<i>lālā, lāla</i>		Ср. вах., ишк. <i>lāl</i> 'старший брат' (обращение) (Писарчик, табл.); пар. <i>lālā</i> 'брат отца'.
15	Младший брат	<i>bərar, baror</i>		Ср. тадж. <i>barodar</i> , пор. <i>biyor</i> , вандж. <i>biyor</i> 'брат', <i>biyorak</i> 'младший брат', кав., панджшир. <i>biyodar</i> ; см. также: Писарчик, табл.
16	Старшая сестра	<i>dādā</i>		
17	Младшая сестра	<i>xuar, xu-war</i>		Ср. тадж. <i>xohar</i> , вандж. <i>xorak, xuwarak</i> , гисс. (гор.) <i>xuar</i> (Усп., 13), каб. <i>xwār</i> (Morg., Pers., 309; Farh., 28), кав. <i>xuwar</i> ; см. также: Писарчик, табл.; Раст. V, s. v. <i>хоҳар</i> .

1	2	3	4	5
18	Дядя со стороны отца	<i>kaka</i>		Ср. афг. <i>kākā</i> , каб. <i>kōkō</i> (Пах., 45), <i>kākā</i> (Farh., 115)
19	Тетка со стороны отца	<i>amma</i>		Ср. тадж. <i>amma</i> . См. также: Писарчик, табл.; Раст. V, s. v. <i>амма</i> .
20	Дядя со стороны матери	<i>mama</i> , <i>kāka</i> (?)		Ср. афг. <i>māmā</i> , каб. <i>māmā</i> , <i>māmā</i> (Farh., 115), пар. <i>māma</i> , <i>тома</i> ; дальнейшие сопоставления: Ор., пар. I, 174.
21	Тетка со стороны матери	<i>xola</i>		Ср. тадж. <i>xola</i> . См. также: Писарчик, табл.; Раст. V, s. v. <i>хола</i> .
22 23	Племянник Племянница	<i>jiyan</i>		Ср. тадж. <i>jiyan</i> , пар. <i>jiyan</i> , хаз. <i>jea</i> ; см. также: Раст. V, s. v. <i>чийян</i> .
24 25	Двоюродный брат Двоюродная сестра	<i>bola</i>		Ср. шахр. <i>būla</i> (Раст. V, 60), шаар. <i>dubūlo</i> .
26	Муж	<i>šuar</i>	<i>mak</i>	Ср. тадж. <i>šavhar</i> .
27	Жена	<i>zan</i>	<i>jibit</i>	Ср. тадж. <i>zan</i> .
28	Отец жены	<i>xusur</i>		Ср. тадж., кав. <i>xusur</i> , каб. <i>xosor</i> (Farh., 115), кул. <i>xəsar</i> и т. д.
29	Мать жены	<i>xušu</i>		Ср. афг. <i>xwāšē</i> , каб. <i>xušū</i> (Morg., Pers., 310), <i>xošu</i> (Farh., 116); дальнейшие сопоставления: Ор., I, 75—76.
30	Муж дочери	<i>dumād</i>		Ср. тадж. <i>domod</i> . Ср. № 38; см. также: Раст. V, s. v. <i>домод</i> .
31	Брат мужа	<i>evār</i>		Ср. вандж., дарв., кав. <i>evār</i> , рог. <i>ewar</i> , каб. <i>(h)evār</i> (Morg., Report I, 9); дальнейшие сопоставления: Ор. I, 72; Ор., пар., I, 178.
32	Сестра мужа	<i>nanu</i>		Ср. каб. <i>nanū</i> (Morg., Report I, 9), кав. <i>nanu</i> ; дальнейшие сопоставления: Ор. I, 73.
33	Брат жены	<i>xusurbu- ra</i>		Ср. каб. <i>xusurberā</i> (Morg., Pers., 309—310), кав. <i>xusurburda</i> , кул. <i>xəsərburda</i> ;

1	2	3	4	5
34	Сестра жены (старшая и младшая)	<i>xušluča</i>		
35	Жена старшего брата	<i>yanga</i>		Ср. тадж. <i>yanga</i> 'жена брата'. Ср. № 39—40; см. также: Раст. V, s.v. <i>уанга</i> .
36	Жена младшего брата	<i>kelin</i>		Ср. тадж. <i>kelin</i> 'невестка', 'молодуха', пар. <i>kelin</i> 'жена младшего брата'; см. также: Раст. V, s.v. <i>келин</i> , <i>келинби</i> и т. д.
37	Муж старшей сестры	<i>yazna</i>		Ср. тадж. <i>yazna</i> , каб. <i>yāz-na</i> , хаз. <i>(i)ezna</i> 'муж сестры'.
38	Муж младшей сестры	<i>dumad</i>		Ср. № 30.
39	Жена дяди со стороны отца			
40	Жена дяди со стороны матери	<i>yanga</i>		Ср. № 35
41	Муж тетки со стороны отца			
42	Муж тетки со стороны матери	<i>yazna</i>		Ср. № 37. Ср. пар. <i>yazna</i> 'муж сестры отца'.
43	Сваты (родители супругов по отношению друг к другу)	<i>kudā</i>		Ср. тадж. <i>qudo</i> , пар. <i>quda</i> , <i>kuda</i> , хаз. <i>qudaʁu</i> ; см. также: Раст. V, s.v. <i>қудо</i> .
44	Свояки (мужья сестер по отношению друг к другу)	<i>boʃa</i>		Тадж. <i>boʃa</i> , каб. <i>bāʃa</i> , <i>bā-ʃa</i> , хаз. <i>bāʃa</i> , пар. <i>boʃa</i> , <i>baʃo</i> ; см. также: Раст. V, s.v. <i>боџа</i> .
45	Жены братьев по отношению друг к другу	<i>xušlu-ča</i> (?)		Ср. № 34.
46	Жены многоженца по отношению друг к другу	<i>ambāʔ</i>		Ср. перс. <i>انباغ</i> , каб. <i>am-bāq</i> <i>ambāʔ</i> (Farh., 25).
47	Отчим	<i>taʔo, aka</i> (в обоих случаях обращение)		

1	2	3	4	5
48	Мачеха	<i>adi ugał</i> (обраще- ние: <i>adi</i>)		Ср. № 6; тадж. <i>uğał</i> 'не- родной' (по крови).
49	Побратим, назва- ный брат	<i>bar.ʕrxun</i>		Ср. тадж. <i>barodaxond</i> .

ТЕКСТЫ

Разговорные фразы ⁷⁰

1. *monis varsit* '(Чужой) человек пришел'.
2. *bə-kimon* 'Унеси!'.
3. *qimat, ne-yakuč!* 'Дорого, не бери (не покупай)!'
4. *bə-yors* 'Иди сюда!' (= тадж. *bīya*).
5. *babaɣ* 'Дай!'.
6. *war-tup (var-tup)* 'Вставай!'.
7. *bu-tup (bə-tup)* 'Садись!'.
8. *bə-paru* 'Продай!'.
9. *bi-yakuč* 'Купи!'.
10. *bi-oxol* 'Ешь!'.
11. *bə-pil* 'Беги!'.
12. *du ta kāl̄da dārum* 'У меня два сына'.
13. *qulf-a de* 'Сбей замок!'.
14. *parzal-a pati(k) kudum* '(Я) спрятал нож'.
15. *čarbəšon-a xele andoxtaɣ, oš-a roɣani kudi* '(Ты, видно,) положил очень (слишком) много жира, сделал плов (чересчур) жирным'.
16. *taɣ-a bi-yorsu* 'Принеси чаю!'.
17. *xalita-ra bi-yorso* 'Принеси мешок!'.
18. *bi-yakuč, bə-kim* 'Давай уходи (беги)!'
19. *munde šudum, ya kamtar nuf kunum* 'Устал, полежу-ка (посплю-ка) немного'.
20. *parzal-a ɣaɣrundum* '(Я) бросил нож'.
21. *in monis-i xub-a, gal libidaɣ gi* 'Эго человек хороший, давай говори!' (= тадж. *gap zadan gir!*).
22. *nos yakučidum* 'Я купил насу' ⁷¹.
23. *čoj babaɣnak-um* 'Дай мне чаю!'.

⁷⁰ Фразы №№ 1—42 (за вычетом № 13 и, возможно, № 40) включают в себя арготическую лексику. Некоторые из этих арготических фраз представляют переводы с таджикского языка, сделанные по просьбе автора, и носят, соответственно, несколько искусственный характер.

⁷¹ Нас (тадж.) — местная разновидность жевательного табака.

24. *monis-a čoḡ babāḡ* 'Дай чаю этому (чужому) человеку'.
25. *i monis-a maḡtundum* 'Этого (чужого) человека (я) убил'.
26. *i monis-a libidum* 'Этого (чужого) человека (я) ударил'.
27. *ole na-maḡtidaḡ, bo bi-lip* 'Еще не умер, дай (стукни) еще!'
28. *bə-kim* 'Уходи!'
29. *i-ra na-oxol, namuto-y-a* 'Не ешь этого, (это)—вредное (плохое)'.
30. *monis-i namuta-y-a* '(Это)—вредный (плохой) человек'.
31. *monis-i but-a* '(Это)—человек важный (большой)'.
32. *i dobe-y-i muro ganavida kimunda bud* 'Он украл мою лошадь'.
33. *či menḡri* 'Что делаешь (сейчас)?'.
34. *i monis ma-ro libide bud* 'Этот (чужой) человек побил меня'.
35. *šaḡ šud, mekimem* 'Ночь наступила, пошли!'
36. *i monis xelo pol-a dorad* 'Этот (чужой) человек имеет много денег'.
37. *xasor-aš-a bagano (ba-gano?)* 'Залезь к нему в карман (очисти его карман)!'
38. *xasor-aš-a parzal bel* 'Отрежь у него карман!'
39. *na-dal* 'Не бойся!' (= тадж. *na-tars!*).
40. *meḡaḡora* 'Отжимает (одежду)'.
41. *a lās-iš xun rextasodaḡ* 'У него из руки идет (льется) кровь (сейчас)'.
42. *nisf-i šaw ganav varsit (umat)* 'В полночь пришел вор'.
43. *barḡrxun kudum* '(Я с ним) побратался'.
44. *zan-iš murdaḡ* 'Его жена умерла'.
45. *a deryo gudaštum* '(Я) переправился через реку'.
46. *mu kor katiyum, rafta na-metonum* 'Я работаю (?), не могу пойти'.
47. *mo naḡjur-um* 'Я нездоров'.
48. *xafa-t mekunum* 'Задущу тебя'.
49. *mo zadam paḡsar-i kala-š* 'Я стукнул его по затылку'.
50. *buḡuz šudaḡ* '(Она) забеременела'.
51. *tayi miyasar-aš de* 'Дай ему (ударь его) по темени'.
52. *xele kor kurdum, aḡle kandaḡ dast-am* '(Я) много работал, на руке у меня образовалась (?) мозоль'.
53. *bār šud, daraxto gul ku(r)daḡ* 'Наступило лето (весна), деревья зацвели'.
54. *ruz yala-y-a* 'День ясный'.
55. *aḡboriḡ boridesodaḡ* 'Идет дождь (сейчас)'.
56. *zamin šur xurd* 'Земля затряслась'.
57. *bu-pursi* 'Спроси!'
58. *gazidaḡ* 'Укусил' (скорпион).

I

(1) *zan-am balnica-ba, ya bača-ma maza-š nis.* (2) *či šudagi-ša na-mefahmum — yo giždum kandaļ, yo na-boša namedonum či šudaļ, u-ra duxtur mefahma.* (3) *ya xud-um xadi bača-m xuna-y-um, saļ mekudegi hiš' kas nist.* (4) *bā-bā-m Sarā-asiya, du ruz a kār mundum a xatəri bača.* (5) *ādi-m nis, hič kas saļ mekudegi nis, du ruz tāle ba kar na-raftum, pragul kuda gaštum.* (6) *a duxtur pursidum yagon ispravka bə-de, ke mo kor mekunum, zan-um xadi bača-m balnica-y-a, yake bače pəš-i xud-um-a.*

Перевод

(1) Моя жена в больнице: один мой ребенок болен. (2) Не пойму, что с ним случилось: то ли скорпион ужалил, то ли еще что; не знаю, что случилось, это доктор знает. (3) (Я) один дома с (другим) моим ребенком, никого нет, (чтобы) присмотреть (за ним). (4) Мой отец в Сары-Асия, (а я уже) два дня не выходил из-за ребенка на работу. (5) Матери у меня нет, никого нет, (чтобы) присмотреть (за ребенком), вот уже два дня не ходил на работу, сделал прогул. (6) (Я) просил у доктора, дай, мол, какую-нибудь справку (освобождение от работы), потому что я работаю, жена моя с ребенком в больнице, (а) другой ребенок со мной.

II

(1) *badar šudum nos ba-xarum gufta.* (2) *umada soda budum, ami taç umada soda budum, ke mašin volga umada peš-um istad, a mo pursid ke raļkom kuja-y-a.* (3) *ba mo guftum: haļla unji.* (4) *bo m^uro pursidan ke či xel xalq-i?* (5) *mo guftum ke afyon-um.* (6) — *savor šu, darav gašte mi-ayi.* (7) *bā raftim p'š-i zamestitel.* (8) *ba unjo gašta mo-ro pursid: bābā has-mi?* (9) *mo guftum: o, has* (10) *mo-ro bə-bar p'š-i bābā-t, mo ya kamtar a labz-i šumo navista bə-girem.* (11) *ami-qati raftem.* (12) *xona-yi bābā-m navistan.* (13) *ar xel gapo zadem, ino navistan.* (14) *ba amin-qati gašta xesta omadem.*

Перевод

(1) Пошел я на базар(?)⁷², думая купить (букв. 'куплю-ка') насу (жевательного табаку). (2) Возвращался (с базара), так

⁷² В тексте: *badar šudum*. Предложенный перевод возможен, если допустить наличие в этом слове перебоя *d//z* (см. выше). Возможен, однако, и другой перевод: 'Вышел я наружу (из дому)'.

вот возвращался, как (вдруг) подошла машина «Волга», остановилась передо мной, (и кто-то) у меня спросил, где, мол, райком. (3) Потом я ответил: «Вон там». (4) Еще меня спросили: «Ты какой национальности?» (5) Я сказал, что «афганец». (6) (Они сказали:) «Садись (в машину), сейчас вернешься». (7) Потом поехали к заместителю (председателя райисполкома). (8) Съездив туда, (пассажир «Волги») спросил у меня: «Отец (у тебя) есть?» (9) Я сказал: «Да, есть». (10) «Отвези нас к твоему отцу, мы кое-что (букв. немножко) запишем из вашего языка». (11) С тем (и) поехали. (12) В доме моего отца записывали. (13) (Мы) всякие слова говорили, (а) они записывали. (14) С тем и вернулись.

Список арготических слов

akur 'русский'.

babaj-, babaĭ-, babajnak- 'давать' (осн. наст. вр.). 2 sg. imp. *babaj* (5), *babaĭ* (24), *babajnak* (23).

babaĭ- — см. *babaj-*.

babajnak- — см. *babaj-*.

bagal 'баран', 'овца' (=тадж. *gûsfand*). Ср. перс.-цыг. *bagal* (Ив. II, 286).

baĭlar 'одноглазый'.

bâkâr, bokor 'базар'. Ср. перс.-цыг. *bokôr* (Ив. II, 286).

bak²ri 'козел', 'коза' (=тадж. *buz*). Ср. хинди *bakrî* 'коза', *bakrâ* 'козел', бал. *bakri, bakrò*, пар. *bak²ri, bak²ro*. К др.-инд. *bârkara-*.

bel-: *parzal bel-* 'отрезать', 'вырезать' (осн. наст. вр.). 2 sg. imp. *parzal bel* (38).

bokor — см. *bâkâr*.

bôt, but 'большой', 'важный' (о человеке) (31): *monis-i but* — 'большой (важный) человек (из чужих)'. Ср. хинди *bahut* 'очень', 'многий', пандж. *bahu, bahut(a)*, ла. *bahū*, гудж. *bahu, bahut*, мар. *bahut*, синд. *bahū*, бал. *bahu, baghu* 'очень', пар. *bôt, bôt* 'много', 'очень', люли *buxûb*, дж. *buhup, buho, buhu(m?)*, абд., арабча *buhup*, перс.-цыг. *bahôt, bahût*, цыг.-арм. *buhu*, цыг.-евр. *buhu, but*, цыг.-укр. *but* (бумъ). К др.-инд. *bahutva-*.

but см. *bôt*.

čaġor- 'отжимать (одежду)' (осн. наст. вр.). 3 sg.praes. *me-čaġora* (40).

čandowəl 'милиционер', 'милиция'.

čarbəšo, čarbəšon 'жир', 'масло', 'сало' (15) (=тадж. *равшан*). Ср. кав. (арг.) *čarpiki*, тадж., афг., хинди *čarb* 'жирный', 'сальный'. К чередованию *čarbəšo||čarbəšon* ср. характерное для кабули наращение конечного *n* (Farh., § 50).

- čosta, čošta* 'посуда' [чашки суповые (=тадж. *kosa*), блюда, пиалушки]. Ср. бал. *čatu*, люли *čattə, čatty* 'чашка', 'деревянное блюдо', дж. *čatti* 'тарелка', 'блюдо', абд., арабча *čatti*.
- čumari* 'курица' (=тадж. *murγ*). Ср. перс.-цыг. *čamori, čemuri* (Ив. II, 286).
- čuri* 'браслет'. Ср. афг. *čuri*.
- daba, dobe* 'лошадь' (32). Ср. люли *dova*, дж. *dova, dovə* 'лошадь', абд. *dova*, арабча *dova, dovə*. Ср. тур. *dağ* 'зебра', *davar* 'овца', 'скот', *deve* 'верблюд', тал. *da-va*, тат. *dāvā* 'верблюд' [<араб. دابة (верховое) животное', ср. бух.-араб. *dābba* 'конь'].
- dal-* 'бояться' (осн. наст. вр.). 2 sg. imp. *na-dal* 'не бойся!' (39). Ср. дж. *dahl-*; ср. также перс.-дерв. *midella (midella)* 'он боится'. Ср. также пар. *dar-*, хинди *ḍarnā* 'бояться'(?).
- dali, dāli* 'котел' (=тадж. *deg*).
- dalxâč* 'девушка', 'девочка', 'дочь' (=тадж. *duxtar*). Ср. люли *dalxoč*, дж. *dalxoĵ, dalxoš, dalxoč*, кав. *dalxoĵ, dalxoš*, абд. *dalxoč, dalxoĵ*, арабча *dalxoĵ*, перс.-дерв. *duxlôĵ* (Ром., 142), *dukhloĵ* (Ив. IV, 244), перс.-цыг. *duxlāĵ, duxloč*.
- danawak* 'женщина'. Ср. сас. *دنه* 'жена', 'женщина' (دَن), люли *danām*, дж. *danam*, кав. (арг.) *danap*, перс.-дерв. *danew, denew, deneb*, перс.-цыг. *danew, denew*, абд. *dana, danam, danap, danax*, арабча *danap*, аВТ. *dinab*. Ср. также в тексте (на полях) одной из рукописей «Лугат-и фурс»: *دنه—نام زنستان بزبان آسیان dana* — название женщины на языке Асияна (или Асиянов) (название местности или племени). См. Капр., 87—88. К этой же местности (или племени) относит слово *دنه* словарь Хафиза Обехи. См. Арендс, 103.
- dela* 'дом'. Ср. сас. *دله* 'дом' (خانه), люли *dilā* 'палатка', 'жилище', дж. *dela*, абд., арабча *dela, dila*. Сем. (?). Ср. араб.-евр. *dīrā, dīrah* 'жилище', 'дом'.
- dobe* см. *daba*.
- dudaĵ* 'хлеб' (=тадж. *non*). Ср. афг. *ḍoḍəi*, кав. *dodi*.
- gadar* 'осел', 'ишак' (=тадж. *xar*). Ср. скр. *gardabhāḥ*, хинди *gadhā*, люли *ghādar*, дж. *gadar*, перс.-цыг. *gerā*, арабча *gadar*.
- gal* 'слово', 'речь' (=тадж. *gap*), *gal lip- (lib-)*: *gal libid-* 'говорить', 'разговаривать' (=тадж. *gap zadan*); *gal libidaĵ gi* 'давай, говори!' (=тадж. *gap zadan giri*). Ср. пандж., ла. *gall* (к др.-инд. *garhā-* и т. д. См. Turp., s. v.).
- ganav, ganaw* 'вор' (42). Ср. сас. *گناو* 'вор' (دزد), дж. *gi-nop*, кав. *giноц*, абд. *genoц, ginoц* 'разбойник', арабча

- ginop*, *ginoy*, перс.-цыг. *genāw*, *genew* (<др.-евр. *gannāw* 'вор').
- gano-* 'воровать', 'залезать (в карман)' (осн. наст. вр.). 2 sg. imp. *ba-gano* (37); part. praet. *ganavida*: *ganavida kī-munda bud* 'украл' (букв. 'украва, увел') (32). Ср. *ganav*.
- gi:laiggar* — представитель этнографической группы джуги (<тадж. **gadoyi-gar?*).
- gulak* 'лошадь'. Ср. бал. *gurā*, *gola*, кав. (арг.) *gora*, перс.-цыг. *gōrō*, хинди *ghorā*, пар. *kurro*, *korro* 'конь'.
- gurgon* 'penis' [<тадж. *gurg* 'волк' (?)].
- ḡaipund-* 'бросать' (осн. прош. вр.). I sg. praet. *ḡaipundum* (20).
- ḡama* 'мука' (=тадж. *ord*). Ср. сас. *قما* 'мука' (اړد), дж. *kahm*, *qām*, арабча *qamo*. Сем. См. Ges. s. v. *qmh*.
- ḡinaj* — разновидность кирпича (?).
- jada*, *joda* 'баран', 'овца' (=тадж. *gūsfand*).
- jibit* 'жена'. Ср. перс.-цыг. *jewī(t)*, *jewīd* (Ив. II, 287).
- jeda* — см. *jada*.
- kolda*, *kālda* 'сын' (12), 'мальчик'.
- kalpuk* 'собака'. Ср. сас. *كلب* 'собака' (سك), люли, дж., кав. *kalpak*, абд. *kalpak* 'собака, свинья', арабча *kalpak*, *kam-nik*, перс.-дерв. *kalpik*, перс.-цыг. *kalpik*. Сем. см. Ges., s. v. *klb*.
- kaluri*, *kalūri*: 1) 'голова'; *tag-i kaluri memondagi* 'подушка' (букв. 'то, что кладется под голову'); 2) 'тубетейка'. Ср. тадж. *kalla* 'голова'.
- katunā* 'одежда' (всякая). Сем. См. Ges., s. v. *ktnt*.
- kim-* 'идти', 'уходить', 'убегать' (осн. наст. вр.). 2 sg. imp. *bə-kim*; *bi-yakus*, *bə-kim* 'давай, беги!' (18); 1 pl. praes. *mekimem* (35). Ср. сас. *برکیم* 'встань!' (برخیز), люли *ma kimistum* 'я ехал', дж. *kim-*: *kimist-(kemist-)*, кав. *kim*, арабча *bar kim* ('выйди!'), перс.-цыг. *kimit*, *kimīden* 'он ушел', (*be-*)*kimi* 'иди!' (Ив. II, 287). Сем. (?). См. Ges., s. v. *qwm/*qym*.
- kimon-* 'уносить', 'увозить', 'отвозить' (осн. наст. вр.; по образованию каузатив к *kim-*). 2 sg. imp. *bə-kimon* (2); part. praet. *kimunda* (32). Ср. дж., кав. *kimon-*, перс.-цыг. (*be-*) *kimon* 'уведи!' (Ив. II, 287).
- kolmaq* 'локоть'. К узб. *qol* 'рука'(?).
- kutum* 'зерно', 'зерновые' (=тадж. *ḡalla*).
- lās*, *los* 'рука' (41). Ср. афг. *lās*, кав. (арг.) *los*.
- lib-(lip-)*: *libid-* 'бить', 'ударять'. 2 sg. imp. *bi-lip* (27); 1 sg. praet. *libidum* (26); 3 sg. plusquamperf. *libide bud* (34); inf. *libidaī* (27).
- loft* 'ватное стеганое одеяло' (=тадж. *kūrpa*). Ср. бад. *lēf*, пар. *lef* (<перс. *lehāf*//тадж. *lihof*, хинди *lihāf* ?).
- los* — см. *lās*.
- madaḡ*, *madow* 'вода' (=тадж. *ob*). Ср. люли *mayob* ('вода',

'вино'), дж. *mayob* ('вода', 'чай'), среднеаз.-евр. *mauo* ('вино') (НСАК, II, 622), абд. *mayob* ('вода', 'вино'), арабча *mayob* ('вода', 'вино', 'чай', 'река'), перс.-дерв. *moi* 'вода'. Сем. См. Ges., s. v. **my*.

madow — см. *madau*.

maṇandi 'кобыла' (=тадж. *baṭal*).

maṭəz 'мать'. Ср. дж. *motəz*, *monəz*.

maḵ, *moḵ*, 'чай' (16). Ср. тадж. *maḵ* 'вино'(?). См. также s. v. *madau*.

maḵdela 'чайхана'.

maḵtid- 'умирать' (осн. прош. вр.). 3 sg. perf. *na-maḵtidaḵ* (27).

Ср. сас. میت 'мертвый' (مرده), дж. *metiš-*, кав. *mečit-*, абд. *met* ('смерть', 'покойник'), арабча *metidan*, *metetan* ('умирать своей смертью'), перс.-цыг. *meytī(den)*. Сем. См. Ges., s. v. *mwt*, *mēt*.

maḵtund- 'убивать' (осн. прош. вр. По образованию — каузатив к предыдущему глаголу). 1 sg. praet. *maḵtundum* (25).

maḵ 'муж'. Ср. дж. *maḵ*.

mas(s)ə 'мясо' (=тадж. *gūšt*). Ср. др.-инд. *māmsām*, хинди *mās*, цыг.-евр. *mas*, перс.-цыг. *masi*, *masir/masil* (Ив. II, 288).

moḵ — см. *maḵ*.

monis, *monisak* 'чужой человек', 'чужак'; 'человек, не принадлежащий к данной группе' (1, 21, 24, 25, 26, 30, 31, 34, 36). Ср. тадж. *mūnīs* 'товарищ', 'интимный друг', 'утешитель', перс.-цыг. *monis* 'муж', 'мужчина' (Ив. II, 288).

monisak — см. *monis*.

murčak 'красный стручковый перец' (=тадж. *qalamfur*). Ср. тадж. *murč* 'черный перец'.

namuta, *namuto* 'плохой', 'вредный' (29, 30).

nār- 'делать' (осн. наст. вр.). 2 sg. praes. *menāri* (33).

nuf 'сон', *nuf kun-* 'лежать', 'спать' (осн. наст. вр.). 1 sg. аог. *nuf kunum* (19). Ср. дж. *nuf-*: *nufiy-* (*nufid-*), абд. *nup(la)moq*, арабча *nupidan*, перс.-цыг. *denūf* (<*dar-nūf*), *nif/nuf* 'сон' (Ив. II, 288), кав. *num*, *nun*.

nuruki 'глаз' (=тадж. *čašm*). Ср. сас. نهور 'глаз' (چشم), люли *nughur*, дж. *nuhur*, *nuhūr*, арабча, перс.-дерв., перс.-цыг. *nuhu(r)*. Ср. также совр. перс. *nohur* 'глаз'. В некоторых таджикских диалектах слово *nuhur* употребляется в значении «сила зрения, зрение» (<араб.-перс. نور 'свет'?). Ср.: *eu*, *juraJon*, *pir šudem*, *nuhur-i čašm-am na-mondaḵ* 'Эх, друг, состарился я, не вижу (плохо вижу)' (дерб.; запись автора). Возможно, в силу поляризации значений отсюда в некоторых арго развилось второе значение слова *nuhur* — 'слепой' (дж., абд., арабча).

oxol- 'есть', 'кушать' (осн. наст. вр.). 2 sg. imp. *bi-oxol* (10).

- na-oxol* (29). Ср. сас. *بيخال* 'ешы' (*بخور*), люли *ochòl*, дж. *oxol* : *oxolid*-, абд. *axlamoq* (*aqlamoq*), арабча *oxolidan*, перс.-цыг. *okyöl(iden)*. Восходит к одной из форм семитического корня *אכל* 'есть', 'кушать'. Возведение к инд. корню (Вильк., 451) неудачно.
- paru*- 'продавать' (осн. наст. вр.). 2 sg. imp. *bə-paru* (8). Ср. дж. *pahron*- : *pahrond*-.
- parzal* 'нож' (14, 20); *parzal bel*- 'отрезать', 'вырезать' (осн. наст. вр.). 2 sg. imp. *parzal bel* (38). Сем. См. Ges., s. v. *brzl*.
- pati(k)* 'скрытый', 'спрятанный'; *pati(k) kud*- 'прятать' (осн. пр. вр.). 1 sg. praet. *pati(k) kudum* (14).
- perefti* 'ватный стеганный халат' (=тадж. *çapon*).
- pil*- 'бежать', 'убегать' (осн. наст. вр.). 2 sg. imp. *bə-pil* (11). Ср. дж. *pileb*-, кав. *pil*-, арабча *piliwidan* 'бежать'. Ср. также абд., арабча *pilep* (*kuluk*) 'скаковая лошадь'.
- pinak* 'лоб' (=тадж. *pešona*).
- pirvat* 'старик', 'старуха' (<тадж. *pir* 'старый', 'старик').
- pūp* 'легкие'. Ср. хинди *phephrā*, пандж. *phipphrā* и т. д. К др.-инд. *phupphusa*- (Turn., s. v.).
- rez'm* 'рис' (=тадж. *birinj*). Ср. дж., сог. *rez*, абд. *aris*, *aristugi*, перс.-цыг. *razūm* (Ив. II, 288), цыг.-тур. *rizos*, цыг.-егип. *ruz* (<араб. *أرز* 'рис'?).
- sala* 'vulva'. Ср. в одном из списков словаря «Луғат-и фурс»: *سورخ بود درهر چیزى* с толкованием: *سورخ*. Толкование подкреплено примером из стихов непристойного содержания. В. А. Капранов рассматривает это слово как разговорно-диалектальную форму — фонетически измененный вариант литературной *سورخ* (Капр., 91).
- sula* 'penis'. Ср. кав. *sule*, *s'le* (<др.-инд. *śūla*- 'острый кол'?).
- šildayī* 'сласти', 'сладости'. Ср. дж. *šatoyī*, *šahtohi*, *šahtoyī* 'кусковой сахар'.
- tup*- 'садиться' (осн. наст. вр.). 2 sg. imp. *bu-tup*, *bə-tup* (7). Ср. *wartup* (*vartup*). Ср. перс.-цыг. *tup*-, *tub*- (Ив. II, 289).
- turun(k)* 'корова', 'бык', 'теленки'.
- ura* 'vulva'.
- urababajna* 'проститутка' (*ura-babaj-na*).
- varsit*- 'приходить' (осн. прош. вр.). 3 sg. praet. *varsit* (1, 42). Ср. дж. *vars*-(*wars*-): *varsit*-(*warsit*-), перс.-цыг. *wars*-, *wurs*- (Ив. II, 289). Ср. *yors*- (s. v.).
- vartup*-(*wartup*-) 'вставать', 'подниматься' (осн. наст. вр.). 2 sg. imp. *vartup*, *wartup* (6). [*var*-(*war*-)*tup*? Ср. *tup*-].
- xasor* 'карман' (37, 38).
- xašpək* 'дерево' (как материал), 'деревяшка', 'доска', 'палка'. Ср. дж. *xašvak* 'палка', 'дрова', абд. *hašpak* 'му-

зыкальный инструмент', 'дрова', арабча *hašwag* (<араб. خشب 'лес', 'дерево'). Сюда же перс.-цыг. *xušpak* (Ив. II, 287).

xatake 'дыня'. Ср. афг. *xatākaj*, кав. (агр.) *xətəké*, *xatakaj*, *yakuč*:- *yakučid*- 1) 'братъ', 'покупать'. 2 sg. imp. *bi-yakuč* (9), *ne-yakuc* (3), 1 sg. praet. *yakučidum* (22); 2) глагол с по- нудительным значением: *bi-yakuč*, *bə-kim* 'давай, уходи (беги)!' (18).

yors- 'приходить' (осн. наст. вр.). 2 sg. imp. *bə-yors* (4) (=тадж. *biyo*). Ср. *varsit*- (*bə-vars*>*bi-yors*?).

yorso-(*yorsu*-) 'приносить' (осн. наст. вр.). 2 sg. imp. *bi-yorso* (17), *bi-yorsu* (16). По образованию—каузатив к преды- дущему глаголу с суффиксом *-ān*(>*-un*), утратившим конечный *-n* (см. выше, § 14). Ср. дж. *varson*- (*warson*-); *varsond*-(*warsond*-).

yorsu — см. *yorso*-.

ziṭil, *zəṭil* 'водка' (=тадж. *araq*).

zəṭil — см. *ziṭil*.

Addenda

Молодой таджикский диалектолог, сотрудник Института языка и литературы АН Таджикской ССР М. Махмудов, со- провождавший меня в поездках по Гиссарской долине, по- святил некоторым особенностям таджикских говоров «аф- гонов» этого района (в том числе говору чистони) доклад на конференции молодых ученых АН Таджикской ССР. Тезисы доклада (на тадж. языке) опубликованы в только что вы- шедшей в свет книге: «Тезисҳои маърузаҳо дар Конферен- сияи илми олимони ҷавон», Душанбе, 1966, стр. 111—112 (год издания на титульном листе указан ошибочно: согласно выходным данным, «Тезисы» подписаны к печати 15.III.1967).

СОКРАЩЕНИЯ

Языки, диалекты, арго

абд.— абдолтили — арго цеха артистов и музыкантов Средней Азии. Цит. по работе А. Л. Троицкой (Тр.).

авТ.— арго абдалов Восточного Туркестана. Цит. по работам Пельё (Р.), Лёкока (Le Scq) и Гренара (G.).

араб.— арабский.

арабча — арго ферганских и ташкентских люли (на таджикской основе). Цит. по работе А. Л. Троицкой (Тр.).

арам.-евр.— арамейско-еврейское (слово).

афг.— афганский (пашто). Цит. по АРС и РАС.

бад.— бадахшанский диалект. Цит. по работе Лоримера (Log.).

байс.— байсунские говоры таджикского языка. Цит. по работе Х. Хамрокулова (Хамрокулов).

бал.— диалект группы «балюджь». Цит. по работе А. И. Вилькинса (Вильк.).

бел. — белуджский.
 барт. — бартангский.
 бух. араб. — диалект бухарских арабов. Цит. по кн.: И. Н. Винников, *Словарь диалекта бухарских арабов*, М.—Л., 1962.
 вандж. — ванджские говоры таджикского языка. Цит. по работе А. З. Розенфельд (Роз., Вандж.).
 варз. — варзобский диалект таджикского языка. Цит. по работе В. С. Расторгуевой (Раст. V).
 вах. — ваханский.
 гижд. — гиждуванский говор таджикского языка. Цит. по работе Н. А. Мелех (Мелех).
 гисс. (гор.) — гиссарский (горный) говор таджикского языка.
 гисс. (дол.) — гиссарский (долинный) говор таджикского языка.
 гудж. — гуджарати.
 дарв. — дарвазский диалект таджикского языка. Цит. по работе А. З. Розенфельд (Роз., Дарв.).
 дерб. — дербендский говор таджикского языка. Цит. по работе Х. Хамрокулова (Хамрокулов).
 дж. — джуги, аргó цыганообразной группы джуги из Гиссарской долины (Средняя Азия). Цит. по Ор. II и неопубликованным материалам автора.
 др.-евр. — древнееврейский.
 др.-инд. — древнеиндийский.
 индо-ир. — индо-иранский.
 исф. — исфаринский говор таджикского языка. Цит. по Раст. V.
 ишк. — ишкашимский.
 каб. — диалект кабули. При отсутствии дополнительных указаний цит. по «Персидско-русскому словарю» Б. В. Миллера (М., 1950).
 кав. — диалект и аргó этнографической группы «кавол» (шех-момади). Цит. по Ор. I и неопубликованным материалам автора.
 кан. — канбадамский говор таджикского языка. Цит. по Раст. V.
 кар. — каратегинские говоры таджикского языка. Цит. по работе А. З. Розенфельд (Роз., Кар.).
 кас. — кассансайский говор таджикского языка. Цит. по Раст. V.
 кул. — кулябские говоры таджикского языка. Цит. по работе Р. Л. Немецовой (Нем.).
 ла. — группа диалектов лахнда (зап. панджаби).
 лен. — ленинабадский говор таджикского языка. Цит. по Раст. V.
 люли — аргó цыганообразной группы ферганских люли. Цит. по работе А. И. Вилькина (Вильк.).
 мад. — мадаглашти. Цит. по работе Д. Л. Р. Лоримера (Lor.).
 мар. — маратхи.
 мундж. — мунджанский. Цит. по работе И. И. Зарубина (МЯ).
 н.-перс. — новоперсидский.
 орош. — орошорский.
 пандж. — панджаби.
 панджшир. — панджширский (диалект таджикского). Цит. по работе: М. С. Андреев, *По этнологии Афганистана. Долина Панджшир*, Ташкент, 1927.
 пар. — диалект группы парья. Цит. по Ор., пар. I и неопубликованным материалам автора.
 перс. — современный персидский.
 перс.-дерб. — аргó персидских дервишей. Цит. по работам: В. Иванова (Ив. IV) и А. А. Ромаскевича (Ром.).
 перс.-цыг. — аргó персидских цыган. Цит. по работам В. Иванова (Ив. I, Ив. II).
 ришт. — риштанский говор таджикского языка. Цит. по Раст. V.
 рог. — рогские говоры таджикского языка. Цит. по работе Ю. И. Богорада (Бог.).
 руш. — рушанский.

- сас.—арго средневекового цеха *sāsīān*. Известно по сочинению *kitāb-e sāsīān* (древнейший известный список, возможно оригинал, датирован 745/1344 г.) и по извлечениям, сделанным из этого сочинения В. Ивановым (Ив. III) и А. Л. Троицкой (Тр.). Цит. по Тр.
- сеист.—сенстанский диалект (Серахс). Цит. по работе: А. Л. Грюнберг, *Сеистанский диалект в Серахсе*,—КСИНА, 67, М., 1963, стр. 76—86.
- сем.—семитское (слово).
- синд.—диалекты синдхи.
- скр.—санскрит.
- сог.—арго группы согутарош (Гиссарская долина). По материалам автора.
- сох.—сохский говор таджикского языка. Цит. по Раст. V.
- среднеаз.-евр.—наречие евреев Средней Азии.
- тадж.—таджикский. Цит. по «Таджикско-русскому словарю» под ред. М. В. Рахими и Л. В. Успенской. Слова, зафиксированные указанным словарем, снабжаются пометой «тадж.» независимо от их происхождения. Стилистические пометы (обл., уст., разг. и пр.) также приводятся по этому словарю.
- тал.—талышский. Цит. по кн.: Б. В. Миллер, *Талышские тексты*. М., 1930.
- тур.—турецкий. Цит. по «Турецко-русскому словарю» Д. А. Магазаника (М., 1945).
- узб.—узбекский.
- ура-тюб.—ура-тюбинский говор таджикского языка. Цит. по Раст. V.
- хаз.—диалект хезарейцев Хезареджата. Цит. по работе К. Фердинанда (Ferd.).
- хаз.(як.)—диалект хезарейцев Хезареджата (якаулангский говор). Цит. по работе: В. А. Ефимов, *Личные глагольные формы в якаулангском диалекте хазара*,—сб. «Индийская и иранская филология», М., 1964, стр. 17 и сл.
- хинди — зап. хинди (с диалектами).
- хорезм.—хорезмийский.
- цыг.-арм.—диалект армянских цыган.
- цыг.-евр.—диалекты европейских цыган.
- цыг.-егип.—наречие египетских цыган.
- цыг.-тур.—наречие турецких цыган.
- цыг.-укр.—диалект украинских цыган. Цит. по работе: О. Баранников, *Українські та південноросійські циганські діалекти*, Л., 1933.
- чуст.—чустский говор таджикского языка. Цит. по Раст. V.
- шаар.—шаартузский говор таджикского языка. Цит. по работе: К. Сандова, *Говор таджиків Шаартуза* (автор. канд. дисс.), Душанбе, 1965.
- шаар. (араб.)—таджикский говор шаартузских арабов. Цит. по работе: К. Сандова, *Говор таджиків...*
- шайд.—шайданский говор таджикского языка. Цит. по Раст. V.
- шахр.—шахристанский диалект таджикского языка. Цит. по Раст. V.
- шугн.—шугнанский.
- ягн.—ягнобский. Цит. по ЯТ.
- язг.—язгулемский.

Источники, литература

- Аделунг — Н. С. Аделунг, *Фонетический строй богустанского говора таджикского языка*,—«Известия АН Таджикской ССР», ООН, вып. I (19), 1959.
- Арендс — А. К. Арендс, *Таджикско-персидский глоссарий Хафиза Обехи*,—«Труды Института востоковедения АН Узбекской ССР», вып. III, Ташкент, 1954, стр. 83 сл.

- АРС — «Краткий афганско-русский словарь». Сост. П. Б. Зудин. М., 1950.
- Бог.— Ю. И. Богорад, *Рогские говоры таджикского языка*, — ТИЯЗ, т. VI, М., 1956, стр. 133 сл.
- Вильк.— А. И. Вилькинс, *Среднеазиатская богема*, — «Известия императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете», т. XXXV, ч. I, вып. 4 (= «Антропологическая выставка 1879 г.», т. III, ч. I, вып. 4), М., 1882, стр. 434—461.
- ДАН-В — «Доклады Академии наук СССР», серия В.
- Дор.— Л. Н. Дорофеева, *Язык фарси-кабули*, М., 1960.
- Ефимов — В. А. Ефимов, *Язык афганских хазара*, М., 1965.
- Зар., Оршор.— И. И. Зарубин, *Орошорские тексты и словарь*, (= «Памирская экспедиция 1928 г. Труды экспедиции», вып. VI. Лингвистика), Л., 1930.
- Зар., Отчет.— И. И. Зарубин, *Отчет об этнологических работах в Средней Азии летом 1926 г.*, — «Известия АН СССР», VI серия, № 5—6, Л., 1927, стр. 351—360.
- Зар., Шугн.— И. И. Зарубин, *Шугнанские тексты и словарь*, М.—Л., 1960.
- Ив. I — W. Ivanow, *On the Language of the Gypsies of Qainat (in Eastern Persia)*, — JASB (N. S.), vol. X, № 11, 1914, pp. 439—454.
- Ив. II — W. Ivanow, *Further Notes on the Gypsies in Persia*, — JASB (N. S.), vol. XVI, 1920, pp. 281—291.
- Ив. III — W. Ivanow, *An Old Gypsy-Darwish Jargon*, — JASB (N. S.), vol. XVIII, № 7, 1922, pp. 375—383.
- Ив. IV — W. Ivanow, *Jargon of Persian Mendicant Darwishes*, — JASB (N. S.), vol. XXIII, № 1, 1927, pp. 244—245.
- Ир. фил.— «Иранская филология. Труды научной конференции по иранской филологии (24—27 января 1962 г.)», Л., 1964.
- Капр.— В. А. Капранов, *«Лугати фурс» Асади Туси и его место в истории таджикской (фарси) лексикографии*, Душанбе, 1964.
- КСИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», Москва.
- Мелх.— Н. А. Мелех, *Фонетические особенности гиждуванского говора таджикского языка*, — Ир. фил., Л., 1964, стр. 27—32.
- МЯ.— И. И. Зарубин, *К характеристике мунджанского языка*, — сб. «Иран», I, Л., 1927, стр. 111—199.
- Нем.— Р. Л. Неменова, *Кулябские говоры таджикского языка (северная группа)*, Сталинабад, 1956.
- НСАК — «Народы Средней Азии и Казахстана», I—II, М., 1962—1963.
- Ор. I — И. М. Оранский, *Новые сведения о секретных языках (арго) Средней Азии*. [I]. *Этнографическая группа «кавол» в Кулябе и ее арг*, — КСИНА, XL, 1961, стр. 62—77.
- Ор. II — И. М. Оранский, *Новые сведения о секретных языках (арго) Средней Азии. II. Материалы для изучения арг* этнографической группы джуги (Гиссарская долина), — Ир. фил., стр. 62—75.
- Ор., пар. I — И. М. Оранский, *Индийский диалект группы парья (Гиссарская долина). Материалы и исследования*. Вып. I. Тексты (фольклор). М., 1963 (XXVI Международный конгресс востоковедов. Материалы делегации СССР).
- Пах.— Т. Н. Пахалина, *К характеристике кабульского просторечия*, сб. «Индийская и иранская филология», М., 1964, стр. 44—61.
- Писарчик, табл.— А. К. Писарчик, *О некоторых терминах родства таджиков*, — «Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова» (= «Труды АН Таджикской ССР», т. XVII), Сталинабад, 1953, стр. 177 сл. (таблица 1, на вкладке между стр. 184 и 185).
- РАС — «Русско-афганский словарь». Сост. П. Б. Зудин. М., 1955.
- Раст. I — В. С. Расторгуева, *Очерки по таджикской диалектологии*. Вып. I. *Варзобский говор таджикского языка*, М., 1952.

- Раст. II — В. С. Расторгуева, *Очерки по таджикской диалектологии*. Вып. 2. *Северные таджикские говоры полосы Шайдан—Ашт—Чуст—Кассансай*, М., 1952.
- Раст. III — В. С. Расторгуева, *Очерки по таджикской диалектологии*. Вып. 3. *Ленинабадско-канибадамская группа северных таджикских говоров*, М., 1956.
- Раст. IV — В. С. Расторгуева, *Очерки по таджикской диалектологии*. Вып. IV. *Южноферганские говоры (Риштан, Сох) и говоры уратюбинской группы*, М., 1961.
- Раст. V — В. С. Расторгуева, *Очерки по таджикской диалектологии*. Вып. 5. *Таджикско-русский диалектный словарь*. М., 1963.
- Раст., Опыт — В. С. Расторгуева, *Опыт сравнительного изучения таджикских говоров*, М., 1964.
- Роз., Вандж.—А. З. Розенфельд, *Ванджские говоры таджикского языка*, Л., 1964.
- Роз., Дарв.—А. З. Розенфельд, *Дарвазские говоры таджикского языка*, — ТИЯЗ, т. VI, 1955, стр. 196—272.
- Роз., Кар.—А. З. Розенфельд, *Говоры Каратегина*, Сталинабад, 1960.
- Ром.—А. А. Ромаскевич, *К вопросу о жаргоне иранских дервишей*, — сб. «Иранские языки», I, М.—Л., 1945, стр. 141—144.
- Саидова — К. Саидова, *Говор таджиков Шаартуза* (автор. реф. канд. дисс.), Душанбе, 1965.
- СВ — «Советское востоковедение» (журнал и сборники).
- Сок.—В. С. Соколова, *Очерки по фонетике иранских языков*, I, М., 1953.
- СЭ — «Советская этнография» (журнал).
- ТИЯЗ — «Труды Института языкознания АН СССР» (Москва).
- Тр.—А. Л. Троицкая, *Abdoltill — арготаж цеха артистов и музыкантов Средней Азии*, — «Советское востоковедение», V, 1948, стр. 251—274.
- Усп.—Л. В. Успенская, *Говоры таджиков Гиссарского района*, Душанбе, 1962.
- Хамрокулов — Х. Хамрокулов, *Шеваҳои тоҷикони райони Бойсун*, Душанбе, 1961.
- ХЯ — А. А. Фрейман, *Хорезмийский язык. Материалы и исследования*. I. М.—Л., 1951.
- ЯТ — М. С. Андреев и Е. М. Пещерева, *Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря*, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик. М.—Л., 1957.
- АО Hung.—«Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae» (Budapest).
- Elf.—J. Elfenbein, *A Vocabulary of Marw Baluchi*, Naples, 1963.
- Farh(âdi). Abd-ul-Ghafûr Farhâdi, *Le persan parlé en Afghanistan. Grammaire du kâboli*, Paris, 1955.
- Ferd.—K. Ferdinand, *Preliminary Notes on Hazâra Culture*, København, 1953.
- G.—F. Grenard, *Le Turkestan et le Tibet*, — «Mission scientifique dans la Haute-Asie», t. II, Paris, 1898, pp. 308—315.
- Ges.—«W. Gesenius' hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament...», 17-e Auflage. Leipzig, 1921.
- JA — «Journal asiatique» (Paris).
- JASB — «Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal» (Calcutta).
- Le Coq — Albert Le Coq, *Die Abdal*, — «Baessler-Archiv», Bd II, Leipzig—Berlin, 1912, S. 221—234.
- Ligeti — L. Ligeti, *Le lexique moghole de R. Leech*, — АО Hung., t. IV, fasc. 1—3, Budapest, 1955.
- Lor.—D. L. R. Lorimer, *The Phonology of the Bakhtri, Badakhshani, and Madaglashti Dialects of Modern Persian*... London, 1922.
- Morg., Pers.—G. Morgenstierne, *Persian Texts from Afghanistan*, — «Acta Orientalia», VI, 1928, pp. 309—328.

Morg., Report I — G. Morgenstierne, *Report on a linguistic mission to Afghanistan*, Oslo, 1926.

N. S. — «New Series».

Р. — M. Pelliot, *Les Âbdal de Painap*, — JA, t. IX, № 1, 1907, pp. 115—139.

Turn. — R. L. Turner, *A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages*. Fasc. I—VIII, London, 1962—1965 (изд. продолжается).

Другие сокращения

арг. — арготическое слово.

ист. — историческое слово.

обл. — областное слово.

разг. — разговорное слово.

уст. — устаревшее слово.

О МЕСТЕ УДАРЕНИЯ В ИМЕНАХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ КАБУЛЬСКОГО ДИАЛЕКТА

1. Как отмечают многие исследователи¹, в кабульском диалекте словесное ударение падает, как правило, на последний слог. Исключение составляют личные глагольные формы, некоторые наречия, частицы и местоимения. Что же касается имен существительных, не осложненных энклитическими показателями (а также прилагательных и простых числительных), то подавляющее большинство их имеет ударение на последнем слоге.

Эта закономерность действительно не только для существительных иранского происхождения, но и для заимствованных, в том числе и таких, которые в исходном языке имеют ударение на иных слогах²: *ferqá* 'дивизия' (ар. *fırqa*), *tōlaná* 'общество' (пушту *ṭōlāna*), *tānā* 'погранзастава' (урду *thānā*), *lārī* 'грузовик' (англ. *lorry*), *čāynāk* 'чайник' (русс. *чайник*).

Интересные результаты дает наблюдение за речью афганцев — носителей кабульского диалекта, находящихся на учебе в СССР. Употребляя в своей речи на диалекте русские имена существительные, эти лица преобразуют их в соответствии с акцентуальными нормами диалекта. Это достигается: а) переносом ударения на последний слог: *wēčār* (из *вечер*), *dōmadīxa* (из *дом отдыха*); б) стяжением ударного и заударного слогов: *kīf* (из *Киев*), *kapṭk* (из *конёек*); в) отсечением заударных слогов: *dīžūr* (из *дежурный*), *atlīč* (из *отлично*), в этом последнем случае исходный слог бывает, как правило, закрытым, причем его конечный консонантный компонент заимствуется в случае необходимости из

¹ См., например: Abd-ul-Ghafūr Farhādī, *Le persan parlé en Afghanistan*, Paris, 1955, p. 35; Л. Н. Дорффеева, *Язык фарси-кабули*, М., 1960, стр. 18.

² Здесь и далее для примеров из кабульского диалекта использована транскрипция, в основном сходная с транскрипцией А. Г. Фархади (см. А. Г. Farhādī, *Le persan parlé en Afghanistan*).

ближайшего заударного слога: *apšizīt* (из *общези́тые*), *es-talōf* (из *столо́вая*).

2. Тем не менее в кабульском диалекте имеется ряд имен существительных, в которых ударение стоит не на последнем, а на предпоследнем слоге.

Это, во-первых, некоторые существительные, иранские и заимствованные, в исходе которых стечение двух согласных предотвращается при помощи вставного безударного гласного *e* или *o*, в зависимости от качества гласного предыдущего слога: *féker* 'мысль' (из *fekr*), *čéšem* 'глаз' (из *čašm*), *méšer* 'вождь' (из *māšr*), *wázen* 'вес' (из *wazn*), *tóxom* 'яйцо' (из *toxm*).

Во-вторых, это имена существительные арабского происхождения, имеющие в исходе сочетание согласного с одним из полугласных — *y* или *w*; в кабульском диалекте эти согласные преобразуются в вокальные безударные исходы: *y* заменяется на безударный *ī*, а к *w* наращивается безударный *a*: *jādī* 'месяц Козерога (10-й месяц афганского календаря)' (из *jady*), *lāṭwa* 'отмена' (из *laṭw*), *dālwa* 'месяц Водолея (11-й месяц афганского календаря)' (из *dalw*), *áf-wa* (или *áfa*) 'извинение' (из *afw*).

Наконец, в-третьих, это ряд существительных арабского происхождения с двухсогласным исходом, второй элемент которого есть одна из гортанных фонем —, (арабские *ع* и *ه*) или *h*. Обе фонемы, функционирующие в литературном языке дари (фарси-кабули), в диалекте, как известно, повсеместно утрачены, причем в данном случае им регулярно соответствует безударная гласная *a*: *qāta* 'прекращение' (из *qat*'), *zōla* 'угол' (из *zol*'), *sōla* 'мир' (из *solh*), *wāja* 'способ' (из *wajh*).

3. Некоторые из указанных случаев отмечены в работах А. Г. Фархади³ и Л. Н. Дорофеевой⁴. Оба автора отмечают появление эпентетических гласных звуков, но не решаются прямо отождествить их с соответствующими гласными фонемами. Причина этого, по-видимому, в том, что указанные звуки обычно сильно редуцированы.

Однако в фонологической реальности этих эпентетических вставных и наращенных гласных звуков трудно усомниться хотя бы потому, что их фонематичность подтверждается данными языковой интуиции носителей кабульского диалекта. По просьбе расставить диакритические знаки для гласных («харакаты») в словах типа *feker*, *toxom* в разговорном стиле произношения все носители диалекта без колебаний отметили вставные гласные соответствующими значками. Если бы эти гласные звуки не имели фонологического зна-

³ Ibid., pp. 34, 39.

⁴ Л. Н. Дорофеева, *Язык фарси-кабули*, стр. 19.

чения, их наличие не ощущалось бы не искусственными в вопросах фонетики носителями диалекта, и эти звуки не могли бы быть, тем более, отождествлены с соответствующими фонемами. Реальность этих вставных гласных фонем подтверждается также и их слогообразующим характером, что отмечает и А. Г. Фархади⁵.

Что касается слов типа *laṭwa*, *dalwa*, то графическое изображение исходного *a* часто наблюдается у малограмотных носителей диалекта и иногда даже проникает в печать. Фонологическая реальность исходного безударного *a* подтверждается и данными о графической форме слов этого типа в пушту, заимствованных им, как представляется, из кабульского просторечия: *عفو afwa* 'извинение', *سوله sūla* 'мир'.

Указывая на необычное место ударения в словах типа *qáta* и *féker*, Л. Н. Дорофеева объясняет это явление иноязычным происхождением упомянутых существительных⁶. Однако, как было показано выше, необычное место ударения характерно и для некоторых существительных иранского происхождения (например: *čéšem*, *tóxom*). Оно, с другой стороны, не наблюдается во многих заимствованных словах с двухсогласным исходом (например: *jens* 'материал', *qalb* 'сердце'). Поэтому причины этого явления следует искать в ином. Ниже делается попытка найти истинные причины необычного места ударения в перечисленных выше именах существительных кабульского диалекта.

4. Слова *féker*, *tóxom* и им подобные получили вставные гласные, разрывающие сочетания двух согласных. Причина этого не может состоять в том, что в кабульском диалекте любой двухсогласный исход слова недопустим: слова *asp* 'лошадь', *kerm* 'червь', *senf* 'класс' и т. п. убеждают в обратном. Причина появления вставных гласных не может, далее, состоять и в том, что соседство фонем *k* и *r* (в *féker*), *x* и *m* (в *tóxom*) в пределах слова недопустимо: слова *fek-ri* 'мысленный', *toxm-e mori* 'куриное яйцо' убеждают в обратном. Причина не может заключаться и в том, что соседство этих фонем недопустимо ввиду их позиции в исходе слова — оно предотвращается иногда и в середине слова: *zaxembandī* 'перевязка ран', *wazenbardāri* 'поднятие тяжестей'. Очевидно, причина появления вставных гласных заключается в недопустимости соседства указанных фонем в пределах одного слога.

Анализ всего списка сочетаний согласных фонем, разрываемых вставными гласными, показывает, что в пределах слога недопустимы двухсогласные сочетания типа «шумный+сонорный», где под сонорными понимаются плавные *r*, *l* и

⁵ А. Г. Farhâdi, *Le persan parlé en Afghanistan*, p. 34.

⁶ Л. Н. Дорофеева, *Язык фарси-кабули*, стр. 19.

носовые *n*, *m*, а под шумными — прочие согласные фонемы *āber* 'туча' (из *abr*), *šókor* 'слава богу' (из *šokr*), *šákel* 'форма' (из *šakl*), *nóqol* 'леденцы' (из *noql*), *jášen* 'праздник' (из *jašn*), *ésem* 'имя' (из *esm*), *ókom* 'приказ' (из *hokm*). Сочетания же типа «сонорный + шумный» в пределах слога допустимы: *mard* 'мужчина', *jold* 'том', *rang* 'цвет', *domb* 'хвост'. Точно так же в пределах слога допустимы сочетания типа «шумный + шумный»: *aks* 'портрет', *waxt* 'время', *dest* 'рука'.

Что же касается сочетаний сонорных между собой, то, как показывает анализ, из них в пределах слога допустимы лишь сочетания типа «плавный + носовой»: *šarm* 'стыд', *jorm* 'преступление', *qarn* 'век', *elm* 'наука'. Правда, в Афганистане можно услышать и такое произношение этих слов, как *šárem* (и *šáram*), *élem*, главным образом в речи носителей пушту, но оно ни в коем случае не характерно для носителей самого кабульского диалекта. Сочетания же типа «носовой + носовой», «носовой + плавный» и, как представляется, «плавный + плавный» в кабульском диалекте в пределах слога недопустимы: *zémen* 'середина' (из *zemn*), *ámer* 'приказ' (из *amr*), *ómor* 'возраст' (из *omr*).

Согласно закономерности, выведенной Дж. Гринбергом⁷, в любом языке наличие конечных сочетаний типа «шумный + плавный» предполагает непременно наличие сочетаний типа «плавный + шумный», но не наоборот. Точно так же наличие конечных сочетаний типа «носовой + плавный», «носовой + носовой» и «плавный + плавный» предполагает непременно наличие сочетаний типа «плавный + носовой», но не наоборот. Поэтому в большом количестве языков имеются конечные сочетания типа «плавный + шумный», но отсутствуют сочетания типа «шумный + плавный»; имеются сочетания типа «плавный + носовой», но отсутствуют сочетания трех других указанных типов. Приведенные данные о кабульском диалекте позволяют считать его одним из языков такого рода.

Итак, в кабульском диалекте в пределах слога допустимы только двухсогласные сочетания следующих типов: «шумный + шумный», «носовой + шумный», «плавный + шумный» и «плавный + носовой». Прочие сочетания предотвращаются при помощи вставных гласных.

5. Для выяснения причин преобразования полугласных в гласный исход в существительных типа *jádi* и *láṭwa* необходимо рассмотреть вопрос о сочетаемости согласных с полугласными. В результате наблюдений выясняется, что сочетания типа «согласный + полугласный» в исходе слога недопустимы: *láṭwa* 'отмена' (из *laṭw*), *dálwa* 'месяц Водо-

⁷ Дж. Гринберг, *Некоторые обобщения, касающиеся возможных начальных и конечных последовательностей согласных*, — ВЯ, № 4, 1964, стр. 48, 53, 56.

лея (из *dalw*), *jādī* 'месяц Козерога' (из *jady*), *nāfi* (иногда *nāfyā*) 'отрицание' (из *nafy*). Преобразование полугласных в гласный исход, таким образом, имеет целью проложить слоговую границу между фонемами, сочетание которых в исходе слога недопустимо (*laḡ-wa*, *dal-wa*), либо вовсе устранить полугласный элемент (*ja-dī*).

Наоборот, сочетания типа «полугласный+согласный» в исходе слога вполне допустимы, причем в качестве второго компонента этого сочетания может выступать любой согласный — шумный, носовой и плавный: *payk* 'рюмка', *awz* 'басейн', *qawm* 'племя', *sayl* 'созерцание'.

Примечательно, что в начале слога перед гласным могут выступать либо один согласный, либо один полугласный, либо сочетание типа «согласный+полугласный»: *byādar* 'брат', *šya* 'шиит', *jwān* 'молодой'.

6. Для выяснения причин регулярного соответствия исходным гортанным фонемам в арабских заимствованиях гласной фонемы *a* (типа *qāta*, *sōla*) следует рассмотреть вопрос о выпадении гортанных фонем в кабульском диалекте.

Во многих случаях гортанные фонемы, выпавшие из фонематических составов слов, не оказали влияния на окружающие фонемы. Это произошло в случаях, когда гортанные фонемы выступали в начале слова (*hazār—azār* 'тысяча', *heṣ—eṣ* 'ничего'), после закрытого слога (*parhez—parēz* 'диета', *jom'a—joma* 'пятница'), после долгих гласных в пределах слога (*kōh—kō* 'гора', *wasī'—wasī* 'широкий'). В других случаях выпадение гортанных фонем вызвало изменения, которые предотвращались стяжением (*dohol—dōl* 'барaban', *sā'at—sāt* 'часы') или вставным полугласным (*māhi—māyī* 'рыба', *āhū—āwū* 'джейран', *do'ā—*dowā—dwā* 'молитва', *nehāl—*neyāl—nyāl* 'деревцо').

Однако некоторые преобразования фонематических составов слов, содержащих гортанные фонемы, нельзя объяснить одним лишь выпадением последних. Таков случай удлинения гласных *e* и *o* перед гортанными, о котором речь пойдет позднее (см. раздел 8). Таков и случай, когда гортанная фонема выступает в исходе слога после согласной.

После выпадения гортанных в словах *qat'*, *solh* причин для наращения гласного *a* не было (ср.: *xat* 'письмо', *gol* 'цветок'). Следовательно, гласный *a* выступал в составе этих слов еще до выпадения гортанных, и в определенный период эволюции фонологической системы диалекта эти слова звучали соответственно как **qat'a*, **solha*. Именно в такой форме их можно услышать ныне в одном из литературных стилей произношения языка дари (которым пользуются, в частности, некоторые дикторы кабульского радио), где гортанные фонемы продолжают функционировать, а эпентетические гласные регулярно произносятся во всех перечисленных случаях.

На основании анализа данных фонологической системы этого стиля и современного кабульского диалекта нетрудно установить, что в указанный период гортанные фонемы с точки зрения правил функционирования внутри слога вели себя аналогично полугласным, в особенности *w*: сочетания типа «согласный+гортанный» в исходе слога были недопустимы и предотвращались путем наращивания гласной фонемы *a* с целью проложить внутри сочетания слоговую границу: **qát'a* 'прекращение', **zól'a* 'угол', **wájha* 'способ', **sólha* 'мир' (ср.: *lájwa*, *dálwa*). И наоборот, сочетания типа «гортанный+согласный» в исходе слога были вполне допустимы: *ba'd* 'после', *na'l* 'подкова', *sahm* 'доля', *šahr* 'город' (ср.: *payk*, *qawm*).

Примечательно, что сочетания типа «гортанный+полугласный» и «полугласный+гортанный» в исходе слога были исключены: **sahwa* 'ошибка' (из *sahw*), **naw'a* 'способ' (из *naw*). В современном кабульском диалекте эти слова звучат соответственно как *sāwa*, *nawa*. Учитывая, что точно так же в пределах слога исключены сочетания двух носовых и, как представляется, двух плавных, можно сделать вывод, что с точки зрения правил функционирования внутри слога полугласные и гортанные объединяются в одну группу — группу «глайдов».

7. Итак, в кабульском диалекте в исходе слога после гласного все неслогообразующие элементы могут располагаться лишь в следующем порядке: после глайда — только плавный, носовой или шумный, после плавного — только носовой или шумный, после носового — только шумный, после шумного — также только шумный. В начале слога перед гласным впереди глайда может выступать только согласный.

Это показывает, что неслогообразующие элементы слога располагаются вокруг его гласного элемента в строгом порядке, так что глайд выступает всегда только в непосредственном соседстве с гласным, плавный либо выступает по соседству с гласным, либо отделен от него глайдом, носовой либо выступает по соседству с гласным, либо отделен от него глайдом или плавным, шумный либо соседствует с гласным, либо отделен от него глайдом, плавным, носовым или другим шумным (или, очень редко, сочетанием глайда с носовым: *paunj* 'пять', *sāuns* 'естественные науки').

Этот анализ дает следующую систему очередности в отношении близости неслогообразующих элементов слога к его вершине: глайд, плавный, носовой, шумный. Спрашивается, является ли эта последовательность случайной или в ее основе лежат фонетические признаки фонем? Нетрудно заметить, что в приведенном ряду неслогообразующие элементы с фонетической точки зрения расположены по степени убы-

вания сонорности⁸. Отнесение гортанных к числу глайдов не может вызвать особых сомнений, если учесть, что они обладают теми же акустическими свойствами, что и полугласные: недаром дихотомическая фонология рассматривает их вместе⁹.

Принимая во внимание, что гласный звук всегда более сонорен, чем неслогообразующие, можно сделать вывод: структура слога кабульского диалекта такова, что в функции его вершины выступает максимально сонорный звук, а остальные расположены по склонам по степени убывания сонорности. Следовательно, появление вставных *e* и *o*, наращение *a* и преобразование полугласного исхода в вокальный (*feker, toxom, laṭwa, qata, jadi*) объясняются стремлением кабульского диалекта избежать наличия слогов, не отвечающих принципу сонорности.

Интересно отметить, что перестройка слоговой структуры является основным, но не единственным способом предотвращения сочетаний, нарушающих принцип сонорности. С этой же целью могут быть использованы и иные средства, например, метатеза: *golf* 'замок' (из *qofl*), *mawr* 'г. Мерв' (из *marw*), *telf* 'ребенок' (из *tefl*), *sōb* 'утро' (из *sobh > sohḥ*)¹⁰.

Все попытки выделить функциональные степени сонорности среди шумных оканчиваются неудачей. Правда, двухсогласные сочетания типа «смычный+щелевой», «смычный+смычный» и «щелевой+щелевой» в исходе слога часто заменяются на более, казалось бы, приемлемые с точки зрения сонорности сочетания типа «щелевой+смычный» или даже «глайд+согласный»¹¹: *naxč* 'рисунок' (из *naqš*), *waṭt* 'время' (из *waqt*), *nesp* 'половина' (из *nesf*), *sawz* 'зеленый' (из *sabz*), *kaṭk* 'куропатка' (из *kabk*). Однако, во-первых, такая замена не всегда возможна, ибо не все щелевые имеют соответствия среди смычных и не все смычные — среди щелевых и глайдов. Во-вторых, аналогичные замены смычных щелевыми и наоборот наблюдаются также и на стыках слогов: *ažda* 'восемнадцать' (из *hajdah*), *naxča* 'карта' (из *naqša*), *awsār* 'поводок' (из *afsar*). Следовательно, все эти изменения не имеют никакого отношения к размещению неслогообразующих элементов слога по степени сонорности, и шумные согласные в функциональном отношении не могут быть подразделяемы по этому признаку.

⁸ См.: О. Jespersen, *Lehrbuch der Phonetik*, Leipzig—Berlin, 1926, S. 190—193; Л. Зиндер, *Общая фонетика*, Л., 1960, стр. 281—282.

⁹ См. Р. Якобсон, Г. М. Фант и М. Халле, *Введение в анализ речи*, пер. с англ., — «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962, стр. 177—180. Гортанные и полугласные обладают, по Р. Якобсону, признаками «негласности» и «несогласности».

¹⁰ Примеры заимствованы у А. G. Farhādī, *Le persan parlé en Afghanistan*, стр. 33.

¹¹ Ср. Дж. Гринберг, *Некоторые обобщения...*, стр. 50.

8. Выше было показано, что сочетания типа «шумный+плавный», «шумный+носовой», «носовой+плавный» и «носовой+носовой» в пределах слога устраняются при помощи вставных *е* и *о*, помещаемых внутри этих сочетаний. Этот способ предотвращения нежелательных сочетаний является, таким образом, наиболее обычным. В то же время сочетания типа «согласный+глайд» предотвращаются иными способами. Спрашивается, отчего обычный способ оказался в данном случае неприемлем?

Наблюдения показывают, что в кабульском диалекте в пределах слога после гласных *е* и *о* полугласные, если они не геминированы, никогда не выступают. Поэтому предотвращение сочетаний типа «согласный+полугласный» при помощи вставных *е* и *о* противоречило бы фонологическим нормам диалекта.

Что же касается сочетаний типа «согласный+гортанный», то, учитывая функциональную близость полугласных и гортанных, логично предположить, что предотвращение этих сочетаний путем вставки *е* и *о* оказалось неприемлемым по той же самой причине, т. е. ввиду того, что к моменту перестройки слогов сочетания гласных *е* и *о* с гортанными внутри слога также были недопустимы. Эти сочетания действительно недопустимы в упоминавшемся ранее литературном стиле произношения дари, а также в литературном таджикском языке и некоторых его диалектах¹².

Следовательно, выбор способа предотвращения сочетаний, противоречащих принципу сонорности слога, определяется закономерностями сочетаемости слоговых и неслоговых фонем.

Выше отмечалось, что, судя по данным фонологической системы кабульского диалекта и близких ему языковых образований, перестройка слогов по принципу сонорности предшествовала явлению выпадения гортанных (см. раздел 6). Здесь же уместно отметить, что, судя по приведенным данным, гласные *е* и *о* стали недопустимы перед гортанными в пределах слога и были заменены на соответствующие долгие (*čehra*—**čehra* 'лицо', *šo'la*—**šo'la* 'пламя' и т. п.) не только раньше, чем произошло выпадение гортанных, но и раньше перестройки слогов по принципу сонорности¹³.

¹² См. В. С. Расторгуева, *Опыт сравнительного изучения таджикских говоров*, М., 1964, стр. 29.

¹³ Ср. иную трактовку этого вопроса у А. Г. Фархади: «Удлинение кратких вследствие выпадения гортанных» (см. А. Г. Farhâdi, *Le persan parlé en Afghanistan*, pp. 19—20) и у Л. Н. Дорофеевой: «в середине и конце слов *h*, исчезая, сообщает предшествующему гласному дополнительную долготу» (см. Л. Н. Дорофеева, *Язык фарси-кабули*, стр. 16). Оба автора считают удлинение *е* и *о* и переход *а* в *ā* перед гортанными явлениями идентичными, однако, как представляется, переход *а* в *ā* имеет иную природу.

9. Имена существительные кабульского диалекта с ударением на предпоследнем слоге функционируют не только изолированно, но и с различными энклитическими показателями, в том числе с такими, которые начинаются с гласной фонемы. В этом последнем случае второй компонент сочетания, не допустимого в пределах слога, переходит в следующий слог, а предыдущий не имеет того несонорного строения, для предотвращения которого появляются эпентетические гласные. Поэтому в таких случаях эти гласные отсутствуют. Таким образом, каждая из рассматриваемых именных морфем выступает в зависимости от морфонологического контекста то с эпентетическим гласным, то без него: *toxom* 'яйцо', но *toxm-e morɣ* 'куриное яйцо'; *qata* 'прекращение', но *qat-e monāsebāt* 'разрыв отношений'; *dalwa* 'месяц Водолея', но *dalw-e emsāl* 'месяц Водолея сего года'.

Если бы в тех случаях, когда имена существительные указанного типа выступают изолированно, их вставной или наращенный гласный компонент получил ударение, то в системе имен кабульского диалекта возникло бы большое количество нежелательных исключений из общих правил присоединения энклитических показателей, например, изафета: *šotór* 'верблюды'—*šotór-e...*, но *qotór(?)* 'диаметр'—*qótr-e...*; *moɣól* 'монгол'—*moɣól-e...*, но *šoɣól(?)* 'занятие'—*šóyl-e...*; *qahwá(qāwá)* 'кофе'—*qahwē...* (*qāwē...*), но *sahwá(?)* (*sawá(?)*) 'ошибка'—*sáhw-e* (*sāw-e...*); *sadī* 'сотня'—*sadī...*, но *jadī(?)* 'месяц Козерога'—*jādī...*

Такой разноречивой, противоречащий основным закономерностям морфонологии кабульского диалекта, оказался, по-видимому, неприемлемым, и ради сохранения единообразия системы имен существительных эпентетические гласные остались безударными. Необычное место ударения в существительных кабульского диалекта, таким образом, объективно указывает на беглость носителя исходного слога, на его предрасположенность к выпадению в определенном морфонологическом контексте.

Вывод. Имена существительные кабульского диалекта, носителем исходного слога которых в изолированном положении является гласная фонема, отсутствующая в соответствующих словах классического языка, возникшая в результате перестройки слогов по принципу сонорности и предрасположения к выпадению в определенном морфонологическом контексте, имеют в указанном положении ударение на предпоследнем слоге. Все прочие имена существительные кабульского диалекта независимо от их происхождения имеют ударение на последнем слоге.

ЧЕРЕДОВАНИЕ ЗВУКОВЫХ ФОРМ *be-/bo-* ГЛАГОЛЬНОГО ФОРМСОБРАЗУЮЩЕГО ПРЕФИКСА В КАБУЛЬСКОМ ДИАЛЕКТЕ

1. Глагольный формообразующий префикс, выступающий перед основами настоящего времени и указывающий на модальные оттенки глагольных словоформ, имеет в кабульском диалекте пять различных звуковых форм: *be-*, *bu-*, *b-*, *bī-*, *bo-*.

Форма *be-* этого префикса является основной и исходной как с этимологической точки зрения, так и по морфонологическим отношениям с остальными формами.

Выступая перед глагольными основами, начинающимися с гласной фонемы (а именно — с фонемы *ā*), этот префикс принимает обычно форму *bu-*, потому что сочетание фонем *euā* наряду с некоторыми другими подобными сочетаниями в пределах слова в кабульском диалекте недопустимо: *bu-ā* (<*be-y-ā*) 'подойди', *bu-ār* (<*be-y-ār*) 'принести'. По той же причине перед основой, начинающейся с сочетания *yā*, этот префикс выступает в форме *b-*: *b-yāf* (<*be-yāb*) 'найди'.

Перед глагольными основами, начинающимися с согласных фонем, этот префикс может выступать в трех звуковых формах: *be-*, *bī-*, *bo-*. Форма *bī-* употребляется только перед глагольными основами, состоящими из согласной фонемы плюс гласная *ī*, причем она всегда может быть замещена формой *be-*: *bī-bī//be-bī* 'посмотри', *bī-gī//be-gī* 'возьми', *bī-šī//be-šī* 'сядь'. Эта форма встречается относительно редко¹ и в дальнейшем рассматривается лишь как факультативная разновидность основной формы *be-*. Поэтому в тех случаях, где это не оговорено особо, при упоминании формы *be-* под-

¹ В текстах на кабульском диалекте, где особенности произношения обозначаются средствами арабской графики, форма *bī-* никогда не фиксируется; ср. *بشي be-šī* 'сядь', *بي be-bī* 'посмотри', но не *بيشي (?)*, *بيبي (?)*.

разумеается, что все, сказанное о ней, относится и к форме *bī-*

В сочетании с большинством глагольных основ настоящего времени, начинающихся с согласной фонемы, модальный префикс выступает либо только в форме *be-* (*be-kaš* 'вытащи', *be-sāz* 'построй', *be-bī* 'посмотри'), либо только в форме *bo-* (*bo-koš* 'убей', *bo-bar* 'унеси', *bo-pāl* 'поищи'). Лишь с некоторыми основами префикс может сочетаться в обеих формах (*bo-xān//be-xān* 'прочитай', *bo-kār//be-kār* 'посей').

Если причины чередований звуковой формы *be-* модального префикса с формами *bu-*, *b-*, *bī-* достаточно ясны, а фонетические условия этих чередований формулируются весьма просто, то этого нельзя сказать о чередовании звуковых форм *be-/bo-*, ибо выбор той или иной из этих форм зависит от целой совокупности фонетических условий и индивидуальных норм произношения. Поэтому вопрос о чередовании *be-/bo-* модального префикса заслуживает тщательного рассмотрения.

2. Способность модального префикса принимать в разных случаях различные огласовки отмечена некоторыми исследователями кабульского диалекта.

Так, Л. Н. Дорофеева, описывая литературный язык дари (фарси-кабули), отмечает, что префикс *be-* имеет разговорный вариант *bo-* (в транскрипции Л. Н. Дорофеевой — соответственно *bī-* и *bu-*), не уточняя, однако, соответствует ли разговорная форма *bo-* литературной форме *be-* во всех случаях или только в некоторых².

Т. Н. Пахалина также говорит о префиксе *be-* и его фонетическом варианте *bo-* (в транскрипции Т. Н. Пахалиной — соответственно *bī-* и *bu-*), поясняя, что последний употребляется обычно при корневой гласной заднего ряда³. К числу гласных заднего ряда относятся, по мнению Т. Н. Пахалиной, фонемы *ā*, *ū*, *ō*, *o* (в транскрипции Т. Н. Пахалиной — *ō*, *ū*, *ū*, *u*)⁴.

Афганский лингвист Абд-ул-Гафур Раван Фархади в своей известной монографии о кабульском диалекте⁵ уделяет большое внимание вопросу огласовки модального префикса. В таблице глагольных форм⁶ он впервые дает исчерпывающие сведения об огласовке модального префикса в сочетании со всеми глагольными основами, перед которыми он вы-

² См. Л. Н. Дорофеева, *Язык фарси-кабули*, М., 1960, стр. 48.

³ См. Т. Н. Пахалина, *К характеристике кабульского просторечия*, — сб. «Индийская и иранская филология», М., 1964, стр. 55.

⁴ Там же, стр. 45—46, 50.

⁵ См. Abd-ul-Ghafūr Farhādī, *Le persan parlé en Afghanistan. Grammaire du Kaboli*, Paris, 1955.

⁶ Ibid., pp. 93—96.

ступает⁷. А. Г. Фархади тоже делает попытку связать выбор огласовки префикса с фонематическим составом глагольной основы. Он указывает, что с основами, содержащими гласные фонемы *o*, *õ*, и с основами, имеющими лабиальные согласные инициали *p*, *b*, *f*, *m*, префикс употребляется в форме *bo-*. Однако, пишет А. Г. Фархади, в глагольных словоформах типа *bi-bi* 'посмотри', *be-benom* 'посмотреть ли мне?' влияние гласного оказывается сильнее, чем влияние согласного. Наконец, в словоформах *bo-xân* 'читай', *bo-xâu* 'позови' на огласовку префикса, по предположению А. Г. Фархади, оказывает влияние старое сочетание *xw*, которое распространяется даже на такие случаи, как *bo-xâr* 'поцарапай', *bo-kâr* 'посей', где подобного сочетания никогда не было⁸.

Объяснения, предлагаемые А. Г. Фархади, нельзя считать вполне удовлетворительными, потому что они, во-первых, не охватывают всех случаев, во-вторых, основаны подчас на явно неубедительных гипотезах и, в-третьих, что самое главное, не выясняют фонетической подоплеку влияния фонематического состава глагольной основы на огласовку префикса. Настоящая статья посвящена главным образом именно этой стороне вопроса о чередовании форм *be-/bo-* модального префикса.

3. Во многих близких кабульскому диалекту языках и диалектах на огласовку модального префикса влияет либо только вокальный компонент основы, либо только ее согласная инициаль. Так, в тегеранском диалекте префикс *be-* «перед корневым слогом с гласным *u* или *o*» выступает в форме *bo-*⁹. С другой стороны, в литературном таджикском языке префикс *bi-* (являющийся там малоупотребительным) перед основой, начинающейся с согласной фонемы *b*, выступает в форме *bu-*¹⁰.

В кабульском диалекте дело обстоит иначе. Вокальный компонент основы сам по себе не влияет там на огласовку префикса. Так, в приведенных ранее примерах префикс сочетается с основами, содержащими гласную фонему *a*, в форме *be-* (*be-kaš* 'вытащи') и в форме *bo-* (*bo-bar* 'унеси'). Подобно этому с основами, содержащими гласную фонему *ā*, префикс сочетается в форме *be-* (*be-sāz* 'построй') и в фор-

⁷ Известно, что перед некоторыми глагольными основами настоящего времени, например: *-šaw-*, *-šõ* глагола *šodan* 'делаться', 'становиться', *dē-* глагола 'бить', *part-*, *partõ* глагола 'бросать', модальный префикс обычно не выступает, а перед некоторыми другими основами настоящего времени, например: *bān-* глагола *māndan* 'класть', *-kon-*, *kū*, *kõ* глагола *kardan* 'делать', выступает весьма редко.

⁸ См. А. Г. Farhādī, *Le persan parlé en Afghanistan*, pp. 77—78.

⁹ См. Л. С. Пейсиков, *Тегеранский диалект*, М., 1960, стр. 18.

¹⁰ См. В. С. Расторгуева, А. А. Керимова, *Система таджикского глагола*, М., 1964 стр. 37.

ме *bo-* (*bo-pāl* 'поищи'), и в обеих формах (*bo-xān*//*be-xān* 'прочитай').

Согласная инициаль основы сама по себе также не влияет на огласовку префикса. Так, в приведенных ранее примерах префикс сочетается с основами, начинающимися с согласной фонемы *b*, в форме *be-* (*be-bī* 'посмотри') и в форме *bo-* (*bo-bar* 'унеси'). Подобно этому с основами, начинающимися с согласной фонемы *k*, префикс сочетается в форме *be-* (*be-kaš* 'вытащи') и в форме *bo-* (*bo-koš* 'убей'), и в обеих формах (*bo-kār*//*be-kār* 'посей').

Спрашивается, зависит ли вообще огласовка модального префикса от фонематического состава глагольной основы?

По-видимому, на этот вопрос следует ответить утвердительно, ибо перед основами, начинающимися с одной и той же последовательности согласной инициали и следующего за нею вокального компонента¹¹, префикс выступает с одинаковыми огласовками. Так, перед основами, начинающимися с последовательности фонем *ča-*, префикс всегда выступает только в форме *be-* (*be-čak* 'капай', *be-čar* 'пасись', *be-časp* 'прилипай'); перед основами, начинающимися с последовательности *bā-*, префикс всегда выступает только в форме *bo-* (*bo-bān* 'положи', *bo-bāz* 'проиграй', *bo-bāf* 'тки'); перед основами, начинающимися с последовательности *xā-*, префикс всегда выступает в обеих формах (*bo-xān*//*be-xān* 'прочитай', *bo-xāu*//*be-xāu* 'позови', *bo-xār*//*be-xār* 'поцарапай').

Следовательно, огласовка модального префикса в кабульском диалекте зависит не от вокального компонента основы или ее согласной инициали самих по себе, а от их совокупности.

4. Фонетическое различие между огласовками форм *be-* и *bī-*, с одной стороны, и огласовкой формы *bo-* — с другой, состоит в том, что фонемы *e*, *ī* суть нелабиализованные гласные переднего ряда, а фонема *o* — лабиализованная гласная заднего ряда¹². Фонетическое соотношение огласовок *e/ī* и *o* в терминах классической фонологии можно определить как соотношение гласных максимально высокого и максимально низкого тембровых классов¹³.

Логично предположить, что огласовка модального префикса зависит от тембра первых двух компонентов глагольной основы. Поэтому прежде всего необходимо получить в

¹¹ Выбор огласовки префикса в сочетании с основами, не имеющими вокального компонента, и с основами, начинающимися с двух согласных фонем, будет рассмотрен позднее (см. раздел 7 настоящей статьи).

¹² См. Т. Н. Пахалина, *К характеристике кабульского просторечия*, стр. 45—46.

¹³ См. Н. С. Трубецкой, *Основы фонологии*, пер. с нем., М., 1960 стр. 110.

распоряжение данные о тембре всех возможных вокальных компонентов и согласных инициалей глагольных основ.

Согласно теории дихотомической фонологии Р. О. Якобсона и других¹⁴ разные фонемы обладают тембровым (по терминологии Р. Якобсона, «тоновым») признаком в разной степени. В этой части его теория сводится вкратце к следующему. В любой фонологической системе гласные и согласные фонемы обладают признаком компактности — диффузности. С точки зрения артикуляции среди вокальных фонем к компактным относятся открытые, а к диффузным — закрытые гласные; среди консонантов к компактным относятся велярные и палатальные, а к диффузным — дентальные и лабиальные согласные¹⁵. Диффузные фонемы обычно обладают тембровым признаком, так что закрытые гласные переднего ряда и дентальные согласные имеют высокий тембр, а закрытые гласные заднего ряда и лабиальные согласные имеют низкий тембр¹⁶. Компактные фонемы весьма часто бывают лишены фонологически значимого тембрового признака¹⁷, ибо фонетически тембр у них выражен не столь ярко, как у диффузных¹⁸. Если они все же обладают тембровым признаком, то открытые гласные переднего ряда и палатальные согласные имеют высокий тембр, а открытые гласные заднего ряда и велярные согласные — низкий тембр¹⁹. Следует отметить, что плавные фонемы из этой классификации исключены.

На основании артикуляционной характеристики гласных и согласных фонем кабули, содержащейся в очерке Л. Н. Дорофеевой²⁰, фонемы *ī, ē, e, a* следует считать гласными переднего ряда, а фонемы *ū, ō, o, ā* — гласными заднего ряда; фонемы *a, ā* следует считать открытыми гласными (гласными нижнего подъема), а фонемы *ī, ū, ē, ō, e, o* — неоткрытыми гласными; фонемы *t, d, s, z, n* следует считать дентальными согласными, фонемы *p, b, f, m* — лабиальными согласными, фонемы *č, j, š, ž* — палатальными согласными, а фонемы *k, g, x, γ, q* — велярными и поствелярными согласными. Переведя указанные артикуляционные понятия в понятия акустические, которыми пользуется Р. Якобсон, можно получить тембровую характеристику перечисленных фонем.

¹⁴ См. Р. Якобсон, Г. М. Фант, М. Халле, *Введение в анализ речи*, пер. с англ., — сб. «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962; Р. Якобсон, М. Халле, *Фонология и ее отношение к фонетике*, пер. с англ. (там же).

¹⁵ См. Р. Якобсон, Г. М. Фант, М. Халле, *Введение в анализ речи*, стр. 191.

¹⁶ Там же, стр. 195.

¹⁷ Там же, стр. 198, 200.

¹⁸ См. Р. Якобсон, М. Халле, *Фонология и ее отношение к фонетике*, стр. 265.

¹⁹ См. Р. Якобсон, Г. М. Фант, М. Халле, *Введение в анализ речи*, стр. 195.

²⁰ См. Л. Н. Дорофеева, *Язык фарси-кабули*, стр. 12—16.

Если предположить, что компактные фонемы кабульского диалекта лишены функционально значимого тембрового признака²¹, то гласные и согласные этого диалекта следует подразделить по тембру следующим образом (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Гласные		
	Диффузные	Компактные
Высокий тембр	<i>ī, ē, e</i>	<i>a, ā</i>
Низкий тембр	<i>ū, ō, o</i>	

Таблица 2

Согласные			
	Диффузные	Компактные	Прочие
Высокий тембр	<i>t, d, s, z, n</i>	<i>č, j, š, ž, k,</i> <i>g, x, ɣ, q</i>	<i>r, l</i>
Низкий тембр	<i>p, b, f, m</i>		

Если же предположить, что компактные фонемы кабульского диалекта обладают функционально значимым тембровым признаком, то гласные и согласные этого диалекта следует подразделить по тембру следующим образом (см. табл. и 4).

Таблица 3

Гласные		
	Диффузные	Компактные
Высокий тембр	<i>ī, ē, e</i>	<i>a</i>
Низкий тембр	<i>ū, ō, o</i>	<i>ā</i>

²¹ В данном случае, как представляется, следует говорить не о фонологически значимом тембровом признаке, ибо в кабульском диалекте он релевантен лишь в отношении гласных фонем, а именно о функционально значимом тембровом признаке, имеющем крайне ограниченную сферу релевантности.

Согласные

	Диффузные	Компактные	Прочие
Высокий тембр	<i>t, d s, z, n</i>	<i>ʈč, ʃ, š, ž</i>	<i>r, l</i>
Низкий тембр	<i>p, b, f, m</i>	<i>k, g, x, γ, q</i>	

5. Прежде чем пытаться выяснить, который из приведенных выше возможных вариантов подразделения гласных и согласных фонем диалекта по функциональному признаку тембра соответствует действительному положению, необходимо получить исчерпывающие данные о тембре огласовки модального префикса в сочетании с глагольными основами, содержащими разные комбинации вокальных компонентов и согласных инициалей. Для этого можно воспользоваться материалами упоминавшейся ранее таблицы глагольных форм из монографии А. Г. Фархади²², данные которой полностью соответствуют результатам наблюдений над речью носителей кабульского диалекта.

В приводимой ниже табл. 5 вокальные компоненты и согласные инициали глагольных основ расположены по двум координатам в порядке перехода от максимально высокого тембра к максимально низкому. Диффузные фонемы, чей тембр выражен особенно ярко, занимают крайние участки таблицы, компактные — средние ее участки, тяготея либо к высокому, либо к низкому тембру, а фонемы, лишенные признака тембра, занимают промежуточное положение.

Примеры:

- 1) *-tē* 'давать';
- 2) *-čīn*, *-čī*, *-čen* 'собирать', *-šin*, *-ši*, *-šen* 'садиться';
- 3) *-rēz* 'литься', 'сыпаться', *-lēš* 'лизать';
- 4) *-gīr*, *-gī*, *-ger* 'брать', *-xēz*, *-xē* 'вставать';
- 5) *-peč* 'свертывать', *-bīn*, *-bī*, *-ben* 'видеть';
- 6) *-tap* 'трепетать', *-tars* 'бояться', *-daw* 'бежать', *-sanj* 'рассчитывать', *-zan* 'бить';
- 7) *-čak* 'капать', *-čar* 'пасться', *-jaw* 'жевать', *-šarm* 'стыдиться';
- 8) *-ras* 'достигать', *-raxs* 'танцевать', *-laxč* 'скользить', *-larz* 'дрожать';
- 9) *-kaš* 'вынимать', *-kaf* 'лопаться', *-gard* 'ходить', 'гулять', *-xar* 'покупать', *-γalt* 'обрушиваться';
- 10) *-par* 'летать', *-bar* 'нести', *-farmāy* 'приказывать' (например, в слове *bo-farmāy-ēn* 'пожалуйста'), *-baxč* 'прощать';

²² См. А. Г. Farhādī, *Le persan parlé en Afghanistan*, pp. 93—96.

Гласная Согласная	диффузная высокого тембра (ī, ē, e)	компактная высокого тембра (a)	компактная низкого тембра (ā)	диффузная низкого тембра (ū, ō, o)
диффузная высокого тембра (t, d, s, z, n)	1 be-	6 be-	11 be-	16 bo-
компактная высокого тембра (č, j, š, ž)	2 be-	7 be-	12 be-	17 bo-
без признака тембра (r, l)	3 be-	8 be-	13 ?	18 bo-
компактная низкого тембра (k, g, x, γ, q)	4 be-	9 be-	14 bo-//be-	19 bo-
диффузная низкого тембра (p, b, f, m)	5 be-	10 bo-	15 bo-	20 bo-

11) -tān- 'мочь', -dān- 'знать', 'понимать', -sāz- 'строить',
-nāl- 'стонать', -zāu- 'рожать';

12) -šān- 'сажать';

13) примеров нет;

14) -kār- 'сеять', -xān- 'читать', -xāu- 'хотеть', 'звать';

15) -pāl- 'искать', -bāf- 'ткать', -bāz- 'проигрывать', -fām-
'понимать', -māl- 'тереть';

16) -dōz- 'шить', -dōš- 'доить', -sōz- 'гореть', -nōš- 'пить';

17) -čōš- 'сосать', -jōš- 'кипеть', -šōu- 'мыть';

18) -rō 'идти', -lōl- 'извиваться';

19) -kon-, -kū-, -kō 'делать', -koš- 'убивать', -gōu-, -gō 'го-
ворить', 'сказать', -xor-, -xō- 'есть', -γor- 'рычать';

20) -pōš- 'надевать', -bor- 'резать', -mor- 'умирать'.

Нетрудно заметить, что разные фонемы, совпадающие по признаку компактности — диффузности и по тембровому признаку, одинаково влияют на огласовку префикса. Так, фонемы *t, d, s, z, n*, являющиеся диффузными согласными высокого тембра, перед фонемой *ā* сочетаются только с формой *be-* префикса, а фонемы *p, b, f, m*, являющиеся диффузными согласными низкого тембра, перед той же фонемой *ā* сочетаются только с формой *bo-*. Это доказывает, что между

тембром огласовки префикса и тембром начальных компонентов основы действительно существует регулярная связь.

6. Как показывают полученные данные, из 19 засвидетельствованных комбинаций согласных инициалей и вокальных компонентов 11 комбинаций сочетаются только с префиксом, имеющим высокую огласовку, 7 комбинаций — только с префиксом, имеющим низкую огласовку, и одна комбинация — с обеими формами префикса.

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что с префиксом, имеющим высокую огласовку, сочетается более половины всех комбинаций. Это можно объяснить лишь тем, что не все комбинации начальных компонентов основы влияют на тембр огласовки модального префикса, и в сочетании с комбинациями, не влияющими на огласовку, префикс сохраняет свою этимологически исходную форму *be-*.

В дальнейшем комбинации начальных компонентов основы, вызывающие высокую огласовку префикса, именуются «высокими слогами», комбинации, вызывающие низкую огласовку префикса, — «низкими слогами», а комбинации, не влияющие на огласовку префикса (который сохраняет перед ними исходную форму *be-*), именуются «средними слогами».

Второе обстоятельство, заслуживающее внимания, заключается в том, что перед комбинацией компактной согласной инициали низкого тембра и такого же вокального компонента модальный префикс может выступать с обеими огласовками. Примечательно при этом, что в речи одного и того же носителя диалекта эти огласовки не являются взаимозаменяемыми, так что одни информанты произносят соответствующие слова только как *be-xān*, *be-kār*, а другие — и их преобладающее число — только как *bo-xān*, *bo-kār*. По-видимому, такое различное произношение отражает разные системы функциональных признаков, проявляющиеся в индивидуальных речевых нормах.

Если основы, начинающиеся с последовательности компактной согласной инициали низкого тембра и такого же вокального компонента, сочетаются с префиксом в форме *be-*, все компактные фонемы тем самым лишаются функционально значимого тембрового признака, и слоги, не содержащие диффузных фонем, являются средними.

Если же основы, начинающиеся с указанной последовательности, сочетаются с префиксом в форме *bo-*, то компактные фонемы сохраняют признак тембра, а к числу средних относятся слоги, содержащие компактные компоненты противоположных тембров и, вероятно, плавную согласную фонему в сочетании с компактной гласной²³.

²³ Средние слоги выявлены здесь следующим образом. У любой группы фонем, наделенных одним и тем же тембровым признаком, есть симметричная группа с противоположным признаком. Так, диффузным соглас-

Эти случаи можно выразить графически следующим образом (см. табл. 6 и 7).

Таким образом, тембр слога зависит в первую очередь от тембра гласного компонента, так что, независимо от тембра инициали, слоги с диффузной гласной высокого тембра относятся к высоким, а слоги с диффузной гласной низкого тембра — к низким. Тембр оставшихся слогов зависит от тембра согласной инициали, так что слоги с диффузной инициальной высокого тембра относятся к высоким, а слоги с диффузной инициальной низкого тембра — к низким. Оставшиеся слоги в одном из вариантов произношения все относятся к средним. В другом же варианте произношения, более распространенном, на тембр оставшихся слогов оказывает влияние совокупность тембров согласной инициали и вокального компонента, так что слоги с обоими компактными высокими начальными компонентами относятся к числу высоких, слоги с обоими компактными низкими начальными компонентами — к числу низких, а все прочие слоги — к числу средних.

7. Как указывалось ранее, формы *be-/bo-* модального префикса употребляются перед глагольными основами, начинающимися с согласной фонемы. Выше были рассмотрены закономерности выбора огласовки префикса, выступающего перед основами, начинающимися с последовательности согласной инициали и вокального компонента.

Однако в кабульском диалекте имеются согласноначальные основы настоящего времени иного состава. Это, во-первых, основы, состоящие из одной согласной фонемы (например: *-t-* 'давать', *-r-* 'идти'), и, во-вторых, основы, начинающиеся с двух согласных фонем (например: *-ndāz-* 'бросать', *-frōš-* 'продавать'). Наблюдения показывают, что с одними из основ этого типа модальный префикс выступает только в форме *be-* (*be-t-a* 'пусть он даст', *be-ndāz* 'брось'), а с другими — только в форме *bo-* (*bo-r-a* 'пусть он пойдет', *bo-frōš* 'продай').

Ниже рассматриваются закономерности выбора огласовки префикса в сочетании с глагольными основами указанного типа.

ным высокого тембра симметричны диффузные согласные низкого тембра; компактным гласным низкого тембра симметричны компактные гласные высокого тембра. Такие же симметричные пары можно обнаружить и у слогов каждого типа. Например, слогам типа «диффузная согласная низкого тембра+компактная гласная высокого тембра» симметричны слоги типа «диффузная согласная высокого тембра+компактная гласная низкого тембра» и т. д. Если при двух основах, содержащих симметричные слоги, префикс выступает с огласовками противоположных тембров, то эти слоги суть соответственно высокий и низкий. Если же при двух основах, содержащих симметричные слоги, префикс выступает только с высокой огласовкой, то оба слога суть средние.

Гласная Согласная	высокого тембра (<i>ī, ē, e</i>)	без тембра (<i>a, ā</i>)	низкого тембра (<i>ū, ō, o</i>)
высокого тембра (<i>t, d, s, z, n</i>)	<i>be-</i> (высокий слог)	<i>be-</i> (высокий слог)	<i>bo-</i> (низкий слог)
без признака тембра (<i>č, j, š, ž, r, l, k, g, x, γ, q</i>)	<i>be-</i> (высокий слог)	<i>be-</i> (средний слог)	<i>bo-</i> (низкий слог)
низкого тембра (<i>p, b, f, m</i>)	<i>bz-</i> (высокий слог)	<i>bo-</i> (низкий слог)	<i>bo-</i> (низкий слог)

Таблица 7

Гласная Согласная	диффузная высокого тембра (<i>ī, ē, e</i>)	компактная высокого тембра (<i>a</i>)	компактная низкого тембра (<i>ā</i>)	диффузная низкого тембра (<i>ū, ō, o</i>)
диффузная высокого тембра (<i>t, d, s, z, n</i>)	<i>be-</i> (высокий слог)	<i>be-</i> (высокий слог)	<i>be-</i> (высокий слог)	<i>bo-</i> (низкий слог)
компактная высокого тембра (<i>č, j, š, ž</i>)	<i>be-</i> (высокий слог)	<i>be-</i> (высокий слог)	<i>be-</i> (средний слог)	<i>bo-</i> (низкий слог)
без признака тембра (<i>r, l</i>)	<i>be-</i> (высокий слог)	<i>be-</i> (?)	— (?)	<i>bo-</i> (низкий слог)
компактная низкого тембра (<i>k, g, x, γ, q</i>)	<i>be-</i> (высокий слог)	<i>be-</i> (средний слог)	<i>bo-</i> (низкий слог)	<i>bo-</i> (низкий слог)
диффузная низкого тембра (<i>p, b, f, m</i>)	<i>be-</i> (высокий слог)	<i>bo-</i> (низкий слог)	<i>bo-</i> (низкий слог)	<i>bo-</i> (низкий слог)

Все согласноначальные основы, которые не начинаются с последовательности согласной инициали и вокального компонента, следует подразделить на две группы. В первую группу входят такие основы, которые имеют параллели среди основ, начинающихся с упомянутой последовательности, причем некоторые параллельные основы до сих пор выступают в спрягаемых глагольных формах (например: *-tē* 'давать', параллельная основе *-t-*), а другие сохранились в основном лишь в составе иных частей речи (например: *-forōš-* 'продавать', параллельная основе *-frōš-* и сохранившаяся в словах типа *ketāb-forōš* 'книготорговец'). Во вторую группу входят основы, не имеющие параллелей среди основ, начинающихся с последовательности согласной инициали и вокального компонента (например: *-ft-* 'падать', *-ndāz-* 'бросать', которые этимологически восходят к гласноначальным основам *-aft-*, *-andāz-*).

С основами первой группы модальный префикс сочетается, как правило, в той же форме, в которой он выступает или должен был бы выступать перед параллельными им основами:

be-: *-t-*, *-tē* (№ 1) 'давать', *-šnās-*, *šenās* (№ 2) 'узнавать', *-trāš-*, *-tarāš-* (№ 6) 'строгать', *-xrāš-*, *-xarāš-* (№ 9) 'скресть'.

bo-: *-škof-*, *-šokof-* (№ 17) 'цвести', *-r-*, *-rō* (№ 18) 'идти', *-grēz-*, *-grōz-*, *-gorēz-* (№ 19) 'убегать', *-frōš-*, *-forōš-* (№ 20) 'продавать'.

В этих случаях огласовка модального префикса уже не обусловлена тембром начальных компонентов основы и выполняет известные смысловозначительные функции²⁴.

С основами второй группы префикс всегда выступает в своей исходной форме (*be-ft* 'ляг', *be-ndāz* 'брось'), ибо его огласовка не обусловлена тембром начальных компонентов основы и не была обусловлена им ранее.

Таким образом, общая закономерность огласования модального глагольного префикса в кабульском диалекте заключается в том, что указанный префикс перед основами настоящего времени, содержащими слоги низкого тембра, и их алломорфами выступает с низкой огласовкой, а перед всеми прочими согласноначальными основами — с высокой огласовкой.

²⁴ В некоторых диалектах Афганистана, в частности в малистанском диалекте хазара, огласовка префиксов выступает в абсолютной смысловозначительной функции; ср. *me-kš-um*, *bi-kaš* (от глагола *kašido* 'вынимать') — *tu-kš-um*, *bu-kaš* (от глагола *kušto* 'убивать') — *me-xr-um*, *bi-xar* (от глагола *xarido* 'покупать') — *tu-xr-um*, *bu-xar* (от глагола *xurdo* 'есть').

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ БОМБЕЙСКОГО ГОВОРА ХИНДУСТАНИ (на материале современной прозы хинди)¹

Локальные разновидности хиндустани бытуют в речи низших и средних слоев разноязычного населения крупных городов, расположенных за пределами собственно Хиндустана (т. е. за пределами штата Уттар-Прадеш и некоторых прилегающих к нему районов), таких, например, как Калькутта или Бомбей. В эти города — крупные порты, политические и культурные центры национальных регионов, соответственно Бенгалии и Махараштры, с развитой промышленностью и, следовательно, огромной потребностью в рабочей силе — стекается в поисках заработка разноязычное население со всей Индии и, в частности, из Северной Индии², из районов, лежащих вне лингвистических границ бенгальского и маратхского языков.

Численность населения Бомбея составляла, по данным переписи 1951 г., 2839 тыс. человек³, причем оно росло неуклонно и — особенно в последние два десятилетия — стремительными темпами, чему после раздела страны в 1947 г. в значительной степени способствовал поток беженцев, хлынув-

¹ Отсутствие в настоящее время возможности проводить полевую работу заставило автора ограничиться анализом языка современной художественной прозы хинди, где бомбейский хиндустани функционирует как одно из средств индивидуализации речи персонажей — носителей данного говора.

² К слову, в Бомбее молочников, которые обычно являются выходцами из Северной Индии, называют *bhaiyā* 'браток' — видимо, потому, что эта уменьшительно-ласкательная форма от слова *bhāī* 'брат' употребляется в их среде в качестве общепринятого обращения. Эта форма, имевшая в прошлом, как видно, полуироническое значение клички, ныне утратила оценочный характер и функционирует как нейтральное слово — почти термин, имеющий значение «молочник — выходец из Северной Индии». Об этом, в частности, свидетельствует его употребление в повести Шайлеша Матияни «Голубятня»: *bhaiyā jī bole* (К, 49—50) 'Почтенный молочник проговорил'.

³ «Census of India, 1951. Paper 3», New Delhi, 1960, p. 52.

ших из Пакистана и устремившихся прежде всего в крупные города Индии. За полвека (1901—1951) численность населения Бомбея возросла почти **в три с половиной раза** (табл. 1) и, конечно, подобное увеличение произошло главным образом за счет пришлого населения, которое тянулось сюда в поисках крова, работы и хлеба.

Таблица 1

Годы	1901	1911	1921	1931	1941	1951
Население (в тыс. человек)	847	1061	1294	1303	1695	2839

* «Census of India, 1951, Paper 3», New Delhi, 1960, p. 52.

Что касается национально-лингвистического состава населения этого города, то Бомбей представляет собой чрезвычайно пеструю картину (как, впрочем, и всякий многонаселенный город, в какой бы стране он ни находился); перепись населения 1951 г. зарегистрировала в Большом Бомбее (т. е. в Бомбее с пригородами) 67 языков⁴, хотя языковая проблема в городе не так сложна, как может показаться на первый взгляд, так как 93,25% населения Бомбея говорит на четырех языках: маратхи, гуджарати, каннада и урду⁵ (в переписи проводится разница между урду, с одной стороны, и хинди — с другой).

Около половины населения Бомбея составляли маратхи, почти пятую часть (около полумиллиона человек) — хиндустанцы, т. е. те, кто назвал родным языком урду или хинди (493 298 человек).

По несколько десятков тысяч человек входило в национальные группы, говорившие на таких языках, как телугу, синдхи, тамильский, английский, панджаби и малаялам.

От пяти до десяти тысяч человек насчитывали в своем составе носители таких языков, как бенгали и тулу; до пяти тысяч — те, чьим родным языком был персидский, пашто, непали, португальский, арабский, китайский; от 100 до 1000 — носители таких языков, как ория, еврейский, немецкий, балочи, кашмири, французский, испанский, курги, датский, ассамский; по несколько десятков человек — те, кто назвал своим родным языком сингальский, бирманский, русский, итальянский, турецкий, греческий, армянский, чешский, польский, голландский, шведский, норвежский, японский, венгерский, манипури, лахнда; единицами представлены носители таких языков, как карен, кхаси, мальтийский, кхмерский,

⁴ Ibid., p. 58.

⁵ Ibid.

кхервари, сирийский, румынский, эстонский, яванский, мальгашский, финский, тибетский и некоторые другие⁶.

Таким образом, основными по числу носителей языками Большого Бомбея являлись такие языки, как маратхи (44% населения дистрикта), гуджарати (18%) и хиндустани (урду и хинди — 17%)⁷.

Что касается двуязычия, то, вероятно, следует признать общим правилом, что чем более однородно в лингвистическом плане население того или иного ареала, тем меньше процент двуязычия в его составе. Так, в штате Бомбей процент двуязычия среди основного населения штата был равен: среди гуджаратцев — 2,62%, среди маратхов — 3,23, среди каннада — 8,94%; среди неосновного населения эта цифра увеличивается в несколько раз: среди раджастханцев — до 49%, среди телугу — 48% (второй язык, как правило, — маратхи), среди тулу — 58% (второй язык — каннада)⁸.

«Вслед за группой носителей раджастхани, телугу и тулу, среди которых большинство двуязычного населения владеет одним из основных языков штата Бомбей, идет группа тех, для кого родным языком является тамильский, панджаби, английский, малаялам и бенгали. Процент двуязычия в этой группе колеблется между 36 среди тамильцев и 49 среди бенгальцев. Характерной чертой для этой группы является то, что хинди по своему значению в ее среде превосходит любой другой язык, которым носители тамили, панджаби, английского, малаялам и бенгали владеют как вторым языком»⁹ (разрядка наша. — В. Ч.).

В самом же городе Бомбее процент двуязычия даже среди основного населения резко возрастает; в качестве второго языка по преимуществу употребляется хиндустани (см. табл. 2).

Таблица 2*

Язык	Общее число носителей	Из них двуязычных	В том числе на хиндустани	
			количество	%
Маратхи	1 236 874	97 158	75 574	6,1
Гуджарати	523 127	101 145	67 214	12,8
Каннада	52 011	19 974	8 272	15,7

* «Census of India, 1951, Paper 1. Languages», New Delhi, 1954, pp. 17—20.

⁶ «Census of India, 1951. Paper 1. Languages», New Delhi, 1954, pp. 1—8.

⁷ Ibid., p. 26.

⁸ «Census of India, 1951. Paper 3», New Delhi, 1960, p. 60.

⁹ Ibid., p. 61.

Процент двуязычия среди неосновного населения города Бомбея остается достаточно высоким, причем подавляющее большинство среди носителей языков этой группы составляют те, кто вторым своим языком назвал хиндустани (табл. 3).

Таблица 3*

Язык	Общее число но- сителей	Из них двуязыч- ные	В том числе на хиндустани	
			количество	%
Тамильский	59 925	18 853	12,621	21
Панджаби	31 539	14 492	10,773	34,2
Английский	35 439	13 173	8,688	24,5
Малаялам	31 513	13 966	10,632	33,7
Бенгали	9 963	4 848	4,292	40,3

* «Census of India, 1951, Paper 1. Languages», New Delhi, 1954, pp. 17—20.

Приведенные в табл. 3 данные показывают, что, составляя относительно высокий процент к числу носителей того или иного языка, число людей, назвавших своим вторым языком хинди или урду, колеблется от $\frac{2}{3}$ до $\frac{4}{5}$ от общего числа двуязычных.

Наибольший же интерес для нас представляют менее значительные по числу носителей национально-лингвистические группировки населения Бомбея: сохраняя свой язык в кругу семьи и в среде своего землячества, такие малочисленные группировки выбирают в качестве средства коммуникации с остальным населением города тот язык, который в наибольшей степени удовлетворяет необходимости практического общения в многонациональном городе. Как показывает анализ данных переписи населения 1951 г., в качестве такого универсального второго языка в среде малочисленных группировок по преимуществу используется хиндустани (табл. 4).

Если же взять «микроскопические» национально-лингвистические контингенты населения Бомбея, то число тех, кто владеет хиндустани в качестве второго языка, обычно вплотную подходит к общей численности двуязычных, а во многих случаях целиком совпадает с ним (табл. 5).

Таким образом, как показывают данные переписи 1951 г., значительная часть населения Бомбея использует в качестве второго языка хиндустани. Однако было бы наивно предположить, что бомбейский хиндустани по своей фонетике, грамматическому строю и лексическому составу целиком совпадает с разговорно-бытовой формой того языка, лингвистиче-

Таблица 4*

Язык	Общее число но- сителей	Из них двуязыч- ных	В том числе на хиндустани
Пашто	4 638	3 158	3 079
Непали	3 971	2 432	2 283
Арабский	2 258	960	917
Китайский	1 623	265	233
Ория	674	292	267
Немецкий	449	114	96
Балочи	297	209	205
Кашмири	256	137	123
Французский	234	58	51

* «Census of India, 1951, Paper 1. Languages», New Delhi, 1954, pp. 17—20.

Таблица 5*

Язык	Общее число носителей	Из них двуязыч- ных	В том числе на хиндус- тани
Сингальский	99	38	33
Бирманский	93	37	34
Русский	91	9	9
Итальянский	84	13	13
Турецкий	65	35	35
Греческий	60	15	15
Армянский	53	11	10
Чешский	50	13	13
Польский	49	7	7
Голландский	37	8	6
Шведский	34	4	4
Японский	27	7	7
Венгерский	25	6	5
Кхмерский	5	4	3
Кхаси	4	1	1
Кхервари	2	2	2
Тагальский	2	1	1
Тибетский	1	1	1

* «Census of India 1951, Paper 1. Languages», New Delhi, 1954, pp. 17—20.

ской базой которого послужил диалект района Дели — Мератха. В устах населения Бомбея, особенно того, чей родной язык по строю значительно отличается от хиндустани, эта форма речи приобретает некоторые специфические, только ей свойственные, черты, значительно варьируясь в зависимости от национальной принадлежности говорящего.

Средством коммуникации за пределами узкого семейного круга и стихийно складывающихся национальных землячеств становится для пришельцев не бенгальский или маратхский язык, а местная разновидность хиндустани — форма речи, для которой характерна предельно упрощенная грамматика и весьма ограниченный словарный состав. В таком говоре, особенно в его лексике, отчетливо просматривается влияние того национального языка, в ареале которого бытует эта форма речи.

Калькуттский говор хиндустани (примеров которого, кстати сказать, нам до сих пор пока не удалось встретить в литературе хинди) с достаточной полнотой описан в работе известного индийского филолога С. К. Чаттерджи¹⁰; именно эта форма речи, как убедительно показано в одной из статей Г. А. Зографа¹¹, зафиксирована в «Грамматике языка гиндустанского» известного русского индолога Г. А. Лебедева.

В современной литературе хинди, насколько позволяет судить имеющийся в нашем распоряжении материал, нашел отражение лишь бомбейский говор хиндустани. Примеры этого говора широко представлены в романе «Море, волны и люди» («Сагар, лахрен аур манушья») Удайшанкара Бхатты¹² (1898—1966) — писателя старшего поколения, и в повестях «От Боривали до Борибандара», и особенно в «Голубятне» («Кабутархана»), молодого прозаика Шайлеша Матияни¹³ (род. в 1931 г.).

Указанные произведения вышли в свет почти одновременно, с разрывом всего лишь в несколько лет: роман У. Бхатты опубликован в 1955 г., повести Ш. Матияни — соответственно в 1959 и 1960 гг., что позволяет рассматривать зафиксированные в них образцы устной речи целиком в синхроническом плане, а именно, как образцы бомбейского говора наших дней.

Оба автора — уроженцы лингвистического ареала, в пределах которого в качестве литературного языка используется современный хинди, — они выходцы из так называемых хин-

¹⁰ S. K. Chatterji, *Calcutta Hindustani: A study of a jargon dialect*, — «Indian linguistics», vol. I, pts II—IV, 1931, pp. 1—57.

¹¹ Г. А. Зограф, *Калькуттский хиндустани конца XVIII в. в освещении Г. А. Лебедева*, — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», № 61, М., 1963, стр. 142—153.

¹² उदयशंकर भट्ट, “सागर, लहरें और मनुष्य,” मसिजीवी प्रकाशन, दिल्ली, २६५५ (в сокращении — S).

¹³ शैलेश मटियानी, “बोरीवली से बोरीबन्दर तक”, आत्माराम, दिल्ली, १९५९; (далее «Боривали», в сокращении — B); शैलेश मटियानी, “कबूतर खाना”, आत्माराम, दिल्ली, १९६०. (далее «Кабутархана», в сокращении — K).

диязычных областей: У. Бхатта родился в дер. Карнавад дистрикта Буландшахр (область распространения диалекта брадж); Ш. Матияни — в дер. Баречхина дистрикта Альмора (территория диалекта кумаони, входящего в группу пахарских диалектов, распространенных в предгорьях Гималаев от Кашмира на северо-западе до Непала на юго-востоке).

Будучи своим происхождением связаны с областями Северной Индии, оба писателя получили возможность познакомиться с этой разновидностью хиндустани, когда жили в Бомбее: У. Бхатта жил в этом городе в конце 40-х — начале 50-х годов¹⁴, Ш. Матияни — в середине 50-х годов, когда писатель, как он сам пишет в предисловии к повести «Голубятня», «около трех лет работал в одном известном бомбейском гастрономе»¹⁵, добавляя к этому (уже в предисловии к первой повести), что «целый год находился в чрезвычайно тяжелых условиях, обретаясь в районе между Боривали и Борибандаром (портовые районы Бомбея. — В. Ч.). Этот год, — продолжает писатель, — прошел для меня в полицейских участках, в госпиталях и прямо на мостовой — в тисках болезни и безработицы, на грани между жизнью и смертью»¹⁶.

В романе Удайшанкара Бхатты изображен рыбацкий поселок Барсóва (или Бисóва), расположенный в нескольких милях от Бомбея, — по существу предместье этого огромного города, куда рыбаки возят на продажу пойманную рыбу.

Темой повестей Шайлеша Матияни послужила жизнь социальных «низов» Бомбея (в основном домашней прислуги, которую, кстати говоря, здесь называют словечком, не известным в хиндиязычных областях, — *rāmā log*, и деклассированных элементов) — обитателей районов Боривали — Борибандара и печально известного квартала Бхулешвар.

Авторский текст в названных произведениях — это правильный литературный хинди наших дней, однако речь персонажей автор дает в локальной форме, воспроизводя тем самым особенности бомбейского хиндустани.

В повести «Голубятня» на бомбейском хиндустани написаны даже целые главы, где повествование ведется от имени Ганапата, работающего в качестве домашней прислуги, который, захмелев, заплетающимся языком рассказывает своим слушателям и собутыльникам историю своей жизни, попутно делясь своим опытом и своими соображениями о развратной жизни «толстопуzych сэтхов» (подрядчиков).

Для бомбейского хиндустани в основном характерны те же черты, что были отмечены С. К. Чаттерджи в каль-

¹⁴ हिन्दी-सेवी संसार, लखनऊ, १९५२, पृ० १६.

¹⁵ «Кабутархана», стр. 1.

¹⁶ «Боривали», стр. 1.

куттском говоре¹⁷, однако он имеет и некоторые, только ему свойственные, черты.

В фонетике бомбейского хиндустани отмечается тенденция к дезаспирации согласных: как в самостоятельных, так и служебных словах аспирированному в хинди соответствует простой согласный в говоре. Наиболее отчетлива эта тенденция в языке персонажей У. Бхатты, меньше — Ш. Матияни, например:

S: *bī* [bhī]¹⁸ 'также', *abī* [abhī] 'сейчас', *kidar* [kidhar] 'где', *kuc* [kuch] 'немного', *bītar* [bhītar] 'внутри', *idar* [idhar] 'здесь', *accā* [acchā] 'хороший', *jhūt* [jhūth] 'ложь', *ṭik* [ṭhik] 'правильный, правильно', *tujkū* [tujh ko] 'тебе', *sama-jā* [sama-jhā] 'понял', *likā* [likhā] 'написал';

K: *bāi* [bhāi] 'брат', *samajtā*, *samajnevalā* [sama-jhtā, sama-jhne vāla] 'считаю', 'склонен считать'.

Другой характерной чертой фонетики бомбейского хиндустани является тенденция к элизии *h* в исходе основы или интервокальном положении, например:

S: *naī* [nahī] 'нет', *raine sū* [rahne se] 'в результате проживания', *paile* [pahle] 'прежде', *sāb* [sāhab] 'господин';

K: *rai-* [rah-] 'жить', *ben* [bahan] 'сестра'.

Морфология. Как в бомбейском, так и в калькуттском хиндустани категории имени свойственно неразличение рода, прямого и общекосвенного падежа, единственного и множественного числа, т. е. в этих говорах имеется единая форма имени, которая совпадает с прямым падежом литературного хинди. Связь между словами устанавливается позицией и послелогоми, число — по контексту, например: *barā-barā macchī* (S, 9) [barī-barī macchī] 'крупная рыба', *tillī kī bīmārī* (S, 19) [tillī kī bīmārī] 'болезнь печени', *hamārā jamānā mē* (S, 9) [hamāre zamāne mē] 'в наше время'; *apnā ākhī se* (K, 149) [apnī ākhō se] 'своими собственными глазами', *Kāśmīr kī chokrī* (K, 102) [Kāśmīr kī chokrī] 'кашмирская девка', *gāv kī log* (K, 11) [gāv ke log] 'деревенские люди'.

Глагол в бомбейском хиндустани также не изменяется ни в роде, ни в числе: он, как правило, имеет лишь одну форму, совпадающую с формой мужского рода единственного числа, например:

aur tum Itthā kū lekar idar āyā? (S, 9) [aur tum Itthā ko lekar idhar āye] 'А ты с Иттхою сюда пришел?';

hamārā jamānā mē hoḍī par jākar ḍol ḍālā naī, ke

¹⁷ Что касается этого говора, то автору этих строк неоднократно приходилось быть свидетелем коротких диалогов на «калькаттия хиндустани» между «сахибками» — членами армянской общины в Калькутте — и индийцами — их слугами.

¹⁸ Здесь и далее в квадратных скобках приводятся формы слов, свойственные литературному хинди.

ther-kā dher machī āyā (S, 9) [*hamāre zamāne mē... dher-ke-dher machliyā āyī*] 'В наше вот время пойдешь на лодке, и не успеешь забросить невод, а рыбы — уже навалом';

Hindustān kā jitnā bekār lāvāris log hai, Mumbai kā hī khicrī khāne ko ātā hai (K, 35) [*Hindustān ke jitne... log hāī, Bambaī kī khicrī... āte hāī*] 'Сколько есть в Хиндустане безработных и беспризорных, все идут в Бомбей, будто тут кашей кормят';

dākṭar log barā halkaṭ hotā hai (K, 102) 'Доктора эти — хитрый народ'.

Правда, иногда окончания прилагательных, точно так же как *-ā* в исходе послелога *kā*, перед именами женского рода меняются на *-ī*, а перед именами мужского рода во множественном числе — соответственно на *-e*, чем создается впечатление согласования в роде и числе между компонентами словосочетания (атрибутивного или предикативного). Однако это всего лишь видимость согласования: даже если подлежащее имеет определение, которое иногда (очень редко) выступает как согласованное, глагол, как правило, остается в неизменной форме (точно так же, как более удаленное от имени определение), например:

...ek hī lāphe se hamerī ākhī band ho gayā (K, 42) [*...hamārī ākhē band ho gaī*] '...от одного только подзатыльника мои глаза закрылись';

...seṭhānī kā vo caṣmā vālī chokrī aise rāt ko nāgā hamere pās sone kā āyā (K, 32) [*...seṭhānī kī vah caṣme vālī chokrī... nāgī... sone ko āī*] '...той ночью та самая очкастая дочка хозяйки совсем голая пришла, чтобы переспать со мною'.

Для неизменной формы будущего времени свойственна фиксированная назализация гласной суффикса¹⁹, например:

Ratnā, o Ratnā, ek sīgal kap piyēgā (S, 8) [*...ek hī kap piyūgī*] 'Ратна, о Ратна, я выпью только одну чашечку';

ham bī barā banēgā ham bī ek moṭar rakhēgā acchā sūt painēgā (S, 16) [*māī bhī barā banūgā māī bhī ek moṭar rakhūgā acchā sūt pahanūgā*] 'Я тоже стану большим [человеком]. Я тоже заведу автомобиль. Надену отличный костюм';

dākṭar log barā halkaṭ hotā hai. bāvan bāt pūchēgā. bekār mē pulis ko teliphūn karēgā (B, 191) 'Доктора эти — хитрый народ. Пятьдесят раз будут переспрашивать. Да еще и в полицию позвонят от нечего делать';

gam jindagi ko kaise piēgā? ham sālā gam ko piēgā! (K, 24) 'Как это печаль выпьет мою жизнь? Я сам ее (печаль), подлую, выпью!'

В отличие от нормированного хинди форма будущего вре-

¹⁹ Точно такую же форму будущего времени автору довелось наблюдать в кашмирском говоре хиндустани в г. Сринагаре.

мени всех глаголов, как правило, образуется по единой, не знающей исключений схеме, например:

gaṭhiyā bī leyēgā kāy? (S, 8) [*gaṭhiyā bhī logī kyā?*] 'Узелок тоже возьмешь, что ли?';

īmān naī hoyēgā to kaisā hoyēgā? (S, 9) [*īmān naī hogā to kaisā hogā?*] 'Совести не будет, тогда что же будет?';

Иногда назализованный *e* окончания будущего времени сужается в *i*: это наблюдается в тех случаях, когда гласный в основе глагола — долгий, например:

sālā hamerā bahan par burā najar dālīgā terā ākhi phor dālīgā! (B, 148) [...*hamārī bahan par burī nazar dā-legā, to terī ākhē phor dālīgī*] 'Если ты, негодяй, посмотришь на мою сестру, я все глаза тебе выцарапаю';

ek-ek kā pol-paṭṭī kholīgā... paṇ āj to ham bolīgā c! (K, 7) [*ek-ek kī pol-paṭṭī kholēge... bolēge hī*] 'Все тайны раскрою... Но нынче-то уж я обязательно расскажу!'

В глагольной форме настоящего времени и перфекта, в соответствии с тенденцией к элизии интервокального *h*, наблюдается стяжение вспомогательного глагола с причастием: *miltā hai>miltāy, suntā hai>suntāy, sunā hai>sunāy, log gayā hai>log gayāy*, например:

barā-barā machī to miltāy (S, 9) [*barī-barī machī to miltī hai*] 'Большая-то рыба [еще] попадает';

dar roj mīl kā cakkār mārṭāy, tab kīdar jākar do pātī māl miltāy (S, 9) 'Каждый день отмеривает целую милю, тогда еще кое-что получает';

kaprā kā to āgār lag gayāy (S, 9) 'Одежды-то набрался целый склад'.

Подобное стяжение распространяется и на имена в функции предикатива, имеющие в исходе *-ā*: *cāglā hai>cāglāy, kaisā hai>kaisāy, kāy<* [послелог *kā+hai* (при обозначении принадлежности)], например:

kītī cāglāy, Ratnā! (S, 14) 'Какая же ты красивая, Ратна!';
Yaśvant... kaisāy, Bīṭṭhal? (S, 11) 'Каков Яшвант, Биттал?';

e dūsra Bīṭṭhal kāy? (S, 16) 'А эта вторая [лодка] — Биттхал?'. Подобное стяжение отмечается в языке персонажей лишь в романе У. Бхатты.

Если имя в функции подлежащего или предикатива имеет в исходе согласную или любую гласную, кроме *-ā*, то такого стяжения не происходит: глагол выступает в своей полной форме, например:

Yaśvant kā hoḍī he, Itṭhā (S, 16) 'Это лодка Яшванта, Иттха';

Yaśvant, Ratnā kīdar he? (S, 16) 'Где Ратна, Яшвант?';

tum hāstāy Vāśī bāī, o bhārī nīc ādmī he (S, 19) 'Ты смеешься, тетушка Ванши, [а] он очень подлый человек'.

В прошедшем времени форма глагола *honā* 'быть' (*thā*) и в служебной и в самостоятельной функции подобному стяжению не подвержена:

bāpū bāp boltā thā ke... (S, 14) 'Отец ведь говорил, что...';

ham naī cāyā tha (S, 16) 'Я не хотела [этого]'; *o kāy lagan naī tha?* (S, 16) 'А разве то была не помолвка?'

Однако гораздо чаще вместо *thā* в функции как самостоятельного, так и служебного глагола употребляется форма *hotā*, например:

hāmere pās vo divas phakat ek ca rupayā hotā (K, 118). 'В тот день у меня в кармане была только одна-единственная рупия';

voc thīyaṭar mē mahārāṣṭra nātya-māḍali kā nāṭak hotā! (K, 70) 'В том самом театре шла (букв. была) пьеса драматической труппы Махараштры';

gāv kā log hāmere se ghin kartā hotā koī paṇ najik nahī āyā hotā (K, 11) 'Деревенские презирали меня. Поэтому никто и близко не подошел'.

Синтаксис бомбейского хиндустани, как правило, не знает эргативной конструкции, которая является наиболее характерной чертой синтаксического строя литературного хинди.

Иными словами, в конструкциях, ядро которых представлено перфективным причастием от переходного глагола, послелог деятеля *ne*, как правило, не употребляется, например:

[ham] matsyagandhā kā bāt sunā jarūr (S, 14) *[bāt sunī zarūr]* 'Я слышал, конечно, о Матсыгандхе';

ham jo sunāy soī boltāy (S, 18) 'Я что слышал, то и говорю';

ham tumere cehre ko rīḍ kīyā (B, 25) 'Я прочел это на твоём лице';

hamere ko... voc ek harā pattā thamāyā (K, 7) 'Мне... он же зелененькую сунул';

hamere vāste mā apnī ākkhī jindagī khatam kar diyā (K, 11) 'Из-за меня мать всю свою жизнь исковеркала'.

Спорадически послелог деятеля может употребляться с подлежащим в составе конструкции с переходным глаголом в перфективных видо-временных формах, однако в отличие от литературного хинди он никак не влияет на конструкцию предложения, например:

tum ne mahābhārāt kā kathā sunāy Yaśvant? (S, 14) (...*kathā sunī ha!*) 'Ты слышал «Махабхарату», Яшвант?';

koī ne kuc paṛā naī (S, 16) (*kisī ne...*) 'Никто ничего не читал';

garībī ne sabhī kā battī gul kar diyā (K, 43) (*sabhī kī battī gul kar dī*) 'Бедность у всех погасила радость'.

Послелог *ne* в говоре употребляется даже с такими глаголами, которые в литературном хинди считаются непреходными и, следовательно, неспособны стать ядром эргативной конструкции, например, *bolnā* 'говорить', ср.:

O nīc... bolā (S, 19) 'Этот подлец сказал...', но: **Barlikar ne mere kū bolā** (S, 19) 'Барликар сказал мне'.

Показательно, что *ne* встречается в речи персонажей, получивших какое-то образование и, следовательно, в большей или меньшей степени владеющих литературным хинди, т. е. здесь сказывается влияние литературного хинди на устную речь говора.

Таким образом, из всего сказанного о перфективных формах переходных глаголов можно сделать вывод, что употребление или не употребление с ними послелога *ne* является чисто факультативным, и это становится тем более очевидным, если учесть, что послелог *ne* в бомбейском хиндустани, при неизменяемости глагольных форм, не способен каким-либо образом влиять на структуру предложения и форму отдельных его членов.

Неизменяемость формы имени и глагола в бомбейском говоре ведет к тому, что основным средством связи между словами в предложении остаются послелоги и порядок слов. Тем большее значение в подобной ситуации приобретают те формы слов, которые сохранили способность к изменению: инфинитив и местоимения (личные, притяжательные, указательные, неопределенные).

Инфинитив в бомбейском хиндустани, как и в литературном хинди, имеет в исходе *-nā*:

ham Yaśvant kā vāste bolnā māgtāy (S, 11) 'Я стою за Яшванта' (букв. 'Я хочу говорить ради Яшванта');

Yaśvant aur Ratnā kū māgnā māgtāy sālā (S, 18) 'Хочет убить Яшванта и Ратну, подлец'.

Перед послелогом: *kū* (*ko*), *sā*, *sē*, *se* (*se*), *kā*, *par*, *kā vāste* — конечная гласная *-ā* (окончание) инфинитива изменяется на *-e*:

kāy śahāṇāpan e dekhne kū māgtāy? (S, 7) 'Какую еще роскошную жизнь хочет увидеть?';

Barsovā raine sū kāy lābh? (S, 9) 'Что толку жить (букв. от проживания) в Барсове?';

... *badlā lene kā vāste... jher diyā* (S, 48) '[Он] и затеял это, чтобы отомстить'.

Особенно широко распространены сочетания инфинитива с послелогом *kā*, которые в говоре выступают в функции не определения, как это свойственно литературному хинди, а особого оборота долженствования (предикатива с опущенным глаголом-связкой), например:

ham boltāy Ratnā kā laḡan karne kā (S, 11) 'Я говорю, надо выдавать Ратну замуж';

badmāś he. kharāb ādmī he. pulis mē bhejne kā. jel kā-tāne kā (S, 18) 'Он подлец. Испорченный человек. [Его] **на-**
до отослать в полицию. В тюрьму **посадить надо**';

Barsova mē aisā ādmī kū ralne kā naī (S, 18) 'Такому человеку **нельзя** [позволять] **жить** в Барсове'.

Следует отметить, что вообще в бомбейском говоре исключительно употребительны инфинитивные предложения, в составе которых инфинитив с послелогом *ko* (*kū*) или *ke* функционирует как бессвязочное сказуемое, во временном плане имеющее значение аориста, например:

ye log kā jindagi... jindagi c! ek purī kā vāste pās baje se sāt-āṭh baje tak mandir kā āge lāin lagāke rahne ko (K, 93) 'Как живут эти люди, разве ж это жизни! Из-за тепешки [целый день] с пяти утра до семи вечера стоят у храма с протянутой рукой';

kabristān pahūcke ādmī śātī kā sāth sone ko (K, 124) 'Человек спокойно спит только на кладбище';

Sitā māī kā beṭī-bahan log khirkī ūpar haiṭhkū jisam kā saudā karne ke (K, 122) 'Дочери и сестры матери Ситы, сидя у окошка, торгуют [своим] телом'.

Как и в литературном хинди, инфинитив принимает окончание *-e* (косвенную форму), завися от глаголов *jānā* 'идти' и *denā* 'давать', и соответственно функционируя как обстоятельство цели или дополнение, например:

tum dekhēgā, bhāg kū lene nahī jānā hoyēgā (S, 7) 'Ты смотри, [тебе] не надо ходить за судьбою (букв. идти **брат**ь судьбу)';

ham bī barā-barā tofān dekhā. kitī bār dūbā, pan machī kū āpan tan naī chūne diyā (S, 36) 'Я тоже видел сильные штормы. Сколько раз тонул, но никогда не давал рыбе **коснуться** своего тела';

sac-sac kyō naī boltā Hirā? Iṭṭhā se śādī naī karne diyā Vāśī ne (S, 80) 'Что ж ты не говоришь всю правду, Хира? Ведь Ванши ж не дала [ему] **жениться** на Иттхе'.

Вторым разрядом лексики, не утратившей способности к изменению, являются местоимения. Начнем с личных местоимений. Что касается прямой формы личных местоимений, то для них характерно неразличение единственного и множественного числа в 1-м и в 3-м лице:

Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>ham</i>	<i>ham</i>
2-е л. <i>tū</i>	<i>tum</i>
3-е л. <i>e, o</i>	<i>e, o</i>

Косвенные формы личных местоимений нередко совпадают с таковыми в стандартном хинди, в частности с местои-

мениями 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа, например:

tujkū aur kuc mālūm hotāy? (S, 49) 'Тебе известно еще что-нибудь?';

— **mujkū Vāšī kā parvāh naī...**

— **mujkū to he** (S, 69)

— 'Мне нет никакого дела до Ванши...

— А мне есть';

to ham kū pūchne kā kyā? (S, 11) 'Так зачем спрашивать меня?';

tum kū hamārā madad karne kā Vāšī bāy (S, 21) 'Вы должны помочь мне, тетушка Ванши'.

Однако гораздо чаще с послелогами, в частности с послелогом *ko* (*kū*, *kū*), употребляется косвенная форма не личного, а притяжательного местоимения: вместо *mujh*, *tujh*, *ham*, *tum* (*ko*) выступает соответственно *mere*, *tere*, *hamere*, *tumere* (*ko*), например:

āp hamere ko acchā lagtā (B, 26) 'Вы мне нравитесь';

mere kū gussā ā gayā (K, 24) 'Я рассердился' (букв. 'меня охватил гнев');

tumere ko bhī Pāḍurang ne ek sa dil diyā hai (K, 33) 'Тебе тоже всевышний дал только одно сердце';

ham kū tere kū dekhne kāy dekhne rahne kāy (S, 15) 'Мне нужно видеть тебя. Постоянно видеть';

ham boltāy tumāre kū (S, 87) 'Я тебе же говорю'.

Интересно, что прямая форма местоимения 1-го лица единственного числа в говоре не употребляется вообще. Следовательно, здесь налицо своеобразная аномалия, когда прямая форма литературного языка соответствует широко употребляемой в говоре косвенной форме личного местоимения.

Совпадают с косвенными формами стандартного хинди и местоимения 3-го лица: *e* — *iskū* (*ko*), *o* — *uskū* (*ko*), например: **dāktar boltāy uskū tillī kā bīmārī hai. fik hone kā uskū na** (S, 19) 'Доктор говорит, что у него болезнь печени. И ему уж не поправиться'.

Однако нередко с послелогами употребляется также форма прямого падежа, т. е., иными словами, здесь наблюдается стяжение форм прямого и общекосвенного падежа в единую форму, равную форме прямого падежа, например:

...jo kuc miltāy āpan kū gujārā to oī mē karne kāy na (S, 9) 'На то, что зарабатываешь, трудно прожить';

pan mere kū chokri kā cintā āhe. o kā lagan kā cintā (S, 11) 'А у меня забота о дочери. О ее замужестве'.

Что касается неопределенного и относительного местоимения (соответственно *koī* 'кто-то', 'что-то'; 'какой-то' и *jo* 'который'), то они принимают косвенную форму, точно так же как и в стандартном хинди (*kisī*, *jis*), например:

tere kū aisā bhāg kidar hone kā jo tū kisī kā rānī ban sakēgā? (S, 7) 'Зачем тебе искать судьбу, чтобы ты смогла стать чьей-то королевой?';

jis dāktar kū o dikhāyēgā uskū kuc dene par o bigār sakēgā (S, 20) 'Если кое-что дать доктору, **которому** я покажу его, тот может погубить его'.

В говоре употребительна форма возвратного местоимения — *āpun* (*āpan*), хотя исходная форма личного местоимения *āp* 'Вы' почти не употребляется.

Таким образом, развитая система послелогов в сочетании с отдельными разрядами слов, сохранивших способность к изменению и, следовательно, различению форм прямого и обшечкосвенного падежа, позволяет говору успешно функционировать в роли средства коммуникации.

В отличие от калькуттского хиндустани в бомбейском говоре не употребляется вежливая форма императива, так называемый оптатив; общепринятой формой, особенно в фамильярном обращении, является форма, равная основе глагола (как и в стандартном хинди), например, *cal* 'иди' (от *calnā* 'идти'), *jā* 'ступай' (от *jānā* 'идти'):

tū khā Yašvant, e hamko cāglā naī lagtāy (S, 27) 'Ты [сам] ешь, Яшвант, она (рыба) мне не нравится';

to hamārā pās raī (S, 32) 'Ну и живи у меня';

kyā harj he? baīṭh (S, 87) 'Ну так что же? Садись';

Paṭel bol... kyā khilāīgā āj re? (K, 2) 'Эй, Пателы Скажи-ка, чем угостишь?'.
Обычная форма вежливого приказания на -o, весьма редко употребляемая в говоре, — точно такая же, как и в стандартном хинди: *calo* 'идите', *jāo* 'идите', например:

dekho ham kaisā raitāy (S, 88) '**Смотрите**, как я живу';

āp phir kabhī āo (B, 26) 'Когда-нибудь еще **приходите**';

magar ṭhaharo sāhib log!... āp log abhī hamere ūpar meharbānī karkū jarā sabūr karo! (K, 130) 'Однако **задержитесь**, господа! Вы **извините** меня и немножко потерпите!'.
В значении строгого приказания, как и в стандартном хинди, употребляется форма инфинитива, например:

ab naī jānā (S, 84) 'Сейчас **не уходи**';

līṭhā kā khayāl rakhnā (S, 84) '**Береги** Иттху';

tum amere se hindī mē bāt karnā (B, 25) 'Ты **говори** со мною на хинди';

Kasam bhāī se kehna nahī! (K, 13) '**Не говори** брату Касиму!'.
В отличие от калькуттского хиндустани, где в изысканно-вежливой речи широко употребляется оптатив как настоящего (на -iye: *caliye* 'соблаговолите идти') и будущего [на -iegā: *caliyegā* 'соблаговолите идти (в будущем)']²⁰, — в бом-

²⁰ S. K. Chatterji, *Calcutta Hindustani...*, p. 39.

бейском говоре форма оптатива (и то лишь на *-iye*) изредка употребляется только лицами, которые стремятся тем самым показать свою «образованность» и, следовательно, свое превосходство над «невежественными» слушателями. Так, эта форма встречается в романе У. Бхатты «Море, волны и люди» в речи Маника — хвастливого и заносчивого типа, который случайно попадает в деревню, а затем, женившись на Ратне, увозит ее в Бомбей, где открывает небольшую харчевню:

«*baithiye na jarā*», *Mānik ne ūpar nigāh karke Ratnā kī or dāt niporte hue kahā* (S, 89) «**Садитесь, пожалуйста**», — сказал Маник, подняв взгляд и ослабившись на Ратну».

Таким образом, эта форма рассматривается и воспринимается как искусственная.

Из нелично-глагольных форм, кроме инфинитива, обычным в употреблении является лишь деепричастие, характерный показатель которого — суффикс *-kar* по аналогии с послелогом иногда принимает форму *kā*, например:

hamārā jamānā mē hoḍī par jākar dōl dālā naī ke dher-kā-dher machī āyā (S, 9) «В наше время, **выйдя** на лодке, не успеешь бросить сеть, как рыбы — уже навалом»; *dar roj tāri pīkar ājātāy. khabardār!* (S, 11) «Каждый день приходит, **напившись** тари. Берегись!»;

ākhī mē caṣmā lagākū cāltā kyā re? (K, 1) «Что это шляется, **напялив** на глаза очки?»;

...Saīdan se lagan kar kū ākhi jindagi imāndārī se bitāegā (K, 45) «...**женившись** на Саидан, всю жизнь честно буду жить»;

jigar ūpar hāth kī dabākū... (K, 77) «**Положа** руку на сердце...».

Причастные формы в функции определения и особенно обстоятельства практически не употребляются.

Структура сложных глаголов (интенсивных, потенциальных, комплсивных) в говоре ничем не отличается от структуры подобных глаголов в стандартном хинди:

...tū kisī kā rānī ban sakēgā (S, 7) «...ты сможешь сделаться чьей-нибудь королевой»;

hamārā terā lagan pailē ho cukāy Ratnā (S, 16) «Моя [и] твоя помолвка состоялась [еще] раньше, Ратна»;

dūsri dafā ham bhī sālī ko kabūtar-sarikhā dabā liyā (K, 42) «В другой раз я тоже, как голубку, **зажал** ее, подлую».

Формы сослагательного наклонения по существу совпадают с формами указанных наклонений, употребляемыми в литературном хинди; различие заключается лишь в том, что они, как и другие глагольные формы говора, утратили способность к изменению, и в них уже не наблюдается много-

образия, обусловленного видовыми оттенками передаваемого действия, например:

āpan kisī ko burā kyā bole? (K, 61) 'К чему бы стал наговаривать на человека?';

vo dīn hī ham kū bolā nahī. nahī to sālā ham terā khūn pī jātā (B, 148) '[Хорошо], что не сказал мне в тот же день. Не то, негодяй, я б всю кровь у тебя выпил'.

Таким образом, система глагольных форм, обычно употребляемых в говоре, распределяется следующим образом:

Таблица

Время Наклонение	Настоящее	Прошедшее несовершенное	Перфект	Прошедшее совершенное	Давно-прошедшее	Будущее
Изъявительное	<i>caltay</i> <i>caltā hai</i>	<i>caltā thā</i> <i>caltā hotā</i>	<i>calāy</i> <i>calā hai</i>	<i>calā</i>	<i>calā thā</i> <i>calā hotā</i>	<i>calēgā</i>
Повелительное	<i>cal</i> (ед. ч.) <i>calo</i> (мн. ч.)					
Сослагательное Условное	<i>calē</i> <i>caltā</i>					

Если учесть многообразие глагольных форм в литературном хинди, особенно в сослагательном и условном наклонениях, то ясно, что глагольная система в говоре предельно упрощена.

Порядок слов в предложении ничем не отличается от стандартного хинди, т. е. ему свойственна рамочная (закрытая) конструкция, когда подлежащее и сказуемое размещаются на различных концах предложения: первое — в начале, второе — в самом его конце. Отступления от обычного порядка слов (различного рода инверсии) служат целям эмпазы.

Таким образом, если с точки зрения грамматики принадлежность этой местной разновидности речи к хиндустани, базирующемуся в конечном итоге на кхари-боли — диалекте района Дели — Мератха, не вызывает сомнений, то тем не менее бомбейский говор несет на себе отчетливо выраженную печать маратхи, языка, в ареале которого он функционирует.

По литературным источникам трудно что-либо сказать о влиянии маратхи в области фонетики, так как письмо деванагари, хоть и является в основе своей фонетическим, не способно отразить всего многообразия звучаний, в частности краткости таких гласных, как *e*, *ai*, *au*, *o*; оно не имеет зна-

ка для изображения церебрального / (что в маратхи изображается особым знаком), ритма речи и т. д. Однако не подлежит сомнению, что такое влияние имеет место, и именно оно, это влияние, прежде всего обращает на себя внимание человека, чьим родным языком является кхари-боли. Кроме того, как весьма убедительно показал С. К. Чаттерджи в своей работе о калькуттской разновидности хиндустани²¹, представители различных наций, использующие говор в качестве средства коммуникации, привносят в него звуковой «колорит» своего родного языка, элементы его фонетической системы (у С. К. Чаттерджи в качестве примера приведены образчики калькуттского хиндустани в устах англичанина, китайца, орисца и тамила). Элементом такого колорита в речи Ганапата — героя повести «Голубятня», выходца из Сатары (Махараштра), служит церебральное *n* в исходе многих слов: *paṇ* 'однако', 'но', *rāṇ* 'проститутка', *koṇ* 'кто'.

Что же касается влияний маратхи в области лексики и грамматики, то они прослеживаются в говоре весьма отчетливо.

Прежде всего о лексике. Конечно, основу словарного состава говора составляет лексика стандартного кхари-боли, исконно индийская (*тадбхава*) или некогда заимствованная из иранских языков и ныне уже полностью ассимилированная. Слова санскритские (*тамсма*) в говоре не встречаются. Глагольная лексика, местоименные формы, числительные целиком и полностью совпадают с подобным же слоем словарного состава стандартного кхари-боли (в чем можно убедиться на приведенных выше примерах). Несколько иначе обстоит дело с именами. Конечно, каждое имя (существительное или прилагательное) стандартного кхари-боли может быть употреблено в местной речи, однако не всякое будет понято слушателем. В то же время слова маратхи стали общеупотребительными и единственно возможными в данном значении. Так, в речи персонажей анализируемых произведений встречаются такие слова, относящиеся к лексическому составу маратхи (а не кхари-боли), как:

S: *hoḍi* [*nāo*] 'лодка', *ḍol* [*jāl*] 'сеть', 'невод', *macvā* [*baṛi nāo*] 'большая лодка', 'баркас', *sukāṇu* [*patvār*] 'руль', *śīd* [*mastūl*] 'мачта', *kāthī* [*pāl*] 'парус', *khābhā* [*machli pakarne kī rassī*] 'бечева', 'леска', *uṣir* [*der, vilamb*] 'задержка', 'опоздание', *cāglā* [*sundar, khūbsūrat*] 'красивый', *jher* [*zahar, viṣ*] 'яд, отравка', *ākhā* [*sārā*] 'весь', *paṇ* [*par, lekin*] 'но, однако', *tāgrā* [*bimār*] 'больной', *bum* [*gapp*] 'болтовня', *popaṭ* [*suā*] 'попугай', 'попка', 'болван';

B: *dāo* [*cākū*] 'нож', *dākhilā* [*doṣ*] 'обвинение', *gadhlā* [*bevakūf*] 'глупый', 'дурак', *ḍoka* [*sir*] 'голова', 'башка', *kā-*

²¹ Ibid., p. 19.

dā [pyāz] 'лук', *baṭāṭā* [ālū] 'картофель', *naorā* [pati, kha-sam] 'муж', *naorī* [dulhan] 'невеста', *porā* [larkā] 'мальчик', *porī* [larkī] 'девушка', *bhākhṛā* [bench] 'скамья', *lahān* 'меньшой', *rērā* [bhālsā] 'буйвол';

К: *āī* 'мать', *ūdīr* [cūhā] 'крыса', *dhanī* [mālik] 'хозяин', *moṭhā* [barā] 'большой', *tār* [ghās] 'травя', *rajā* [chutṭī] 'отпуск', *raṇe* [ronā] 'плакать', *mūlī* [bacchī] 'девочка', *baidā* [āḍā] 'яйцо', *bāī* [aurat] 'женщина', *aṭhvāḍīyā* [saptāh, haftā] 'неделя', *sakhar* [cinī] 'сахар', *pappī* [cumban] 'поцелуй', *lāphā* [thappar] 'подзатыльник', *saṭrāji* [dari] 'ковер', *dāgar* [sūar] 'свинья', *pīrū* [amrūd] 'гуява [дерево]', *mākar* [bandar] 'обезьяна', *kōbaḍī* [murgī] 'курица', *bāyko* [patnī] 'жена', *māhitī* [jānkārī] 'знание', 'осведомленность', *bāoṭā* [jhāḍī] 'флажок', *kuttarā* [kuttā] 'собака', *sapharcand* [seb] 'яблоко', *tōḍ* [mūh] 'лицо, рот'.

Широко употребляются заимствования из английского языка: *ḍāktar* 'врач', *menejar* 'управляющий', *hoṭel* 'харчевня', *haspatāl* 'больница', *yuniyan* 'союз', *sigareṭ* 'сигарета', *ṭikiṭ* 'билет', *phokaṭ* 'карман', *mārkiṭ* 'рынок', *madar* 'мать', *phadar* 'отец', *hasbeṇḍ* 'муж' и т. п.

Однако маратхское влияние на говор проявляется не только в лексике; в определенной степени маратхи влияет и на грамматические формы, бытующие в говоре. Так, наряду с *he* — формой настоящего времени глагола *honā* 'быть' — встречается и форма *āhe*, типичная для стандартного маратхи, например:

...*mere kū chokri kā cintā āhe* (S, 11) 'У меня [есть] забота о дочери';

hā, bol bhāī, kāy kathā āhe? (S, 35) 'Да рассказывай, брат, что [там] за история [есть] у тебя?';

tumārā kathā adbut āhe (S, 43) 'Твой рассказ — (это [есть] что-то) потрясающее!';

Далее, наряду с причастиями прошедшего времени на *-ā* (*bolā, calā* и т. д.), характерными для стандартного хинди, в местной речи нередко встречаются причастия, образованные по нормам маратхи — на *-elā*: *likhelā* от *likhnā* 'писать', *paṛelā* от *paṛhnā* 'читать' и т. п., например:

pan tū paṛelā-likhelā naṭ (S, 15) 'Но ты же неграмотный';

cār divas kā p̄che barā muškil se sālā ṭikiṭ milelāy (S, 90) 'Только через четыре дня с большим трудом получил билет';

...*ākhā sāsār bigaṛelāy, Biṭṭhal* (S, 95) '...весь мир испортился, Биттхаль';

ākkhā jindagi seṭh lok kā jūṭhā bhāḍī ghasne mē kōhaḍī kā āḍā-sarikhā phūṭ gayelā (K, 59) 'Вся жизнь развалилась, как куриное яйцо, пока чистил у подрядчиков грязную посуду';

paṇ āj jo kuch ham boltā hai, hamerā tūtelā-phūtelā dil boltā hai (K, 58) 'Все рассказываю сегодня, это говорит мое разбитое сердце'.

Наконец, влияние маратхи прослеживается и в области синтаксиса: наряду с обычной для говора конструкцией должествования «инфинитив+*kā*», описанной выше, которая выступает вместо стандартной «инфинитив+*paṇā*», в бомбейском хиндустани употребляются еще две конструкции, из которых одна—свойственная стандартному кхари-боли, основной конструктивный элемент другой взят из маратхи. Конструкция, свойственная кхари-боли, состоит из инфинитива и формы глагола *honā*, например:

samajh le Bittḥal, tere kū mār=mārkar tīk karnā hoy-ēgā (S, 31) 'Пойми, Биттхаль, тебя, [видно], нужно будет исправлять битьем';

ab jānā hoyēgā, Jāglā (S, 65) 'Сейчас нужно будет идти'.

Конструкция, основной конструктивный элемент которой заимствован из маратхи, состоит из имени или инфинитива (а не причастия на *-l-*, как в маратхи) и характерного для конструкций такого рода маратхского недостаточного глагола *pāhije* (который в говоре часто принимает форму *pāije*) 'требуется', 'должно'. Этот глагол равен по значению и функции форме *cāhiye* стандартного кхари-боли, однако эта последняя никогда не употребляется в говоре, будучи, видимо, окончательно вытесненной маратхским недостаточным глаголом:

ham kū aisā ādmī naī pāhije (S, 31) 'Мне не нужен такой человек';

us kū aurat pāhije (S, 73) 'Баба нужна ему';

itnā jaldī dhandhā badalnā naī pāije (S, 56) 'Не надо так быстро менять занятие'.

Таковы, вкратце, специфические черты бомбейской разновидности хиндустани, как они зафиксированы в литературе хинди, изображающей жизнь Бомбея—этого космополитического города и его предместий—и воспроизводящей речь его обитателей такой, как она есть.

Что касается воздействия разговорно-бытовых, в том числе и бомбейской, форм хиндустани на литературный хинди, то этот вопрос не может быть сведен к влиянию лишь одного говора—калькуттского, бомбейского или какого-либо другого. Такие «базар хиндустани» («базарный хиндустани») в той или иной степени имеются в каждом крупном городе Северной Индии, будь то Дели, Амритсар, Лакнау или Патна, где высок процент иноязычного населения, для которого хинди не является родным языком. В каждом таком городе этот «базарный хиндустани» выступает в особой форме, которая в большей или меньшей степени отличается от стандартного кхари-боли. Эти говоры—особые разговорно-бытовые фор-

мы языка, широко бытующие в речи городского населения Северной Индии, без сомнения, влияют на литературный хинди, ибо именно речь, звучащая на рынке и в других местах массового стечения разноязычного населения, служит тем источником, откуда городское население (и писатели в том числе) черпают новые, необычные слова и обороты, которые затем, проникнув в литературу, постепенно приобретают там «права гражданства». Это влияние разговорно-бытовых, в том числе жаргонных, форм речи проявляется прежде всего в лексике. В своей работе по калькуттскому хиндустани С. К. Чаттерджи отмечает, что именно «базарному» языку Калькутты литературный хинди обязан тем, что в его лексику прочно вошли такие ныне широко известные по всей Северной Индии слова, как *gamachā* 'полотенце', *rasgulla* 'расгулла' (название сладости, изготовленной в виде белых сочных шариков из творога, сахара и приправ), *bāglā* 'особняк', 'бунгало' и др.

Видимо, также «базарному хиндустани», только бытующему на противоположном конце Индии — в Бомбее, литературный хинди обязан такими приобретениями, как *cāglā*, получившее здесь значение 'крепкий', 'здоровый', *cāl* 'доходный дом, который сдают внаем отдельными комнатами' и др.

В. А. Чернышев

ПРОСТОРЕЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СИНТАКСИСЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ХИНДИ

Для хиндиязычных областей Индии просторечие — это разговорно-бытовая речь городского населения (в деревне безраздельно господствует соответствующий территориальный диалект), сложившаяся на основе взаимодействия многих, подчас весьма разнородных диалектов, — взаимодействия, регулируемого общими нормами литературного языка. Находясь под его нивелирующим воздействием, просторечие в свою очередь влияет на литературный язык, служа своеобразным передаточным звеном между территориальными диалектами и жаргонными формами речи, с одной стороны, и литературным языком, с другой. Социально-речевые стили разговорно-бытовой речи, пополняясь из диалектов и говоров, обычно служат тем каналом, через который отдельные просторечные элементы, удовлетворяя возникшую потребность, могут стать достоянием литературного языка. Так, видимо, через городское просторечие в литературный хинди из калькуттского говора хиндустани вошли такие, ныне широко известные по всей Северной Индии, слова, как *gamachā* 'полотенце', *rasgullā* 'расгулла' (вид сладостей), *bāglā* 'особняк', 'бунгало', а из бомбейского говора — *cāglā* 'крепкий', 'здоровый', *cāl* 'доходный дом, который сдают внаем отдельными комнатами' и пр.¹. От диалектизмов просторечные слова отличаются тем, что они бытуют не в каком-либо одном говоре, а распространены по всей хиндиязычной территории.

Но не только лексикой обязан литературный хинди разговорно-бытовым формам хиндустани. Из разговорной речи города в литературный язык проникают и некоторые конструкции. Неправильные с точки зрения строгих грамматических норм хинди, эти конструкции, однако, настолько живу-

¹ См. нашу статью *Некоторые черты бомбейского говора хиндустани* в данном сборнике.

чи в речи, что все более закрепляются в литературном употреблении, становясь своеобразной нормой языка. Это относится к форманту *vālā* (точнее, суффикс *-val-* и окончанию *-ā*) и формам соединения слов в аппозитивном словосочетании.

В своей работе, посвященной калькуттскому хиндустани, С. К. Чаттерджи отмечает, что самым распространенным формантом в этом говоре является *vālā*, часто употребляемый с тем или иным словом без всякой на то необходимости, и высказывает предположение, что подобное явление возможно благодаря англо-индийскому влиянию (т. е. влиянию англо-индийской прослойки населения, появившейся в Индии как результат смешанных браков и использующей для общения с индийским населением одну из жаргонных форм хиндустани). В качестве примера приводится употребление *vālā* с прилагательным: *paṇāṣvālā*, *acchāṣvālā* вместо обычных *paṇā*, *accha* (соответственно 'новый', 'хороший')².

Формант *vālā* широко употребляется в литературном хинди.

Литературной нормой является образование от инфинитива посредством этого форманта причастия со значением настоящего (иногда с оттенком будущего) времени или со значением намерения. Такое причастие может употребляться в атрибутивной функции: *aktūbar mē honevālā sammelan* 'конференция, **проходящая** (которая будет **проходить**) в октябре', однако чаще функционирует в роли предикатива (так называемое причастие намерения): *kal māt Dillī jāne vālā hū* 'Завтра я намереваюсь отправиться в Дели'.

Субстантивируясь, такое причастие приобретает значение имени деятеля: *gānevālā* 'поющий', 'певец'; *nācne vālī* 'танцующая', 'танцовщица'.

Нормой литературного хинди является также употребление *vālā* с именами существительными — настолько широкое, что *vālā* нередко вытесняет послелог *kā*. Имя существительное — название предмета, обозначающего характерный, наиболее показательный признак другого предмета, употребляется в сочетании с формантом *vālā* в функции определения к имени — носителю этого признака, например:

ainak vālā ḍāktar 'доктор **в очках** (**очкастый** доктор)';

khur vālā jānvar 'копытное животное'.

Имя существительное — компонент атрибутивного сочетания с *vālā* по общему правилу принимает форму косвенного падежа (как перед любым послелогом):

āgoche vālā vyaktī 'человек **с полотенцем**';

īṭh vālā farś 'кирпичный пол (пол из кирпичей)'.

² S. K. Chatterji, *Calcutta Hindustani, A study of a jargon dialect*, — «Indian Linguistics», vol. I, pts II—IV, 1931, p. 42.

Слово, выступающее в составе атрибутивного сочетания с *vālā*, в свою очередь может иметь при себе определения и другие зависящие от него слова, образуя, таким образом, целый атрибутивный оборот, который обозначает комбинированный характерный признак определяемого слова, например:

safed dārhi vālā kisān 'крестьянин с седой бородой (седобородый крестьянин)';

lāl nāk vālā dukāndār 'торговец с красным носом (красноносый торговец)';

baṛī-baṛī ākho vālī larkī 'девушка с большими глазами (большеглазая девушка)'.
Более того, с помощью форманта *vālā* может функционировать как определение к имени даже целое предложение, например:

māl ne dūsri bāt cherī: «*roo mat, roo mat, māl sitambar mē phir āūgā*» *vālā kissā kyā hai?* (S, K.g., 115) 'Я перевел разговор на другую тему: «Что это за история: „Не плачь, не плачь, в сентябре я опять приеду“?»';

yah to «*beṭā māgne gaī, bhatār gāvākar āī*» *vālā hāl ho gayā* (H, N.b., 311) 'Положение стало, [как в пословице]: «Пошла вымаливать ребенка, а вернулась, потеряв мужа»';

«*āndhō ke āge roye apne paine khoeye*» *vālī kahāvat caritārth hui* (J, 27.III.1960) 'Подтвердилась поговорка: «Перед слепым плакать — только глаза портить»'.

Однако *vālā* в разговорной речи начинает употребляться с такими лексико-грамматическими разрядами, которые в этом совершенно не нуждаются: прилагательными (упоминание об этом в работе С. К. Чаттерджи мы уже приводили выше), притяжательными и указательными местоимениями и порядковыми числительными. Таким образом, максимально упрощая грамматические формы слов, разговорно-бытовая речь городских низов способствует развитию плеоназма, проникающего затем и в литературный язык. Прежде всего такой плеоназм характерен для речи разносчиков в торговых рядах и на железнодорожных станциях Индии, например:

us dūkān par baiṭhā ek ādmī sāmne se guzartī hui bhīr ko dekhkar cillā rahā thā — «*har māl milegā, chaḥ ānā, chaḥ ānā, jī, chaḥ ānā. sastā vālā chaḥ ānā, baṛhiyā vālā chaḥ ānā*» (H, N.b., 160) 'Какой-то сидевший у лавки человек, глядя на сновавшую мимо толпу, кричал: «Любой товар — шесть ан, шесть ан, почтенный, шесть ан. Дешевый — шесть ан, отличный — шесть ан»'.

Из говора формант *vālā*, употребляющийся с прилагательными, проникает в городское просторечие хиндиязычного ареала (Бенарес, Аллахабад, Лакнау, Дели), где оба компонента этого своеобразного сложного определения начинают изменяться по нормам литературного хинди, т. е. в соответствии с грамматическими категориями определяемого (род,

число, падеж), например, в речи нигде не учившихся горожанок:

«*āp ke ghar ke pās hī jo pān vālā hai na, us ke bagāt se jo rāstā dāhinī taraf ko gayā hai us par pahlā ghar, vah lāl vālā bāglā, merā hai*» (А, В, 236) 'На улице, что идет вправо, там еще лавка торговца бетелем возле вашего дома, так вот, первый дом на ней, вон тот **красный** особняк, — это и есть мой';

«*vah naī vālī upādhāyin to itnī cugul hāī ki do dīn se roj dopahar ko mere pās ātī hāī aur āp ke bāre mē pūchā kartī hāī*» (М, М, 52) 'А эта **новая** жена Упадхьяя такая хитрая, что вот уже два дня все приходит ко мне и спрашивает-расспрашивает о вас'.

Из просторечия городских низов плеонастическое употребление *vālā* с прилагательными проникает в речь интеллигенции — людей, окончивших школы (где на низших ступенях, как известно, преподавание ведется на хинди), колледжи или университеты в таких хиндиязычных городах, как Бенарес или Аллахабад. Приведенные ниже примеры — это образцы речи интеллигенции, выписанные из современных произведений художественной литературы хинди:

«*vahī do cār sinemāghar hāī, un mē vahī ghise-piṭe unnīsūī sadī ke pikcar, saste vāle āgrezī śtaṇṭ...*» (R, U.I., 173) 'Те же три-четыре кинотеатра, в них [идут] те же избитые картины прошлого столетия — **дешевые** английские боевики...';

«*barī pareśāntī huī hogī āj, pahle purāne vāle makān mē jānā parā hogā?*» — *cintit hokar Saroj pūchti hai* (S, K.g., 52) 'Наверно, большое сегодня беспокойство. [Вам], верно пришлось сначала тащиться в [наш] **прежний** дом?» — озабоченно спрашивает Сародж'.

Наконец, из городского просторечия, которое вначале фиксируется лишь в речи персонажей, формант *vālā*, присоединяемый к прилагательным, постепенно проникает и в авторский текст:

«*kisī ne khirkī par hāth mārkar mujhe bulāyā. vah lambā vālā larkā thā*» (R, S.d., 46) 'Кто-то, вызывая меня, постучал в окно. Это был тот самый **длинный** мальчишка';

«*isī liye māl ne us lambe vāle patr mē ant mē likhā thā...*» (D, T.h., 56) 'Поэтому в самом конце того **длинного** письма я и написал...';

«*...aur der tak uskī samajh mē hī na āyā ki... sīrhiyō par carhtī do bahut lambī — lambī chāyāō mē choṭī vālī chāyā ke liye us ke man mē uṭhtī bhāonā pyār hai yā pratihīśā*» (R, K.k., 206) '...и долго еще никак не мог понять... что же это за чувство: любовь или ненависть, что поднимается в его душе к **меньшей** из двух длинных теней, карабкавшихся по ступенькам...';

Употребление *vālā* с прилагательными не меняет значения слова, а имеет плеонастический (по существу же — экспрессивно-стилистический) характер, благодаря чему одно и то же прилагательное выступает то с *vālā*, то без него:

«*ammā, phūldār acchī vālī dhotī nikālū ki lāl kināre vālī moṭī?*

— *are moṭiyā vālī nikāl lo. phūldār vālī vahī to ek acchī dhotī hai, mere pās kahī kār kām-vām pare to*» (О, К., 74)

‘— Мам, **цветастое** хорошее сари доставать или **грубое** с красной каймой?

— Э-э, доставай **грубое**: **цветастое-то**, оно у меня единственное *хорошее* сари: а вдруг какое дело случится?..’

Плеонастический характер носит также употребление форманта *vālā* и с порядковыми числительными, однако, не меняя смыслового содержания слова, *vālā*, как всякий послелог, обуславливает изменение конечного *-ā* порядкового числительного на *-e*, например:

pahle vālā lāudā baith gayā aur apne ghūghrū khol rahā thā (Н, N.b., 253) ‘**Первый** малыш уселся и стал отвязывать свои бубенчики’;

koṭhī ke dūsre vāle sire par ek kainṭin hai (R, U.1., 89) ‘На противоположной (букв. **другой**) стороне здания находится (общедоступная) столовая’.

Наконец, формант *vālā* употребляется с притяжательными местоимениями. Употребление *vālā* с местоимениями носит несколько иной характер, иначе говоря, наметилось и ясно ощущается определенное семантическое различие между местоимением, употребленным самостоятельно, и тем же местоимением, осложненным формантом *vālā*: первое обозначает принадлежность как право собственности, второе — принадлежность как временное, обставленное определенными условиями пользование чужим имуществом, например, *merā* ‘мой (т. е. принадлежащий мне)’, *mere vālā* ‘мой (т. е. используемый мною, но принадлежащий другому лицу)’. В употреблении с этим относительно узким разрядом лексики *vālā* обуславливает изменение конечного *-ā* местоимения на *-e*; в дальнейшем изменениям подвергается лишь окончание второго компонента этого сочетания, т. е. форманта *vālā*: *hamāre vālā ghar* ‘**наш** дом’, но *hamāre vālī koṭhri* ‘**наша** обитель’, например:

«*pāpā kā ghal acchā nahī hai, māmī, hamāle vālā ghal acchā hai*» (М, Е.з., 194) (речь ребенка, который не выговаривает *r*, заменяя его на *l*: *ghal* вместо *ghar*, *hamāle vālā* вместо *hamāre vālā*) ‘Папин дом нехороший, а вот **наш** дом — хороший’;

«*abbā, ye niclī māzil mē hamāre vālī koṭhri mē rahte hāl*» (М, А. к., 30) ‘Отец, он живет на нижнем этаже **нашей** обители’;

«*ab māi ne... tumhāre vālī yah sārī nikāl kar pahan lī thī...*» (М, А.к., 174) 'Я только достала и надела **ваше** сари'.

Такое употребление форманта *vālā* встречается не только в речи персонажей (как в приведенных примерах), но уже и в авторском тексте, и это служит убедительным свидетельством того, что такая функция *vālā* все прочнее закрепляется в литературном языке, приобретая характер неписаной нормы, например:

us ke jāne ke bād Nilimā ghūghrū bādhe hue mere vāle kamre mẽ ā gaī (М, А.к., 266) 'После того, как он ушел, Нилима, повязав [на ноги] бубенчики, вошла в **мою (занимаемую мной)** комнату';

hamāre vālī mez bilkul andhere mẽ ghir gaī (М, А.к., 449) '**Наш (занимаемый нами)** столик окружала полная темнота';

apne vāle kamre mẽ... pahūckar Dūgarsīh ne sandūkh kholā (Š, Н., 185) 'Придя в **свою (предоставленную ему)** комнату... Дунгарсинх открыл сундук'.

Вероятно, такая семантическая дифференциация притяжательного местоимения, употребленного самостоятельно и в сочетании с формантом *vālā*, представляет характерную черту не какого-либо отдельного говора одного из городов Северной Индии, а городского просторечия вообще. Это явление зафиксировано в языке различных писателей, хорошо знакомых с городским просторечием и старающихся отразить речь простого народа в своих произведениях. Большинство примеров взято из произведений Мохана Ракеша — уроженца Лахора, исколесившего в поисках работы всю Северную Индию: Дели, Джодхпур, Джалландхар, Бомбей; последний пример выписан из романа «Капрал» Шайлеша Матияни — уроженца Гархваля, также имевшего возможность близко познать городское просторечие в таких городах, как Бомбей и Дели.

Таким образом, влияние форм речи, бытующих в говорах Калькутты и Бомбея, — городов, расположенных за пределами лингвистических границ хинди, и городского просторечия хиндиязычных областей отражается в литературном языке в широчайшем употреблении форманта *vālā*, носящего плеонастический или смысловозначительный характер, с такими частями речи, которые и без помощи вспомогательных грамматических средств способны выступать в функции атрибутивного определения — функции, которая для них по существу является основной, типичной.

Просторечие влияет также на форму зависимого слова аппозитивного сочетания, если последний выражен личным местоимением, а связь между компонентами осуществляется посредством союзного слова *jaisā* 'такой как'.

По нормам литературного хинди личное местоимение (1-го и 2-го лица единственного и множественного числа), высту-

лая зависимым компонентом аппозитивного словосочетания, перед *jaisā* принимает форму косвенного падежа, соответственно в единственном числе *māl—mujh*, *tū—tujh*; во множественном числе форма остается неизменной: *ham—ham*, *tum—tum*, например:

mujh jaisā ādmī 'такой человек, как я'; *tujh jaisī lar-kī* 'такая девушка, как ты';

...*jine ke liye mujh jaisī aurat ke āge apnā śarīr be-ne ke sivā koī cārā nahī* (Š, B.b., 139) '...Чтобы жить, перед **такой** женщиной, как я, нет другого пути, как продавать свое тело'.

Однако под влиянием городского просторечия (в чем, вероятно, немалую роль сыграли и жаргонные формы речи) в последние десятилетия личные местоимения все интенсивнее вытесняются притяжательными местоимениями, употребление которых в этой функции, бывшее в недавнем прошлом достоянием лишь разговорной речи³, все прочнее утверждается как норма литературного языка: вместо *mujh jaisā* — *mere jaisā* 'такой, как я', вместо *tujh jaisā* — *tere jaisā* 'такой, как ты'; вместо *ham jaisā* и *tum jaisā* — соответственно *hamāre jaisā* 'такой, как мы' и *tumhāre jaisā* 'такой, как вы', например:

rājnī kī ṭeṛhī-merhī pagdaṇḍiyō par calnā mere jaisī lar-kiyō kā kām nahī (M, J.I., 200) 'Бродить по извилистым тропкам политики — это занятие не для **таких** девушек, как я';

...*tere jaisī dharma-parāyaṇ putrī ko janm diyā* (S, T, 279) '...дал жизнь **такой** верующей дочери, как ты';

yah kām tumhāre jaise yuvā ādmī ko diyā gayā (M, A.k., 338) 'Это дело поручено **такому** молодому человеку, как вы'.

Далее, влияние просторечия сказывается и в том, что в литературный хинди начинают проникать конструкции, компоненты которых «скреплены» посредством местоименной связи: личное местоимение вводит в предложение имя существительное — название предмета речи, которое является исходным пунктом для развертывания фразы и независимо от функции всегда открывает предложение⁴; само же местоимение, представляя собой своеобразный «повтор» этого имени, может стоять в форме как прямого, так и косвенного падежа в зависимости от функции этого специфического, сложного члена предложения. Обычно предложения с место-

³ См. D. C. Phillott, *Hindustānī stepping stones*, [Allahabad, 1908, p. 69.

⁴ В русской грамматической литературе этот своеобразный компонент получил название «именительного представления» («*Грамматика русского языка*», т. II, ч. 2, М., 1954, стр. 71—73) или «лекторского падежа» (А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, М., 1938, стр. 450).

именной связью встречаются в речи персонажей как отражение норм просторечия хинди, например:

«*aur yahā yah llāhābād vālā bāglā, uskā kyā hogā?*» (В, В.с., 468) 'А здесь этот алахабадский особняк, что будет с ним?';

pājābī kharā ho gayā — «*yah baccī, iskā māl kyā karū-gā?*» (D, С.1., 96) 'Пенджабец поднялся: «Эта девочка, что я с ней буду делать?»';

«*vāsanāmayī nārī, māl use zahar samajhtā hū, māl us se grṇā kartā hū*» (D, С.1., 202) 'Коварная женщина, я считаю ее отравой, я ненавижу ее'.

Сууществительное как компонент исследуемой конструкции может иметь в предложении не только простые определения — прилагательные или местоимения (как в приведенных примерах), но и целые придаточные предложения, например: «*ek heḍklārḱ jis ke nice kitne hī bābū aur caprāsī kām karte hō, uskī tūlnā ek kasālū vāle se kar dī jāy*» ... (О, К., 69) 'Главный клерк, под [начальством] которого сколько б ни служило бабу и рассыльных, его можно сравнить с кондитером, приготовляющим винегрет...'.⁵

Однако такие конструкции уже можно встретить и в авторской речи, где они используются как особый стилистический прием, позволяющий сосредоточить внимание читателя на имени субъекта, выделить его как особо важный предмет речи, иначе говоря, сфера употребления таких предложений расширяется⁵, например:

Šijīnī — uskā sādarya sādhyā-gagar ka sādarya thā (D, С.1., 197) 'А Шиджини — ее красота была [подобна] красоте вечернего неба';

deotā yuvārāj — jaise kisī ne uske ghāvō mē namak bhar diyā ho (D, С.1., 198) 'А божественный принц — будто кто-то посыпал солью его раны';

Sofi jo dayā aur prem kī sajīv mūrti thī kyā vah mujhe Klārḱ ke sāmne bulākar pairō se kucalnā cāhtī hai? (Р, R., 10) 'А Софи, которая была живым воплощением милосердия и любви, неужели она хочет унижить меня перед Кларком?'.

В отличие от панджаби⁶ конструкция с местоименной связью еще не стала нормой литературного хинди и до сих

⁵ То же подтверждается Гуру. См. К. Р. Гуру, *Hindī vyākaraṇ*, 200.) (1952), стр. 657—658.

⁶ В панджаби, по мнению Ю. А. Смирнова, подобные конструкции уже полностью стали нормой литературного языка и употребляются во всех стилях речи. См. Ю. А. Смирнов, *Сложноподчиненное предложение с придаточным определительным в современном панджаби*, — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», № 39, 1963, стр. 177—178.

пор ощущается как элемент просторечия, даже если она употребляется в авторской речи.

Из устной речи городского населения восточных областей распространения хинди (Бенарес, Бихар) в городское просторечие хиндустани проникла и ныне широко употребляется конструкция с плеонастическим придаточным предложением, которое состоит из относительного местоимения *jo* и *hai* — личной формы глагола *honā* 'есть' (3-е л. ед. ч. изъяв. накл.). Такое плеонастическое придаточное предложение не несет никакой смысловой нагрузки, а употребляется лишь как ритмико-интонационное средство, позволяющее сгладить резкий переход от изолированного имени субъекта, называющего лицо или предмет, к основной структуре предложения, где содержится сообщение или суждение об этом предмете, например:

«*Banāras jo hai us mē bahudhā hindū log rahte hāi*» (из наблюдений автора) «Бенарес (который есть), в нем большей частью живут индусы»;

«*aur mere pās itnā sāmān jo hai iskā kyā loge?*» (С, с., 12) 'А при мне багаж (который есть), сколько возьмешь за него?';

«*yah mīsr jo hai na in ke ūpar āj-kal barī mastī chāī hui hai*» (О, К, 16) 'А этот Мисир (который есть), вот, над ним [словно] опьянение витает'.

Сфера употребления конструкций с плеонастическим придаточным пока ограничена лишь устной речью и в литературе обычно встречается лишь в диалоге как отражение норм живого разговорного языка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- A. B — अमृतराय, "बीज" (उपन्यास), हंस प्रकाशन, इलाहाबाद, १९५६
B, B.c. — भगवतीचरण वर्मा, "भूले-बिसरे चित्र" (उपन्यास), राजकमल प्रकाशन, दिल्ली, १९५६
C. c. — चुटपटे चुटकुले, मद्रास, १९३३
D, C.l. — धर्मवीर भारती, "चाँद और टूटे हुए लोग" (कहानी-संग्रह), किताब महल, इलाहाबाद, १९५५
D, T.h. — धर्मवीर भारती, "ठेले पर हिमालय", भारती प्रेस प्रकाशन, इलाहाबाद, १९५८
J — जन-युग (साप्ताहिक), लखनऊ
H, N.b. — हिमांशु श्रीवास्तव, "नदी फिर बह चली" (उपन्यास), हिन्दी प्रचारक, वाराणसी, १९६१
M, A.k. — मोहन राकेश, "अंधेरे बन्द कमरे" (उपन्यास), राजकमल प्रकाशन, दिल्ली, १९६१
M. E.z. — मोहन राकेश, "एक और जिंदगी" (कहानी-संग्रह), राजकमल प्रकाशन, दिल्ली, १९६१

- M, J.l. — मंगलदेव, “ज्वाला की लपटें” (उपन्यास), पुस्तक लोक, दिल्ली, १९५७
- M, M — मार्कण्डेय, “माही” (कहानी-संग्रह), नया साहित्य प्रकाशन, इलाहाबाद, १९६२
- O, K. — ओंकारनाथ श्रीवास्तव, “कालसुन्दरी” (कहानी-संग्रह), राजकमल प्रकाशन, दिल्ली, १९५८
- P, R — प्रेमचन्द, “रंगभूमि” (उपन्यास), भाग २, अर्धक्ष गंगापुस्तकमाला, लखनऊ, १९५५
- R, K.k — राजेन्द्र यादव, “किनारे से किनारे तक” (कहानी-संग्रह), आत्माराम, १९६३
- R, S.d. — रघुवीर सहाय, “सीढ़ियों पर धूप में” (कहानी-संग्रह), भारतीय ज्ञानपीठ, काशी, १९६०
- R, U.l. — राजेन्द्र यादव, “उखड़े हुए लोग” (उपन्यास), राजकमल प्रकाशन, दिल्ली, १९५६
- S, K.g. — सर्वेश्वरदयाल सक्सेना, “काठ की घंटियाँ”, भारतीय ज्ञानपीठ, काशी, १९५९
- S, T. — सुदर्शन, “तीर्थ-यात्रा” (कहानी-संग्रह), सरस्वती प्रेस, बनारस, १९५१
- Š, B.b. — शैलेश मटियानी, “बोरीवली से बोरीबन्दर तक” (उपन्यास), आत्माराम, दिल्ली, १९५९
- Š, H — शैलेश मटियानी, “हौलदार” (उपन्यास), आत्माराम, दिल्ली, १९६१

СОДЕРЖАНИЕ

А. Л. Грюнберг. К диалектологии дардских языков. (Глангали и земиаки)	3
В. А. Ефимов. О месте хазара в таджикском языковом массиве (на материале якаулангского диалекта)	30
В. П. Липеровский. Флексивное «настоящее время» в современном брадже	48
И. М. Оранский. Новые сведения о секретных языках (арго) Средней Азии. III. Этнографическая группа чистони, ее диалект и арго.	66
Б. Я. Островский. О месте ударения в именах существительных кабульского диалекта	100
Б. Я. Островский. Чередование звуковых форм <i>be-/bo-</i> глагольного формообразующего префикса в кабульском диалекте	109
В. А. Чернышев. Некоторые черты бомбейского говора хиндустани (на материале современной прозы хинди)	121
В. А. Чернышев. Просторечные элементы в синтаксисе литературного хинди	142

ИНДИЙСКАЯ И ИРАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Вопросы диалектологии

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. М. Белоусов*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректор *В. М. Кочеткова*

Сдано в набор 18/XII 1970 г. Подписано к печати 21/VI 1971 г.
А-11212. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага № 1 Печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 9,86
Тираж 1400 экз. Изд. № 2021. Зак. № 1406. Цена 62 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука» Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

62 коп.